СТАЛИНГРАД

АГОНИЯ СТАЛИНГРАДА

Эдельберт ХОЛЛЬ

ВОЛГА ТЕЧЕТ КРОВЬЮ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Здесь горела земля, пылало и рушилось небо, а Волга текла кровью. Здесь решалась судьба Великой Отечественной войны и судьба России. Здесь Красная Армия сломала хребет прежде непобедимому Вермахту.

Решающее сражение Второй Мировой глазами немецкого офицера. Гитлеровские панцергренадеры в огненном и ледяном аду Сталинграда. Мучительная агония 6-й армии Паулюса, истекающей кровью и подыхающей от голода в «котле».

Перевод: А. Кияйкин

- Эдельберт Холль
- Глава 1 Битва за устье Царицы От женской тюрьмы ГПУ до берегов Волги за три дня
-
-
-
- Глава 2 Боевые действия в поселке Баррикады 276-й пехотный полк переподчинен 24-й танковой дивизии
-
- Глава 3 Наш полк возвращаетсяв 94-ю пехотную дивизию Действия у рынка и Спартаковки
-
- Глава 4 Шестая армия в окружении!
- Глава 5 94-я пехотная дивизия расформирована
- Глава 6 Остатки 276-го Гренадерского Теперь – часть 1-го батальона 79-го панцергренадерского полка
-
- Глава 7 Котел разделен на Северный и Южный
- Глава 8 Отходим на городскую черту
- Глава 9 Последние дни
-
- Приложение Карьера Эдельберта Холля

Эдельберт Холль
Агония Сталинграда. Волга течет кровью

Глава 1 Битва за устье Царицы От женской тюрьмы ГПУ до берегов Волги за три дня

23 сентября 1942 г.

– Лейтенант Холль прибыл из отпуска по ранению! – Я стоял перед батальонным командиром, доктором Циммерманом.

– Господи, Холль, вас мне сам бог послал!

Я с удивлением взглянул в усталое вытянутое лицо моего майора.

– Должен вам сказать, – продолжал он, – в списке потерь последних дней – все ротные командиры. Ваш преемник, обер-лейтенант Менхерт; лейтенант Янке из пятой роты потерял правую руку в атаке на Сталинград-Южный, рубка была еще та, и пока что 8-ю роту принял обер-фельдфебель Якобс. Теперь у меня есть хотя бы вы и мой адъютант, лейтенант Шюллер.

Этот высокий худой человек – который годился мне в отцы – сидел, согнувшись над котелком, и серьезно смотрел на меня. Пламя свечи отражалось в стеклах очков.

– Мы каждый день ждем пополнений, потому что они отчаянно нужны; наверное, они уже на подходе.

Лейтенант Эдельберт Холль в 1941 г.

8 июля мы оставили зимние позиции у реки Донец рядом с Ныркова, чтобы принять участие в летнем наступлении. Атака на Бастион, где в апреле вас ранило, с самого начала стоила нам больших потерь. Лейтенант Ридель из 5-й роты – убит, его сменил лейтенант Янке; лейтенант Мадер из 6-й роты – убит, его сменил лейтенант Кремер. Мы прошли через Ворошиловград в общем направлении на юго-восток к Кавказу. Перейдя Дон, мы шли по калмыцкой степи, все так же на юго-восток. Встретили серьезное сопротивление у Катышевой балки. Когда мы его сломили, пришел приказ развернуться флангом влево и идти на северо-восток к Сталинграду. На южной окраине города нам снова пришлось преодолевать сильное сопротивление. Сейчас мы в самом разгаре уличных боев. Я огляделся внимательнее.

Поскольку города я не знал, батальонный связной встретил меня на исходе дня где-то в южных пригородах. Он провел меня в это трехэтажное каменное здание, проводив на КП батальона по настоящему лабиринту подземных ходов. Это был голый подвал без окон, с запахом сырости и плесени. Мне предстояло узнать, что все предыдущие недели помещение использовалось как женская тюрьма.

Штаб II батальона 276-го пехотного полка был расположен в женской тюрьме ГПУ

– Теперь расскажите, что с вами стало после ранения в Ныркове.

– Мне хватит нескольких коротких фраз, герр майор. После

того как меня прооперировали в Бад-Швальбахе, чтобы вынуть пулю из правого плеча, я получил отпуск для свадьбы. Мы поженились 20 июня. Потом мой отпуск кончился, и мне пришлось доложить о себе в запасном батальоне в Наумбурге-на-Заале. Там я встретил несколько товарищей из нашей дивизии, включая теперешнего командира, герра гауптмана Шольца, моего бывшего командира роты, обер-лейтенанта Ферстеру, лейтенанта Малеца и лейтенанта Ширбеля из нашего батальона и нескольких господ из других полков. Герр Малец предложил мне стать инструктором отряда истребителей танков (5 мая 1942-го Холль получил два значка «За подбитый танк противника» – за два танка, подбитых 8 августа 1941 г. из противотанкового ружья. – *Прим. ред.*), но я отклонил его предложение, потому что хотел вернуться к товарищам на фронт. Пока шло мое назначение на должность, у меня получилось еще несколько дней отдыха. 20 августа я снова был в Наумбурге и получил направление в 134-ю пехотную дивизию, развернутую в центральном секторе в районе Орла. Несмотря на теплый прием, оказанный командованием и солдатами, мне было невесело. Они не были моими старыми товарищами. У себя я знал каждого рядового в батальоне. А здесь я чувствовал себя как рыба, вынутая из воды. То, что я был назначен офицером пехотного прикрытия к командиру XXXXI танкового корпуса, генералу танковых войск Харпе, ничего не меняло. Под предлогом того, что меня беспокоит рана, я попросил генерала Харпе отправить меня домой до выздоровления. Вот командировочное предписание. Дорога в родную часть заняла 8 дней.

Майор ухмыльнулся:

– Так это все было сплошным притворством?

– Так точно, герр майор!

– Переночевать можете здесь, на командном пункте, а завтра принимайте свою старую седьмую роту. Тогда же прибудет лейтенант Шюллер; он направляется в роты на переднем крае, чтобы посмотреть, все ли там в порядке. Шюллер введет вас в курс дела насчет положения на передовой. А как у вас дела дома? Как жена и родители?

– Прекрасно, герр майор. Они, естественно, все были счастливы, особенно когда я быстро оправился от раны – все 8 недель за мной всячески ухаживали.

– Рад за вас, Холль. Кто знает, сколько вам еще придется ждать отпуска. А вот и лейтенант Шюллер.

Я обернулся и увидел располагающее лицо моего друга Иоахима Шюллера. Он тоже узнал меня с первого взгляда. Его лицо просветлело.

– Надо же, Альберт, хорошо, что ты вернулся. Ты прямо из дома?

Мы стиснули друг другу руки, поглядели друг на друга и обнялись.

– Нет, Йохен, я из-под Орла в центральном секторе. Остальное тебе расскажет командир. Как дела на фронте?

Его глаза посерьезнели.

– Сейчас на фронте тихо, но отчаянно нужно пополнение, последние дни были особенно жестоки и к людям, и к лошадям. С начала наступления от Ныркова после зимней паузы у нас были значительные потери. Хельмут Ридель убит, Франц Мадер ранен, лошадь Зигфрида Пёнигка наступила на мину, погибли и всадник, и лошадь, и сейчас, перед Сталинградом-Южным, ранен твой преемник в седьмой роте, обер-лейтенант Менхерт. Ханс Янке, принявший 5-ю роту после смерти нашего друга Риделя, потерял правую руку. У рядовых – не лучше; многие старые бойцы погибли или ранены. Самое время для пополнений.

Лейтенант Ганс-Иоахим (Йохен) Шюллер, адъютант II батальона 276-го пехотного полка

Я вернулся от встречи с другом к грубой реальности. Всего полгода назад батальон имел хорошо сбалансированную структуру управления – командиром был гауптман доктор Циммерман, адъютант – лейтенант Шюллер, компанифюрер (временный командир роты. – *Прим. ред.*) 5-й роты – лейтенант Ридель, компанифюрер 6-й роты – лейтенант Мадер, компанифюрер 8-й роты – лейтенант Вайнгертнер, доктор

Щепански – батальонный врач и оберцальмейстер Кнопп отвечал за снабжение. Мы узнали друг друга во время формирования дивизии, в сентябре 1939 г., на войсковом полигоне в Кенигсбрюке под Дрезденом. А сейчас, всего три года спустя, нас осталось так мало.

– Пошли, ты можешь лечь вот здесь, а завтра с утра я сразу отведу тебя в твою роту.

– Спасибо, Йохен, я устал как собака. – Я лег на шерстяное одеяло, сделал себе «подушку» из походного ранца и попытался заснуть. В полусне я слушал, как наш командир разговаривает с полком по полевому телефону. Снаружи в подвал проникал приглушенный звук разрывов световых бомб, и жужжание «швейной машинки» – так мы называли русские самолеты У-2 (По-2) – говорило о том, что я вернулся в родную часть.

24 сентября 1942 г.

В штаб. LI АК: *06.10 24 сентября 1942 г.*

За ночь 23/24.9. тяжелые бомбовые налеты на городской сектор, а также артиллерийский и ракетный обстрел, но никаких боевых действий…

Меня разбудил толчок в плечо: «Герр лейтенант, герр майор просил вас разбудить».

Я прыжком поднялся на ноги. Быстрое «умывание по-кошачьи», форма приведена в порядок – и я стою перед командиром.

– Лейтенант Холль явился по вашему приказанию!

– Спасибо, Холль. Хорошо ли спалось?

– Так точно, герр майор, можно сказать, хорошо.

– Тогда начнем. Посмотрите на карту. Нам приказали продвинуться до Волги по обоим берегам Царицы – вот она, течет в Волгу и впадает в нее в километре отсюда. Противник устроился в развалинах и ведет упорное сопротивление. Мы наступаем в лоб. Вчера в этой точке наши пионеры (саперы. – *Прим. пер.*) на южном фланге противника пытались выкурить его огнеметами, пока не стемнело, – но их отбросили с большими потерями. Ваш сосед справа – на этом берегу Царицы – третий батальон гауптмана Риттнера. Левый сосед – батальон разведки 71-й пехотной дивизии. Граница с левым соседом проходит по этой улице, которая идет более-менее прямо в сторону Волги. Вам отдадут остатки 5-й и 6-й рот, а также 8-ю роту, которой сейчас командует обер-фельдфебель Якобс. Мы позавчера получили пополнение из учебно-запасного батальона, в основном 18–19-летних судетских немцев без фронтовой закалки. Вот-вот должны прибыть офицеры. Мне еще нужно получить точное время начала атаки из штаба полка, но, думаю, это будет 06.00. Вопросы?

– Нет, герр майор. Рад, что здесь гауптман Риттнер, так что не придется беспокоиться о соседе справа.

– Да, Холль, Риттнер на фронте надежен, как скала. За успешное командование батальоном его представили к Рыцарскому кресту.

– Рад за него. На карте Сталинград выглядит лучше. Положение похоже на мой родной город Дуйсбург. Оба лежат на реке, оба вытянуты с севера на юг на 30 километров и с запада на восток на 8–10 километров. Только мой родной город лежит на восточном берегу Рейна, а Сталинград – на западном берегу Волги.

– Ну, вам пора идти. Ваш связной Марек проводит вас на командный пункт. Берегите себя, и удачи.

Я отдал честь и вышел. Обер-ефрейтор Марек уже ждал в прихожей. Я его знал с тех пор, как принял роту. Он был из Верхней Силезии, у него там была небольшая ферма – а сам он был воплощенная надежность. Я был рад снова увидеть его честное лицо.

– Ну, Марек, старая каналья, как дела? – я протянул ему руку.

– Хорошо, герр лейтенант. Мне пока чертовски везет!

– Был в отпуске?

– Нет, герр лейтенант, последний раз – еще во Франции.

– Тогда это черт знает как давно!

– Ну да, но я не женат, и пришлось несколько раз уступить его женатым товарищам.

– Когда закончится эта заваруха, придет и твоя очередь. Я прослежу.

На обеих фотографиях: разрушенные дома на Краснознаменской улице, известной у немцев как «Ления»

Пока мы болтали, Марек вывел меня наружу по лабиринту коридоров под бывшей женской тюрьмой. Через улицу, параллельно, почти точно совпадая с линией север – юг, шла линия железной дороги. Мы повернули на восток и пошли в сторону будущего наступления к Волге. Временами слышался автоматный и ружейный огонь. Он доносился слева, из центра

города. Над слегка светящимся горизонтом виднелись развалины каменных зданий, молчаливые и мрачные. Промежуток между ними – мешанина обугленных бревен – еще дымился. Метров через сто Марек ввел меня в подвал частично выгоревшего блокгауза. Я был на командном пункте роты. Он располагался в яме в подвале, перед которым темнели остатки кирпичной стены, с которой можно было наблюдать за противником. Когда я вошел, слабый свет гинденбурговой лампы («парафиновая плошка», или «тепловая свечка». – *Прим. пер.*) позволял лишь слегка различать обстановку. Темная фигура вытянулась и доложила: «Командный пункт 7-й роты. Фельдфебель Гроссман с тремя связными рад снова видеть вас в роте, герр лейтенант».

Я взволнованно взглянул в глаза испытанных друзей. По небритым лицам, черным от сажи, читалось напряжение последних недель. Они были искренне рады видеть меня. Слов не хватало – их заменило рукопожатие.

– Спасибо, Гроссман, вольно. Доброе утро, камераден!

– Доброе утро, герр лейтенант!

– Марек, пока остаешься здесь. Гроссман, покажи мне, где здесь что, у нас приказ атаковать через два часа. Марек, приведи командиров 5, 6 и 8-й рот и скажи, что приказом командира батальона сегодня они подчиняются мне. Ты знаешь, где у них КП?

– Так точно, герр лейтенант, здесь все сидят друг у друга на головах.

Когда Марек рысцой убежал, фельдфебель Гроссман показал мне, где мы находимся, на захваченной карте Сталинграда. Оторвав глаза от карты, я взглянул в озорные глаза унтер-офицера; у него висел Железный крест первого класса. Мои глаза широко раскрылись от удивления:

– Ничего себе, Павеллек! Юшко, ты – унтер-офицер и у тебя Железный крест первого класса! Как тебе удалось?

За него ответил фельдфебель Гроссман:

– Три дня назад Павеллек с легким минометом вывел из строя батарею «ратш-бумов» (советская 76-мм пушка. – *Прим. ред.*) и был повышен в унтер-офицеры и представлен к Железному кресту первого класса.

– Фантастика! Юшко, ты должен мне об этом рассказать.

– Ну что тут рассказать, герр лейтенант, мы пробивались через южную часть города, и я увидел целую батарею, четыре пушки, которые выкатывали на позицию прямо на перекрестке. Ну, я установил миномет за стеной, одна нога здесь, другая там – и второй выстрел дал прямое попадание, а дальше уже просто домолачивал. 20–30 минут, как дождик – как вы делали под

Каневом на Днепре, когда «Иваны» (немецкое прозвище советских солдат. Подобно тому, как немецких солдат называли «фрицами» или британских «томми». – *Прим. ред.*) подошли на 40 метров по пшеничному полю, и вы дали им из легкого миномета отпущение грехов. Я ничего не забыл.

Я вернулся в мыслях в Оберлаузиц и во Францию, где я обучал этих грубых, но честных людей из Верхней Силезии владеть оружием пехоты. Иногда они втихомолку ругали меня, но знали, что я так же требователен к себе, как и к ним. В конце концов, я показал им все, что было на самом деле нужно. При этом я просто передал им то, что вложили в меня инструкторы рейхсвера. А они были родом в основном из Силезии и Восточной Пруссии.

– И что потом?

– Ну, весь батальон рванулся вперед; из-за моего благословения сверху «Иван» почти не оказал сопротивления, и мы взяли еще один кусок этого чертова города.

Я обернулся к фельдфебелю Гроссману. Он был в моей седьмой роте с тех пор, как у Канева год назад в августе (1941 г.) первый батальон был полностью обескровлен (в том бою батальон лишился практически всех офицеров. Командир батальона майор фон Хейдбранд унд дер Лаза и его адъютант, лейтенант Вилль, ранены. Командир 1-й роты, обер-лейтенант Ханн, убит шрапнельной пулей в голову; командир 2-й роты, гауптман Бёге, ранен, взят в плен и вскоре погиб; командира 3-й роты, обер-лейтенанта Майнхарта, постигла та же участь. Командир 4-й роты, обер-лейтенант Риттнер, принял командование батальоном до его расформирования. – *Прим. зарубежного издателя*), и остатки распределили между 2-м и 3-м батальонами. Он был родом из Мекленберга и был высок, худощав, белокур и голубоглаз – архетип викинга. Его надежность была невероятной. Выговор у него был северогерманский. В речи отчетливо слышалось острое «с», непохожее на четкое, раскатистое верхнесилезское «р» у остальных.

– Ну-ка, Гроссман, что тут происходило с моего ранения 19 апреля у Нырково? Только, пожалуйста, вкратце.

– Как вы теперь знаете, мы были назначены к атаке на Бастион 8 июля. После вас командиром стал обер-лейтенант Менхерт. Его ранили вскоре после того, как мы дошли до городской черты у Сталинграда-Южного. Это было 10 дней назад. С тех пор ротой командовал я. Лобовая атака на Бастион («Бастион» – господствующая высота 234,6, к северу от Нырково, на которой были советские наблюдательные посты. Необходимым условием наступления немецкой 94-й пехотной дивизии 9 июля

1942 г. был захват «Бастиона». 276-й пехотный полк начал атаку высоты 8 июля и после тяжелого боя захватил и удерживал против мощных советских контратак. Имея контроль над высотой, немцы начали основную атаку по плану. – *Прим. ред.*) у Нырково нам дорого обошлась. Там убили лейтенанта Риделя. Весь Южный фронт кипел, как котел. Для нас все это означало в основном марш – а потом еще марш. Мы с трудом поспевали за моторизованными частями. Через Ворошиловград и Калач, общим направлением на юго-восток в калмыцкую степь, но там дивизию повернули на восток, и мы вломились в Сталинград с юга. Лейтенант Янке, сменивший лейтенанта Риделя в 5-й роте, потерял руку вскоре после того, как мы дошли до черты города; лейтенант Пёнигк наехал на мину под Ворошиловградом и погиб. От старого состава мало кто остался. Теперь, после вашего прибытия, в роте: 1 офицер, 2 фельдфебеля, 2 унтер-офицера и 39 рядовых, всего 44 человека. Фельдфебель Купал тут недалеко, командует взводом. Тремя отделениями командуют унтер-офицер Роттер, обер-ефрейтор Диттнер и обер-ефрейтор Ковальски. Унтер-офицер Павеллек – командир отделения управления и мастер на все руки.

Самодельная дверь распахнулась наружу. Войдя, солдат вытянулся по стойке «смирно»:

– Обер-фельдфебель Якобс явился по вашему приказанию!

– Спасибо, друг мой, рад тебя видеть. – Мы пожали друг другу руки. Только тот, кто сражается в жесточайшем бою, безоговорочно полагаясь на своих товарищей, как мы полагались на обер-фельдфебеля Якобса и его взвод тяжелых минометов, поймет мимолетное, но чистосердечное чувство, проявленное в этом приветствии. То, что в надвигающейся атаке участвуют и эти опытные бойцы, внушало надежду. Гроссман и Якобс выглядели как братья, и Якобс тоже был родом из Северной Германии.

Теперь я ждал появления старого друга Ули Вайнгертнера, который командовал 5-й ротой с ранения лейтенанта Янке. Вайнгертнер пришел к нам из 14-й роты истребителей танков. Он застал молодым добровольцем конец Первой мировой войны. Он был старшим из наших товарищей. У него было время для каждого, он был абсолютно надежен, и все любили его. Было для него место и в моем сердце, несмотря на всю нашу разницу в возрасте. Прошло всего несколько минут до появления Ули.

– Гутен морген, господа!

Увидев меня, он просиял:

– Господи, Берт, как хорошо снова тебя видеть! Я уже слышал о твоем прибытии и был рад, что в батальон вернулся один из «стариков». – Мы крепко пожали друг другу руки. Можно было

почувствовать незримое присутствие павших друзей и тех, кто был еще жив, когда меня ранили в апреле, и кого уже не было с нами. Безмолвная скорбь легла на нас с этим рукопожатием.

– Ну, мой дорогой Ули, о том, что случилось за эти месяцы, ты можешь рассказать и потом. Пока не пришел лейтенант Фукс, доложи мне о том, что делается на фронте.

– Да, мой добрый друг, в последние дни было чертовски трудно, и они нам дорого обошлись. Русских взял врасплох удар наших танковых и моторизованных частей, которые составили так называемую блокирующую позицию к северу от города, чтобы отбивать атаки с севера, пока следовавшие за ними части не подошли, чтобы взять город. Такая же реакция была, когда мы пробились из калмыцкой степи в южную часть Сталинграда. Лейтенант Янке успел до ранения увидеть город, и я принял у него роту. Самые тяжелые бои шли вокруг элеватора. За другие кирпичные и бетонные здания «Иваны» буквально держались зубами. Это для нас совершенно новый вид боя. Приходится ждать огня из любой дыры или пролома. Эти парни вылезали даже из-под земли. Они освоились в канализации – неожиданно поднимают крышку, стреляют в тебя сзади, несколько солдат уже мертвы или ранены, и потом исчезают как призраки. Никто ничего не видит. Полная неожиданность. Мы устали и стреляем во все, что движется. Высокую цену нам пришлось заплатить своей кровью!

Я посмотрел на часы. Было 04.45. Скоро нам сообщат, когда начать атаку. Тем временем прибыл лейтенант Фукс. Он командовал 6-й ротой, или, более точно, ее остатками, поскольку, в пересчете на живую силу, мы были не более чем славными командирами взводов. Мы представились друг другу, и я дал ему объяснить точное положение роты на карте (трофейном плане Сталинграда). Соответственно, я поместил свою роту на левый фланг батальона, с привязкой к правому флангу разведывательного батальона 71-й пехотной дивизии, справа от меня была 6-я рота, примыкающая к III батальону по Царице, 5-я рота стояла в резерве за 6-й ротой, а 8-я рота, с четырьмя тяжелыми минометами и четырьмя тяжелыми пулеметами, располагалась за обеими передовыми ротами.

– Господа, нам приказали взять многоэтажное здание, на карте оно находится вот здесь. Видите, оно U-образное и обе ножки направлены на нас. Вы лучше меня знаете, как сильно здесь сопротивление противника, поскольку вчера ваша атака здесь захлебнулась. Мы скоро узнаем от связного, когда начнется атака и получим ли мы поддержку артиллерии или гаубиц 13-й роты. Поскольку вам недалеко идти в свои роты, я предлагаю

подождать связного.

Через дыру в стене мы пытались выглядывать на поле боя, лежащее перед нами. Начинало светать. Над целым районом саваном висел дым догорающих бревен из развалин. Тут и там ветер раздувал пламя. По всей округе странно торчали в небо печные трубы сожженных деревянных домов. Перед нами – метрах в 300 – можно было различить смутный силуэт высотного здания. Было еще недостаточно света, чтобы увидеть его в подробностях. Между ним и нами были лишь руины кирпичных стен, голые трубы и дымящиеся кучи бревен. Нужно было понять, как пересечь этот кусок земли и войти в здание. Центральная часть была сильно разрушена прямыми попаданиями бомб, но пулеметный огонь из обоих боковых крыльев был так плотен, что наши солдаты не могли сделать ни шагу.

– Якобс, ты должен подавить вражеский огонь из боковых крыльев точным огнем всех своих тяжелых пулеметов, особенно там, где «Иван» занимает верхние этажи и может сверху выцеливать наших. Ты должен накрыть наземные цели из своих минометов. Если возможно, мы хотим оставаться в пределах голосового и зрительного контакта. Фукс, вы берете цели на южном фланге, то есть справа отсюда; моя рота возьмет северное, левое, крыло. Там у нас будет очень узкий фронт наступления, и мы сможем сохранять визуальную, а иногда и слуховую связь. Есть вопросы? Нет? Тогда все ясно, кроме времени начала атаки.

В штаб 6-й армии: *12.30 24 сентября 1942 г. После расчистки сектора у устья Царицы мы намерены перевести 94-ю ПД в район к северу от Городище, одновременно развернув ее для очистки территории вокруг Орловки.*

В постепенно крепнущем свете дня появился мой старый друг Марек.

– Герр лейтенант, приказ командира батальона начать атаку точно в 06.00. Батальон вначале не получит никакой поддержки тяжелым оружием, оно поддерживает другие части.

– Спасибо, Марек, доложи герру майору, что мы атакуем, как приказано. Проследи, чтобы герр майор знал, что нам нужна артиллерийская поддержка – чем раньше, тем лучше.

– Так точно, герр лейтенант! – Марек козырнул, развернулся и убежал.

– Итак, господа, вы все слышали, что артиллерийской поддержки у нас не будет. Надеюсь, нам повезет, и желаю, чтобы повезло всем. Сверим часы: на моих 05.25. Герр Фукс, обе наших роты наступают вместе в 06.00. Двигаемся как можно тише, чтобы выдвинуться на участок перед домом, не встревожить противника. А дальше действуем по ситуации. Ули, со своей ротой остаешься

здесь, держи связь со мной и жди приказа.

Пожав руки товарищам, я остался один с группой управления и фельдфебелем Гроссманом.

– Гроссман, оставайся на левой стороне роты, вдоль улицы. Посмотри на карте – она идет мимо левого фланга цели атаки. И скажи своим людям, чтобы они были осторожны. С нашей теперешней численностью каждая потеря стоит вдвое больше.

– Так точно, герр лейтенант, три дня назад мы, на счастье, получили 20 человек пополнения из запасного батальона. Это 18–19-летние судетские немцы. Никакого боевого опыта, обучены второпях, боевую гранату не метали ни разу. Я их уже распределил по остаткам роты и вверил их в старые опытные руки.

– То есть каждый второй не имеет боевого опыта. Как это ободряет!

– Скоро он у них будет, герр лейтенант. В целом они неплохо смотрятся.

– Верю, Гроссман, но, не имея боевого опыта, быть брошенным в такую сложную ситуацию – это для них, пожалуй, слишком. Нам с ними нужно быть особо осторожными, чтобы они не попали в мясорубку. Да, все это относится к тому, когда им выступать. Но, как я и говорил, ты остаешься на левой стороне улицы, так что я знаю, где вы будете и где вас найти. Берегите себя.

– Спасибо, герр лейтенант!

Было еще 15 минут до того, как мои товарищи начнут выдвижение. Унтер-офицер Павеллек, обер-ефрейтор Неметц и обер-ефрейтор Вильман стояли рядом. Я сам обучал этих солдат после Французской кампании, когда дивизия полгода стояла в Оберлаузице и вокруг Циттау. Не было легкого пехотного оружия, которым бы они с блеском ни владели, и они были опытными связными. Последний год на фронте спаял нас, и каждый знал, что может положиться на остальных.

– Юшко!

– Герр лейтенант?

– У нас еще осталось наше особое оружие?

– Точно так, герр лейтенант, все в тылу в обозе, нужно подождать, пока доставят.

– Хорошо, подумай об этом, когда вечером с полевой кухни придет гауптфельдфебель Михель. Кстати, как он?

– Хорошо, герр лейтенант, надежен, как всегда. Когда никто другой не может найти свою роту, Михель всегда тут как тут.

Я был бы более счастлив, имей я свой арсенал прямо сейчас. «Особое» включало связки зарядов от гранат-колотушек, русский

автомат, русское противотанковое ружье и соответствующие боеприпасы. После первых действий в России мы поняли, что русские пистолеты-пулеметы и противотанковые ружья более грубы, чем наши. Наши были хороши, но отказывали, попав в грязь. Вскоре я стал возить с собой патроны к трофейному оружию – на всякий случай, – и несколько раз они пригодились.

Еще две минуты, и начинаем. Я взглянул на небо. На нем не было ни облачка, не считая дыма от пожаров вокруг нас. Горизонт на востоке посветлел. С каждой минутой очертания зданий перед нами – точнее, их развалин – становились все четче. Цель нашей атаки также четче выделялась на фоне других. Временами справа и слева доносился автоматный и ружейный огонь. Раздалось несколько выстрелов из вражеских пушек с восточного берега Волги, их снаряды разорвались в стороне от нас. День обещал быть жарким. Мои часы показывали, что наши люди уже вышли. Противник еще ничего не заметил, в нашем секторе не было ни выстрела. Хоть бы мы смогли подобраться к зданию незамеченными! Все мое внимание было отдано фронту атаки. Вдруг тишину в нашем секторе разорвал огонь русского пулемета. Был слышен ружейный огонь, за которым вскоре раздалась стрельба наших пулеметов. Теперь здесь развивался оживленный бой. Тем временем 8-я рота открыла огонь из тяжелых пулеметов. Тут и там жужжали рикошетные пули. Как-то неожиданно рассвело. Через бинокль я мог со всей четкостью различить назначенную цель атаки. Это было шестиэтажное здание красного кирпича, общей шириной метров 80. С каждой внешней стороны отходили боковые крылья, каждое в длину около 20 метров. Все строение выглядело перевернутой квадратной буквой «U». Центральной части сильно досталось от Люфтваффе и артиллерии. Через проломы на месте окон были видны груды щебня. В этой части здания противника не было видно. Однако из обоих боковых крыльев шел оборонительный огонь. «Иван» был замечен на верхних этажах. Оттуда он контролировал всю территорию перед домом. За 150 метров до цели наша атака остановилась. Отделения укрылись и вели ответный огонь. На командном пункте появились связные от фельдфебеля Гроссмана и лейтенанта Фукса и сообщили то, что я и так знал. Я передал им указания залечь и ждать других указаний.

– Вильман!

– Герр лейтенант?

– Сообщи в батальон: «Атака в 06.00. Прошли 150 метров и залегли под огнем. Противник господствует над полем боя пулеметным огнем с возвышенной позиции. Не можем двигаться вперед без огневой поддержки из тяжелого оружия. Срочно

требуется поддержка!» Написал?

– Так точно, герр лейтенант!

Я подписал донесение, и Вильман убежал. Солнце уже поднялось, и становилось теплее. Я послал обер-ефрейтора Неметца за лейтенантом Вайнгертнером и обер-фельдфебелем Якобсом. Вскоре оба были передо мной. Часы показывали уже 09.00. Когда ты бодр, в состоянии духа, позволяющем молниеносно реагировать и принимать решения, как-то забываешь о времени. Я обсудил ситуацию с обоими товарищами. Слава богу, потерь не было.

– Ули, тебе все понятно?

– Так точно, Берт.

– Якобс, твои минометы не достанут до «Иванов» в крыльях дома, но их можно попытаться выкурить тяжелыми пулеметами.

– Герр лейтенант, мы точно определили, где находятся русские пулеметные гнезда, но эти парни очень проворные. У них есть запасные позиции, они нерегулярно стреляют оттуда и отсюда, потом прекращают огонь. Моим ребятам приходится быть начеку.

– Да, я это видел и доложил в батальон, более того – запросил немедленную огневую поддержку. С нашей сравнительно малой численностью мы должны избегать ненужных потерь. Я считаю так: мы не двигаемся вперед, пока не вычистим эти гнезда сопротивления. У соседа слева тоже не видно активности. Их сектор также прочесывается пулеметным и ружейным огнем из левого крыла здания. По звуку боя, они где-то за нами слева. Якобс, возвращайся к роте и не давай им высунуться. Ули, оставайся с унтер-офицером Павеллеком и подмени меня. Неметц, ты идешь со мной. Хочу нанести визит левому соседу и понять, где мы там находимся.

– Ладно, Берт. Возвращайся целым.

Я двинулся в тыл, перебегая от укрытия к укрытию. Я старался, чтобы меня не обнаружил противник или заметил лишь мимоходом. Через 100 метров – быстрый рывок через улицу, пересек линию разграничения с левым соседом. Мне пришлось несколько раз спрашивать, где находится командный пункт, пока я его не нашел. Солнце тем временем уже пекло вовсю, и я истекал потом. Я доложился командиру 171-го разведбатальона и представился как его правый сосед:

– Лейтенант Холль, компанифюрер 7-й роты 276-го пехотного полка.

– Фон Хольти.

– Герр подполковник, я бы хотел уточнить, как далеко вам удалось продвинуться. Нам нужно взять многоэтажный дом, чьи

верхние этажи видно отсюда. Наша атака завязла в 150 метрах от здания, попав под пулеметный и ружейный огонь с верхних этажей и обоих крыльев. Мы не можем двигаться ни вперед, ни назад, не неся тяжелых потерь. Я запросил огневую поддержку у своего батальона, но до сих пор оттуда нет вестей. Ваши люди лежат за нами. Я бы хотел знать, почему ваши части отстают.

Подтянутый, приятного вида подполковник – чей адъютант также выглядел с иголочки – ответил довольно покровительственно:

– Да, мой добрый друг, мы продвинулись не столь далеко, как надеялись. Мы также ждем огневой поддержки. Надеюсь, после обеда у нас будет два «штурмгешютце» (САУ, самоходка. – *Прим. пер.*). Пока они не придут, я вряд ли смогу продвинуться, поскольку мои люди на правом фланге не поднимают головы от земли из-за чертова пулеметного огня с вашей полосы атаки.

– Когда герр оберстлейтенант ждет пушки?

– Через час-другой.

– То есть между 14.00 и 15.00.

– Точно, мой добрый друг, вы можете прийти сюда еще раз.

– Если положение к тому времени не изменится, я приду. – Я отдал честь и пошел обратно со своим связным. Интуитивно мы держались поближе к остаткам стен и ныряли в укрытие, как только звук пушечного выстрела и приближающийся звук снаряда говорили о том, что разрыв сейчас будет где-то рядом. Когда я смог оглядеть себя, я был покрыт грязью и мокр от пота – я понял напыщенные манеры господина из другого рода войск. Они не были настроены на оскорбление, а мы не обижались – мы были пехота, «кузнечики», как некоторые нас называли. Пехота в этой бесконечной стране проходила пешком тысячи километров, а им нужно было прочно вцепиться в землю. Они не могли при случае быстро собраться и отправиться в следующую атаку. В этих частях на конной тяге все делалось с неторопливостью пешехода. Как бы то ни было, их отношение меня не задевало.

Когда я вернулся на командный пункт, я рассказал Ули о ситуации с соседом слева. С батальонного КП вернулся обер-ефрейтор Вильман. Майор Циммерман старался добыть нам поддержку тяжелым оружием. 3-й батальон гауптмана Риттнера, действовавший на другом берегу Царицы, тоже пострадал от пулеметного огня из южного крыла здания и не мог продвигаться дальше. Унтер-офицер Павеллек передал мне ломтик хлеба и чашку холодного кофе. Я проглотил все в один присест. Я не мог не думать о самоходных пушках. Лишь с их помощью мы можем атаковать и взять здание. А даст ли их в наше распоряжение оберстлейтенант фон Хольти? Что бы ни случилось, я собирался

через час еще раз навестить его. Появился обер-фельдфебель Якобс, желающий узнать, что с нашим левым соседом. Лейтенант Фукс со своими солдатами застрял перед зданием, там же был фельдфебель Гроссман. Лишь удар самоходными пушками напролом или приход темноты мог вывести их из затруднительного положения. Солнце безжалостно светило на город. Воздух дрожал, повсюду стоял сладкий запах разложения. Казалось, в нашем секторе все было мертво. С тыла я мог невооруженным глазом различить нескольких товарищей. Они нашли тень, чтобы укрыться, и почти не двигались. Вокруг тяжело разливалось напряжение.

На моем КП появился адъютант командира батальона лейтенант Шюллер, с ним был связной, обер-ефрейтор Марек.

– Ну, Берт, как дела на фронте? Командир приказал мне лично оценить ситуацию.

– Что ж, Йохен, со времени моего последнего рапорта в батальон ничего не изменилось. Наши солдаты влезли в мышеловку. К счастью, сейчас у меня в потерях лишь один легкораненый. Без поддержки артиллерии мы до темноты не продвинемся ни на шаг. А сможем ли мы действовать в темноте – это еще вопрос.

– Могу сказать от имени командира, что, по его мнению, сегодня мы не можем рассчитывать на огневую поддержку чем бы то ни было. Дивизия собрала все имеющиеся стволы на правом фланге, должна участвовать даже наша 13-я рота. Они там намерены пробиться до Волги – чего бы это ни стоило – и уничтожить противника. Тот бой слышен и отсюда.

Я, конечно, заметил, что самые громкие звуки доносились справа от нас. Получалось, что оба противника собрали все пушки в одном и том же месте. Также большое оживление царило слева от нас, у центра города. Звуки оттуда шли с большего расстояния, чем наш «концерт», звучащий буквально по соседству. Здесь играли пара паршивых пулеметов врага и автоматы, а также несколько винтовок. Их стрельба не была особенно громкой, так что, когда они попадали, это наносило больший урон. В такой критической ситуации у солдата на фронте для различения противника, лежащего прямо напротив, есть только глаза и уши. Лейтенант Шюллер, наблюдая в бинокль поле боя, обернулся ко мне с тревогой в голосе:

– Берт, мне не нравится состояние командира, он совсем желтый и выглядит и действует апатично. Боюсь, у него желтуха.

– Черт, только этого нам и не хватало: потерять папу Циммермана! Надеюсь, все не так плохо. Если получится, вечером зайду на командный пункт. Доложи герру майору, что я ходил

проведать соседа слева, Ауфклерунг-абтайлунг-171. Там ждут два «штурмгешютце». Увидим, насколько это нам поможет. Пока, Йохен, береги себя.

По моему сигналу обер-ефрейтор Неметц встрепенулся и пошел за мной. Дорога к левому соседу была уже знакома. Перебегая широкую асфальтированную улицу, служившую линией разграничения, я услышал низкое рычание двух моторов и лязг гусениц о твердый грунт. Радостные, мы побежали ближе к источнику звука, звучавшего в наших ушах, как музыка. Это наши товарищи! Я увидел их на соседней улице. Старательно прикрывая друг друга, в нашу сторону ехали два штурмовых орудия. Я помахал им руками. Первая машина – выглядевшая настоящим исполином – остановилась. Из командирского люка высунулась голова. Я увидел копну белокурых волос и два ярких глаза, вопросительно смотревших на меня.

– Лейтенант Холль, компанифюрер семь-двести семьдесят шесть.

– Лейтенант Хемпель.

– Герр Хемпель, вы должны нам помочь! Вы не сойдете вниз на минутку?

В два рывка белокурый лейтенант оказался передо мной. Он был на полголовы выше меня.

– Где пожар?

– Мы тут маемся уже добрых восемь часов. Не можем двинуться вперед. С этого высотного дома, верх которого виден через вон тот пролом, русские пулеметы господствуют над всей округой. Вас вызвали, чтобы облегчить участь разведбата-171.

– Да, правильно, мне нужно доложиться оберстлейтенанту фон Хольти – я ищу его командный пункт.

– Герр Хемпель, вам это не понадобится, если обе ваших машины пойдут за мной и помогут взять этот чертов дом и уничтожить противника. Когда этот кошмар закончится, вы сможете доложить о себе в батальоне, но думаю, тогда вы им на сегодня уже не понадобитесь.

Мои слова, кажется, убедили лейтенанта.

– Ладно, герр Холль, я вам помогу. Что вы предлагаете?

– Если вы пройдете за мной до следующего перекрестка, нам надо будет повернуть налево по этой асфальтированной улице. Вы видите тот дом впереди в 400 метрах по правой стороне улицы? Я с тремя солдатами пойду за вашим орудием, четверо остальных пойдут за вторым. Подавите врага в левом крыле и стреляйте во все, что увидите; второе орудие будет делать то же самое с правым крылом. Все нужно делать так быстро, чтобы противник не смог понять, что в него попало. В случае любой

неожиданности мы прикроем вас с тыла.

– Ладно, договорились. Когда вы двинетесь, я первым делом дохожу до следующего перекрестка. А пока я дам указания второму орудию.

– Неметц, ты слышал наш план. Быстро беги на командный пункт. Павеллек и Вильман пойдут с тобой за первым орудием. Я тоже там пойду. Обер-фельдфебель Якобс с тремя солдатами из своей роты пойдет за вторым орудием. Скажи Якобсу, что мы штурмуем левое крыло, а он берет на себя правое. Ты все понял?

Уже на бегу он прокричал:

– Так точно, герр лейтенант!

– Герр Хемпель, моему связному понадобится 15–20 минут, чтобы добраться до моих солдат, а им – пробраться незамеченными к нам. Я собираюсь подойти к перекрестку как можно ближе, но чтобы меня не видели те, кто засел в доме. Медленно следуйте за мной и по моему сигналу вставайте. Когда я несколько раз сожму руку, это сигнал «вперед» – и без остановки двигайтесь к цели.

– Все ясно, герр Холль. Удачи!

Сцена разрушений: поле боя, на котором 24 сентября 1942 г. дрались Холль и его люди

Штаб LI армейского корпуса: *16.45 24 сентября 1942 г.*

В 07.00 LI АК начал атаку на вражеский плацдарм по обоим берегам Царицы…

В частности:

В тяжелых боях за каждый дом 267-й ПП подошел к Царице на 300 метров. Оборона по району устья Царицы, району железной дороги на юго-запад от него и по северной части острова на Волге (остров Голодный. *– Прим. пер.).*
71-я ПД атаковала после тщательной подготовки VIII авиакорпусом. В городском секторе к северу от устья Царицы – состоящем в основном из кирпичных зданий и многочисленных многоэтажных сооружений – сопротивление противника заметно сильнее, чем в других районах города. За каждое здание и фабричный корпус приходится вести самые упорные бои.

Я осторожно пробирался вперед, используя любое укрытие по дороге. «Иван» не должен ничего заметить. Оба штурмовых орудия медленно двигались за мной. Когда я добрался до перекрестка, то дал оговоренный сигнал остановки. В бинокль я видел, как Павеллек и Вильман ползут вдоль улицы. Теперь им будет очень просто присоединиться ко мне, когда я пройду мимо них, двигаясь за первым «штурмгешютце». Я также видел, что обер-фельдфебель Якобс с тремя солдатами уже на месте и с ними мой связной. Они дошли до Павеллека и ждали нашего появления. Я еще раз осмотрел широкую и прямую улицу. Вдоль правой стороны стояли деревянные столбы, с которых свисали электрические провода, некоторые были повалены и лежали на земле. К ним все еще были присоединены провода. Приходилось следить за тем, чтобы не увязнуть в них. Я стиснул правый кулак и несколько раз ткнул им вперед. Оба орудия медленно покатили вперед. Командиры были внутри, опустив крышки люков. Когда орудие лейтенанта Хемпеля выкатилось на середину перекрестка, оно развернулось на юг, и я прыгнул за него. Я бежал трусцой за орудием, так что у меня было укрытие от русских и я мог отдать приказ своим людям, когда мы с ними поравняемся. Громовой раскат бросил меня на колени. Оружие лейтенанта Хемпеля обнаружило цель и сделало первый выстрел. Второй выстрел последовал сразу же после первого. Второе оружие тоже начало обстрел цели, правого крыла здания. После неожиданного первого я уже спокойнее воспринимал оглушительные выстрелы обоих орудий. Никогда раньше я не стоял так близко к ним. Но они оказывали моим товарищам столь нужную помощь. Мы миновали Якобса, Павеллека и их бойцов. Согласно моему приказу, отданному через Неметца, они присоединились к нам. Теперь за каждым оружием шло четыре пехотинца. Я прокричал Неметцу:

– Неметц, беги к лейтенанту Вайнгертнеру! Когда мы дойдем до здания, он должен подняться в атаку во всю ширину сектора. Оставайся с ним, пока тоже не подойдете к зданию.

– Так точно, герр лейтенант, вас понял!

Все происходило просто молниеносно, мы бегом двигались за ведущими огонь орудиями. Из здания больше не велся огонь, из-за которого весь день нам было так тяжело. Мы подошли к дому, уворачиваясь от проводов, которые натягивали движущиеся машины. До входа на левой стороне здания оставалось еще 30 метров. Правый вход лежал в ста метрах дальше.

– Якобс, нам нужен скоординированный удар. Я возьму левый вход, ты берешь правый. Понятно?

– Ясно!

«Штурмгешютце» встали, их оружия были готовы стрелять по обоим крыльям здания.

– Гранаты готовы? Все готовы? Пошли!

Мы как можно быстрее побежали вперед. Несясь вперед, я видел, что все были на ногах и бежали к дому. Мы добежали до входа. Наверху ничего не было слышно. Деревянная лестница вела вниз в подвал. Шум доносился оттуда. «Павеллек, прикрой меня сверху с Вильманом. Пойду посмотрю, что там».

Я держал готовую к броску гранату и в два прыжка спустился до самого низа. Через открытую дверь проходил слабый дневной свет. Я подождал, пока глаза привыкнут к слабому освещению в ближней ко входу комнате. Из полуоткрытой двери шел слабый свет. Я пнул дверь, готовый бросить гранату и схватиться за автомат. Комната была набита людьми. Женщины с детьми на руках, старики, старухи, мальчики и девочки – все со страхом смерти смотрели на меня; все плакали и кричали в замешательстве.

Как можно громче я заорал в комнату «Тихо!». Суматоха моментально прекратилась, все глаза обратились ко мне.

– Кто-нибудь говорит по-немецки?

Короткое перешептывание, и через толпу ко мне протиснулся старик и сказал:

– Я немного понимаю по-немецки.

– Тогда скажите всем своим людям, что им нечего бояться. Мы не воюем с женщинами, детьми и стариками.

Он перевел сказанное на русский.

Я продолжил:

– Все солдаты, прячущиеся здесь, должны выйти ко мне по одному и сложить оружие. С вами ничего не случится! Остальные будут оставаться в подвале и ждать дальнейших указаний.

Когда старик перевел, из дальнего угла вышли семь солдат. Их вывели наверх и разоружили. Тем временем в подвал спустился и Павеллек. Будучи родом из Силезии, он говорил по-польски и мог сказать этим людям, чего я от них хотел. Я

чувствовал, какое облегчение испытали эти жалкие создания, когда они поняли, что германские солдаты ведут себя не так, как говорит их пропаганда. Павеллек сказал старику, что он отвечает за поддержание порядка. Когда мы вернулись на первый этаж, я видел, что всего мы захватили семнадцать русских. Около двадцати отступили к соседнему зданию. Фельдфебель Гроссман и лейтенант Фукс мгновенно заняли сторону здания, обращенную на восток. К нашему облегчению, у нас было всего трое раненых и ни одного убитого.

Было почти 17.00. Оба «штурмгешютце» ждали в засаде и несли дозор в направлении неприятеля. Тем временем мимо нас двинулся сосед слева. В нашем секторе не было слышно почти никакого шума боя. Я пошел к нашим чудесным спасителям:

– Герр Хемпель, от имени моих людей я хотел бы выразить вам самую сердечную благодарность за вашу превосходную поддержку. Сами видите, какое чудо совершило ваше вмешательство.

– Герр Холль, мы лишь исполнили свой долг, как вы и ваши люди.

– Ну, вы прекрасно справились. Но как насчет завтрашнего дня? Двигаться вперед с вашей помощью нам будет легче.

– Вы абсолютно правы. Я доложу о вас командиру и попробую узнать, получится ли завтра вам помочь. Если командир будет согласен, я не смогу быть у вас раньше девяти ноль-ноль.

– Ничего – главное, что вы вообще придете. Мне доложить вашему командиру, как вы с вашими солдатами помогли нам?

– Не нужно. Командир знает, что мы выполняли свой долг.

– Ну, тогда, надеюсь, до завтра. Всего хорошего!

– Спасибо, вам также!

Завелись моторы, и оба орудия медленно поползли в тыл. Надеюсь, завтра мы их увидим.

Я вернулся в дом и обратился к Вайнгертнеру, который вместе с Павеллеком допрашивал русских пленных:

– Ну, Ули, что говорят наши пленные?

– Не много, они меня с трудом понимают. Они обороняют здание с примерно 40 солдатами. Ими командовал лейтенант. Когда орудия стали стрелять, лейтенант и половина личного состава отступили.

– Тогда ночью надо быть особенно внимательными. Неметц, ты уже знаешь нашего левого соседа. Возьми троих – кого назначит фельдфебель Гроссман, – и отведите пленных туда. Мне не с кем их оставить. Скажи оберстлейтенанту, что нам нужен каждый солдат.

Ули был доволен:

– Фантастика, Берт, все прошло как по маслу! Не думал, что сегодня мы сдвинемся хоть на метр. Когда ты появился с двумя самоходками – все стало просто, как на учениях.

– Да, Ули, но с одной разницей: у нас не было возможности начать пораньше или отрепетировать. Надеюсь, лейтенант Хемпель завтра придет. Сразу за домом – перекресток, и не знаю, заметил ли ты: чем ближе к Волге, тем крупнее здания; деревянных домов больше не видно. Это означает, что придется быть еще осторожнее, враг может быть за каждым углом, в каждом подвале или на верхнем этаже. Проверь, чтобы на переднем крае все было в порядке и чтобы не было никаких неожиданностей. Унтер-офицер Павеллек в твоем распоряжении. Я иду с Вильманом на КП батальона, доложить майору.

– Понял, удачи.

Штаб LI армейского корпуса: *19.45 24 сентября 1942 г. В Сталинграде после тяжелых боев за каждый дом войска, наступающие с целью очистки сектора у устья реки Царицы, смогли закрепиться на захваченных позициях. Занята половина намеченной территории. Район к югу от Царицы в основном наш. Командование корпуса надеется, что, несмотря на крайнюю истощенность рот, к завтрашнему дню очистка территории будет закончена.*

Возвращаясь с Вильманом на командный пункт батальона, я посмотрел на часы. Было семнадцать ноль-ноль. Я шел по тому месту, где днем шел бой (внимательно смотря по сторонам – никогда не знаешь, откуда появится «Иван»), где часами лежали мои товарищи. Было пусто – только трупы, которые уже начали разлагаться, одиноко торчащие печи и посуда, лежащая рядом с ними. Повсюду громоздилось дымящееся дерево. Такой уровень разрушения был возможен только в результате бомбежек. Артиллерия такого не делает. Было еще светло, когда я дошел до КП, он был все там же, в женской тюрьме ГПУ. Я нашел командира, майора Циммермана, там же, где я его видел днем раньше. Я почувствовал, что никуда не уходил из части и что даже не вернулся после полных суток на переднем крае. Увидев майора, я встревожился. Он выглядел точно так, как утром сказал лейтенант Шюллер. Лицо командира было желтое, как айва, он выглядел вялым, и его явно лихорадило. Я отдал честь:

– Хотел бы сообщить, что при поддержке двух самоходных орудий мы достигли назначенной цели. Задание выполнено!

Он выдавил из себя улыбку, я заметил, что ему трудно разговаривать.

– Спасибо, Холль. Докладывайте.

Я рассказал о том, что произошло за день. Он внимательно

слушал.

– Шюллер, вернувшись с вашего КП, уже сообщил о том, насколько тяжело ваше положение. Несколько раз здесь появлялись связные. Мы перепробовали все, чтобы добиться для вас поддержки, но ваши запросы постоянно отклонялись. К югу от нас в окружении засели русские, упираясь в берег Волги, и сегодня их нужно было уничтожить. Надеюсь, это уже произошло и тяжелое оружие завтра снова будет в нашем распоряжении.

– Я тоже на это надеюсь, герр майор. Завтра нам еще будут нужны оба штурмовых орудия. В уличных боях нет ничего эффективнее. Лейтенант Хемпель постарается завтра быть здесь. Для нас жизненно важно, чтобы в полку или дивизии понимали важность этой поддержки.

– Сделаю, что смогу, Холль.

– Спасибо, герр майор!

– Да, Холль, меня сильно приложило, если вы заметили. Вдобавок к лихорадке чувствую себя вымотанным до предела. По указаниям врача вечером я должен ненадолго оставить батальон. Меня заменит майор профессор доктор Вайгерт (немцы очень щепетильны в вопросе ученых степеней и часто упоминают их приставкой к фамилии. – *Прим. пер.*). Вы с ним уже познакомились при формировании дивизии в Кенигсбрюке. Он сейчас в офицерском резерве и, надеюсь, появится не один.

– Нам они точно не помешают, герр майор. Вы позволите поговорить с лейтенантом Шюллером?

– Да, давайте.

Я вышел в смежную комнату, столь же скудно освещенную. Здесь располагался батальонный штаб. Лейтенант Шюллер составлял ежедневный рапорт в полк. Солдат пытался связаться с кем-то по полевому телефону. В комнате было не больше оживления, чем в любой гражданской конторе, – вот только выглядело все совершенно по-другому.

Я поприветствовал фельдфебеля Рупрехта, долгие годы бывшего душой штаба, и других товарищей, которых я не видел с прошлой ночи. Наши дружеские приветствия были искренни. Мы все знали, через что прошел каждый из нас.

– Йохен, добудь мне что-нибудь перекусить, умираю с голоду. – Желудок громко заявлял о своих правах. Я совсем о нем забыл.

– Как только, так сразу, Берт! Мы пытаемся связаться с полком, чтобы командир смог заказать на завтра штурмовые орудия. Пока что линия не работает.

«Катушечник», как у нас непочтительно звали связистов, доложил адъютанту, что связь с полком установлена. Лейтенант

взял трубку: «Говорит командный пункт второго батальона. Обер-лейтенанта Крелля, пожалуйста». Я слушал с удивлением. Мой старый друг Руди Крелль снова в полку?!

Этот старый силезец был дивизионным «О-два» (первым помощником начальника генерал-адъютантской службы. – *Прим. пер.*). Я собирался спросить Йохена, когда Крелль вернулся в полк.

Снова заговорил лейтенант Шюллер:

– Добрый вечер, герр обер-лейтенант, есть ли рядом с вами герр оберстлейтенант Мюллер? С ним хотел бы поговорить майор доктор Циммерман. Как там у вас? Сейчас получше, чего нельзя было сказать еще пару часов назад. Но вот-вот появится связной с дневным донесением. Подождите минутку, тут кое-кто хочет с вами поговорить.

Шюллер правильно понял мою жестикуляцию и передал мне трубку.

– Приветствую, дорогой Руди!

Короткое молчание на том конце линии, и радостный голос ответил:

– Ух ты, Берт! Мы вчера слышали, что ты вернулся. Я уже кое-что рассказал о тебе оберстлейтенанту Мюллеру. С нашей нехваткой офицеров, выросшей в последние дни, мы рады каждому новоприбывшему, особенно если это старые испытанные товарищи.

– Давно ли в полку оберстлейтенант Мюллер?

– Недели две. Оберст Гроссе и его адъютант, обер-лейтенант Кельц, убыли в отпуск. Оберстлейтенанта Мюллера прислали на замену из офицерского резерва, а меня назначили адъютантом, раз уж я из этого полка.

– Кто еще с тобой?

– Обер-лейтенант Полит и лейтенант доктор Хоффман.

– Я их обоих знаю. Руди, давай пока прервемся – наши командиры хотят поговорить. Береги себя, скоро увидимся.

Трубку передали командиру. Унтер-офицер Йерш, который тоже был в батальоне с самого формирования, принес мне кофе и сандвич.

– Спасибо, Йерш, век не забуду. – Я с удовольствием разделался с сандвичем. Теплый кофе был хорош. Я обернулся к своему связному: – Неметц, ты уже поел?

– Так точно, герр лейтенант, обо мне уже позаботились. Вот фельдфебель выкатит свою «гуляш-пушку» на передний край, и у нас будет горячее.

Ладно, увидимся с нашим старым шписом, гауптфельдфебелем Михелем, двумя его поварами и водителем

позже. Меня пять месяцев не было в роте, и мне было интересно, те ли это люди, кого я знал. Я спросил Неметца. «Все старики остались в обозе, герр лейтенант, даже ваш конь Мумпиц». Мой старый четвероногий друг Мумпиц все еще жив, чудесно! Может быть, я скоро проедусь на нем. Интересно, узнает ли он меня? Мы были друзьями, я и этот маленький плотный мерин из бывшей чехословацкой армии. Имя ему подходило («пустяк» или «вздор») – он сбросил с себя многих. Но мы друг другу нравились и понимали друг друга.

Меня не было на КП уже два часа. Пора было возвращаться на передний край. Лейтенант Шюллер, бывший с командиром, вернулся в комнату:

– Берт, герр майор хочет еще раз с тобой поговорить.

Я вышел в соседнюю комнату и доложил о себе.

– А, вот и вы, Холль! Я поговорил с командиром полка. Он сделает все возможное, чтобы оба штурмовых орудия завтра были у нас. Противник, окруженный справа от нас, сжат до предела, так что он убежден, что артиллерию завтра развернут в нашем секторе. Сообщите солдатам, чтобы не было неожиданностей.

– Так точно, герр майор. Поскольку противник, возможно, не ответит, что-нибудь достанется и нам.

– Надеюсь. А сейчас возвращайтесь в часть. Завтра меня заменят. Дорогой Холль, желаю вам всего наилучшего, и да будет с вами бог. – Он смотрел на меня серьезно, протягивая руку на прощание. Я вытянулся, ответил на рукопожатие и вынужден был несколько раз сглотнуть, перед тем как ответил:

– Я тоже желаю вам всего наилучшего, герр майор, быстрого выздоровления и дальнейшего здоровья. – Отдаю честь, разворачиваюсь кругом и выхожу. Увижу ли я еще этого человека, которого я почитал и уважал? При всей своей строгости, он заменял нам отца. Но раздумья мои были недолгими. Этой ночью командиром должен был стать майор профессор доктор Вайгерт, которого мы знали как «папа Вайгерт». Он был типичным университетским профессором. Первую войну он служил капитаном, после этого преподавал в университете Бреслау и был признанным авторитетом в истории германского искусства. Как и его предшественнику, ему было 45 лет, но характерами они были непохожи. Майор доктор Циммерман отдавал приказы кратко, по-военному; майор профессор доктор Вайгерт также мог отдавать приказы, но разговаривал он так, словно обращался к студентам. Солдаты и офицеры ценили и уважали обоих.

Оберстлейтенант (подполковник) барон Артур фон Хольти, командир 171-го разведывательного батальона

Я попрощался с другом, лейтенантом Шюллером, и другими штабными работниками и отправился на передовую со своим связным Вильманом. Вскоре глаза привыкли к темноте. Тут и там в ночное небо поднимались сигнальные ракеты. Они показывали, где примерно находилась линия фронта. «Швейные машинки» «Ивана» жужжали над головой, бросая легкие бомбы. Для простоты мы пошли по широкой асфальтовой улице, по которой несколько часов назад ехали «штурмгешютце». В нашем секторе было тихо. Обстрелянные солдаты знали, что дозоры с обеих

сторон смотрят на передний край, навострив уши, насторожив все чувства. Если бы они заметили что-то подозрительное, они сразу же подняли бы тревогу. Ошибка вызвала бы ужасные последствия и привела бы к смерти и их, и их товарищей. Из-за малой дистанции до неприятеля – 30–50 метров от дома – требовалась двойная бдительность. Окрик «Стой, кто идет? Пароль!» служил доказательством того. После того как мы повторили пароль, часовой позволил нам подойти. Ничего серьезного без нас не произошло.

Штаб 1-го корпуса 6-й армии: *20.30 24 сентября 1942 г.*

Расположение сил противника :

Устье Царицы: *92-я стрелковая бригада, недавно подтверждена идентификация 111-й стрелковой бригады.*

К северу от устья Царицы: *боевые группы из разбитых частей 10-й дивизии НКВД, 244-й стрелковой дивизии, 115-го укрепрайона, 42-й стрелковой бригады, в дополнение к городской гражданской обороне из примерно 80 человек, набранных из рабочих и коммунистов.*

От здания слышался легкий лязг. Прибыл Михель со своей полевой кухней, и отделения получали горячую пищу и сухие пайки, чтобы продержаться до следующего подвоза. Если бы прибыла почта, ее бы тоже раздали.

Шпис увидел меня, подошел и негромко отрапортовал. Я поблагодарил его и протянул руку:

– Ну, Михель, как дела, в обозе все в порядке?

– Так точно, герр лейтенант. Мы рады, что вы вернулись в роту.

– Я тоже. Жаль, что в роте осталось так мало стариков. Сейчас они бы пригодились.

– Унтер-офицер Павеллек уже приготовил паек для герра лейтенанта.

– Хорошо, но я лучше съем свой суп на кухне.

Три старых, проверенных лица ухмыльнулись мне, не отвлекаясь от работы. Они поняли мой дружеский шлепок по плечу. Я как будто не уходил. Ячменная похлебка со свеклой была вкусной, как никогда. Колбасы на добавку в этот раз не нашлось. Но какую бы еду мы ни получали от двух поваров – один мясник, другой пекарь, – они всегда выдумывали что-нибудь вкусное.

Я повернулся к Михелю и сказал ему, что после окончания раздачи он должен прийти ко мне на КП.

На командном пункте я увидел своего друга Вайнгертнера, а также Павеллека и Неметца. Ули доложил, что на передовой все в порядке. Было тихо. Я обернулся к Павеллеку:

– Юшко, мне здесь нужны лейтенант Фукс и фельдфебель

Гроссман, а также обер-фельдфебель Якобс. – Потом я повернулся обратно к Ули и рассказал ему о смене командиров и что мне не нравится состояние здоровья майора. Появился гауптфельдфебель Михель и доложил, что он с кухонной командой уходит.

– Очень хорошо, Михель, по дороге сбереги своих людей и нашу «гуляш-пушку». Ты знаешь, где примерно мы будем завтра. Если нам повезет – наверное, уже на Волге, если нет – где-нибудь между здесь и там. Ну, берегите себя.

Михель бодро отдал честь и исчез. Фельдфебель Гроссман пришел вскоре после обер-фельдфебеля Якобса, за ним пришел и лейтенант Фукс.

Штаб LI армейского корпуса: *22.30 24 сентября 1942 г.*

Неприятельский плацдарм по обоим берегам Царицы в южной части очищен от противника, за исключением западного берега Волги и нескольких участков самой Царицы…

В частности:

94-я ПД успешно очистила сектор города к югу от устья Царицы до жилого района на берегу Волги и изгиба Царицы, обращенного на северо-восток. Противник все еще удерживает оставшийся берег большими силами.

В тяжелых боях 71-я ПД 24.9. вышла на следующую линию: мост через Царицу 35а1 – овальная площадь – улица к северо-востоку – южный край театральной площади – Театр (исключительно) – северный край площади партийных зданий – берег Волги 46с2. Противник упорно сражается за каждый дом. По показаниям пленных, группы сопротивления возглавляются опытными командирами и комиссарами. Раз за разом обнаруживается активное участие населения. Из-за ожесточенности боев пленные берутся редко. Потери противника очень высоки…

Потери на 24.9.:

94-я ПД: убитых – 1 оф., 19 уоф. и рядовых;
раненых – 54 уоф. и рядовых.
71-я ПД: убитых – 1 оф., 18 уоф. и рядовых;
раненых – 2 оф., 52 уоф. и рядовых.

Трофеев и пленных на 24.9.:

398 пленных, 2 уничтоженных танка, 25 пулеметов, 2 противотанковые пушки, 11 противотанковых ружей, 14 минометов, 85 автоматов, сбито 3 самолета.

– Ну, господа, начнем наше совещание: вы, как и я, знаете, как сегодня обстояли дела. В моей роте два легкораненых и один тяжелый. Легкораненые остаются в роте. Каковы ваши потери, герр Фукс? Ни одного? Превосходно! Перед тем как мы обсудим

планы на завтра, хотел бы передать привет от нашего командира. Я был в батальоне. Герр майор доктор Циммерман заболел желтухой, его сегодня сменит майор профессор доктор Вайгерт. Герр Вайнгертнер и я знаем доктора Вайгерта с Кенигсбрюка. Когда формировалась дивизия, лейтенант Вайнгертнер даже был командиром взвода в 14-й роте у гауптмана Вайгерта. Думаю, нам повезло. Кто знает, как бы новый командир сошелся с нами и с войсками.

Лейтенант Рудольф Крелль, О2 94-й пехотной дивизии

Ули счастливо сказал:

– «Папа Вайгерт» о нас позаботится. Он чудесный малый!

– А теперь – о завтрашнем дне: два штурмовых орудия, скорее всего, к нам вернутся. Их нам заказал еще и полк. Кроме того, завтра нас будут поддерживать артиллерия и 13-я рота со своими тяжелыми гаубицами. Теперь у нас будет больше огневой мощи, и нас не бросят, как сегодня в полдень. Когда я разговаривал с командиром «штурмгешютце», лейтенантом Хемпелем, он сказал – если он будет, то не раньше 09.00. Для нас это означает, что до того мы не сможем начать. Когда рассветет, нам придется тщательно осмотреть местность с развалинами, и пусть их обстреливает наше тяжелое оружие. Когда придут штурмовые орудия, моя рота идет в бой с ними. Гроссман, ты идешь со вторым орудием и двумя отделениями справа и слева от улицы, я веду остальных тоже по обе стороны улицы, с первым орудием, которым командует лейтенант Хемпель. Вы, герр Фукс, идете следом со своей ротой, где-нибудь справа-сзади. Смотря по реакции противника, вы будете знать, что делать, и сможете прикрыть мою роту огнем справа. Ули, следи за ситуацией и развернись за обеими ротами как резерв. Мы с тобой свяжемся, если ты будешь нужен. И держите связь. Якобс, ты действуешь своими пулеметами и минометами, чтобы не дать противнику поднять голову. Все узнаваемые цели должны уничтожаться как можно быстрее. От слов к делу, господа! Мы должны быть чертовски внимательны, и, возможно, нам придется вести бой вкруговую, раз мы не знаем, где в этом хаосе прячется «Иван». Вопросы? Нет! Тогда до завтра, надеюсь, ночь будет спокойной. Гроссман, на минутку.

Три моих товарища покинули командный пункт.

– Гроссман, когда придут два «штурмгешютце», ты остаешься со второй пушкой. Мы оба должны оставаться в пределах слышимости от командиров и – если нужно – перекричать шум двигателя, чтобы сообщать о препятствиях. И скажи солдатам, чтобы держались подальше от машин! Их будет тянуть туда, как магнитом, потому что инстинктивно кажется, что за ними можно спрятаться. На самом деле все наоборот: машины легко замечаются противником. Их легкое оружие бесполезно против брони, но все, кто снаружи, окажутся легкой мишенью. Наше главное предназначение – оберегать орудия от неожиданностей и дать командам чувство безопасности. Если мы не можем общаться с командирами языком жестов, тогда будем стрелять сигнальной ракетой в сторону цели. Ты договорился с соседом слева?

– Так точно, герр лейтенант!

– Еще что-нибудь?

– Нет, герр лейтенант, все ясно.

– Тогда спокойной ночи.

– Спасибо, герр лейтенант!

Я посмотрел на часы: до полуночи еще полчаса.

– Павеллек!

– Герр лейтенант?

– Я немного посплю. Проверь, правильно ли установлены часовые снаружи – и, если что, буди меня.

– Так точно, герр лейтенант. Доброй ночи.

– Спасибо.

На полу командного пункта – это был угол коридора на первом этаже крыла здания, которое мы штурмовали днем – я разбросал щебень, положил под голову планшет, а вместо одеяла расстелил «цельтбан» (камуфляжную накидку. – *Прим. пер.*). Шлем был наготове рядом с головой, автомат лежал сбоку. Пока я пытался вспомнить, не забыл ли я чего-нибудь, усталость взяла верх.

25 сентября 1942 г.

***Штаб LI АК:** 06.20 25 сентября 1942 г.*

Ночью многочисленные авиационные налеты в городском секторе Сталинграда и в тылу…

Я рывком проснулся оттого, что меня трясли за плечо. Меня разбудил командир группы управления. Секунду я вспоминал, где я, потом пришел в себя. Я посмотрел на часы – было 06.15 25 сентября. Я потянулся и зевнул.

– Герр лейтенант спал, как бревно.

– Ты прав, Юшко. Устал как собака. Что нового?

– Ничего, герр лейтенант, иначе мы бы не дали вам столько спать.

– Принеси воды умыться.

– Сейчас, герр лейтенант.

Я вышел наружу и облегчился. Было еще темно. По всей линии фронта лишь в нескольких местах раздавался шум боя. На небе не было ни облачка, день снова обещал быть жарким и солнечным. Я вернулся в развалины. Ах, как хороша была холодная вода! Ее хватило лишь на небольшое умывание, но холодная жидкость оказала свое живительное воздействие.

Наш шпис отправил к нам ездового полевой кухни с двумя канистрами горячего кофе. Теперь у каждого была возможность попить горячего с сухим пайком, и мы смогли наполнить фляжки. Только в такие моменты понимаешь, как важно иметь «ротной матерью» ответственного человека.

Появился батальонный связной Марек.

– Герр лейтенант, сообщение из батальона. Герр майон Вайгерт принял командование. Задача – дойти до Волги – остается в силе. Штурмовые пушки на подходе. Наблюдатели от

артиллерии будут развернуты в вашем секторе, и герр майор желает герру лейтенанту и вашим людям всего наилучшего.

– Спасибо, Марек. Сообщи герру майору, что на передовой все в порядке и атака начнется, как только придут «штурмгешютце».

– Так точно, герр лейтенант. И да, я почти забыл: лейтенанта Вайнгертнера сменит новый офицер. Он прибыл прошлой ночью с герром майором Вайгертом; его зовут гауптман Функе. Я должен доставить его к лейтенанту Вайнгертнеру, показать ему все и возвратиться с лейтенантом Вайнгертнером в батальонный штаб.

– Прибыли ли еще офицеры?

– Нет, герр лейтенант.

– Тогда доложи герру майору, что мы будем рады служить под его командованием и что на передовой все в порядке. Я сообщу командирам 6-й и 8-й рот, что гауптман Функе принял командование 5-й ротой.

Марек убежал.

Итак, наш батальон было решено усилить одним-единственным офицером. А когда придет пополнение унтер-офицеров и рядовых? Мы не могли продолжать атаковать с таким малочисленным боевым составом. Вчера нам повезло. Но что принесет сегодняшний день? Что за положение? Я не был против того, чтобы моего друга Ули отозвали в штаб и что гауптман Функе примет его должность. Ули был не младше нашего командира, но, по крайней мере, он знал, с чем мы столкнулись на фронте.

Офицер не мог заменить отчаянно нужного обстрелянного бойца на передовой. Надеюсь, кто-то наверху заметит этот факт и попытается поправить дело.

До того как рассвело, я вызвал к себе командиров 6-й и 8-й рот, а также фельдфебеля Гроссмана. Я сообщил им о смене командования батальона, а также о смене лейтенанта Вайнгертнера гауптманом Функе, с которым мы скоро познакомимся. Лейтенант Фукс был в соприкосновении с левым флангом III батальона гауптмана Риттнера, моя рота – с правым флангом разведбата-171.

– Господа, самое важное сегодня – то, что обе вчерашние самоходные пушки придут нас поддержать. Кроме того, в нашем секторе будут работать наблюдатели от артиллерии, как сообщил со связным герр майор Вайгерт. Желаю всего наилучшего. До свидания.

Мои товарищи отправились обратно в свои части. Теперь нужно было ждать, пока не появится лейтенант Хемпель и две его пушки. Ожидание сильно испытывает нервы на прочность. Я и не

заметил, как вокруг все залил яркий солнечный свет. С тремя солдатами из группы управления я из укрытия осмотрел местность перед нами. Для лучшего обзора Павеллек и я забрались по лестнице – полностью заваленной обломками – на второй этаж. Через бинокли мы просмотрели дома напротив, ища признаки присутствия неприятеля. Они, наверное, хорошо замаскировались; мы ничего не увидели. Одно было ясно: мы не могли двигаться так же в лоб, как вчера. Первым делом, перед нами были лишь большие здания или развалины – отдельные деревянные дома сгорели; во-вторых, «Иван» был уже предупрежден вчера, и, в-третьих – нам нужно было со всей осторожностью двигаться от здания к зданию, чтобы не попасть в засаду. Тем временем стрелки часов медленно доползли до 09.00. Скоро должен появиться лейтенант Хемпель. Солнце красным кругом висело над Волгой. День во всех смыслах будет жарким. Артиллерия с обеих сторон добрый час играла свою музыку. Сначала был слышен выстрел, потом свист снаряда где-то высоко над головой, а потом где-то далеко впереди или позади раздавался взрыв. Мы слишком хорошо узнавали эти звуки боя. Поскольку они не задевали нас, мы не беспокоились зря. Тяжелые минометы, с характерным хлопком выстрела, были гораздо хуже. Или снаряды «ратш-бума», когда неизвестно, что ты слышишь раньше – выстрел или разрыв.

Я услышал сзади лязг гусениц. Слава богу! Это, наверное, лейтенант Хемпель. Мы осторожно спустились. С лестницы я увидел оба штурмовых орудия, огибающих угол дома. Пару секунд спустя они встали за моим командным пунктом. Лейтенант Хемпель и вахмистр (чин в артиллерии, соответствующий фельдфебелю. – *Прим. пер.*), командир второй машины, вылезли наружу. Хемпель улыбнулся мне:

– Ну, мы смогли, герр Холль. Я доложил командиру, как хорошо мы вчера взаимодействовали и что сегодня вы снова в нас отчаянно нуждаетесь. Так что ему было просто отправить нас сюда, раз уж мы получили приказ от армейского корпуса помочь вашей дивизии.

– Значит, мои настойчивые запросы командиру батальона достигли цели. А теперь – к делу. У вас есть карта или мы можем обойтись без нее и просто дать вам факты?

– Думаю, последнее будет лучше. Вам нужно дойти до берега Волги. Ваш правый край ограничен Царицей. Левый край – асфальтовая улица. Мы направлены для взятия района между ними. Когда улица раздвоится или появится перекресток, вторая пушка повернет вправо. Важно, чтобы солдаты, прикрывающие пушку, оставались с машиной, к которой они приданы, – либо с

правой, либо с левой стороны улицы.

– Ясно. Я уже подробно обсудил это с командиром взвода, фельдфебелем Гроссманом.

Фельдфебель Гроссман слышал наш разговор, потому что ушел со своего поста сразу же, как заметил штурмовые орудия.

– Гроссман, бери отделения Роттера и Ковальски. Я возьму отделение Диттнера и группу управления. И держи дистанцию со «штурмгешютце», но все время оставайся в визуальном контакте с командиром. Когда мы можем выступить, герр Хемпель?

– Мы готовы.

– Хорошо, тогда готовность десять минут. Мы пойдем сообщим солдатам. Гроссман, ты знаешь расклад. Я пойду за первым орудием, ты идешь за вторым. Наши соседи справа и слева идут так же. 8-я рота обер-фельдфебеля Якобса и 5-я рота тоже знают, что им делать. Всего наилучшего, Гроссман!

Он кивнул и ушел к своим.

– Юшко, приведи группу Диттнера, но осторожно, мы не хотим, чтобы «Иван» знал.

– Так точно, герр лейтенант!

Оба командира забрались обратно в люки, моторы мягко урчали на холостом ходу.

Пришел обер-ефрейтор Диттнер со своим отделением. Я приказал ему все время двигаться примерно параллельно «штурмгешютце» на левой стороне улицы. Я с группой управления собирался держаться правой стороны. Десять минут истекли. Короткий сигнал согласия между лейтенантом Хемпелем и мной – и к вою моторов добавился лязг гусениц. Начался еще один день боев. Когда орудие Хемпеля развернулось в сторону асфальтовой дороги, группа Диттнера рванулась к левой стороне улицы, за ней последовал и я, используя подвернувшиеся укрытия. Я оставался с группой управления на правой стороне улицы. В первом квартале, лежащем за многоэтажным домом, не было никакого движения. «Штурмгешютце» осторожно подъехал ближе. Слева Диттнер пробирался вперед со своим отделением. Мы двигались очень осторожно, потому что не знали, где противник. Сосредоточенным броском на 30 метров мы достигли первого дома, проверили его и попытались найти противника. Ничего.

Хемпель осторожно подъехал к дому. Второе орудие вышло вперед и развернулось направо на боковой улице позади нас. Фельдфебель Гроссман и оба отделения следовали справа и слева. По моей команде оба отделения бросились вбок и прочесали переднюю сторону здания. Мы замерли на пару мгновений, пока наши товарищи разворачивались влево на

параллельной улице. Я видел, как отделение бежало назад на другую сторону улицы. Отлично, ребята! Потом снова двинулось наше орудие. Поскольку оба командира могли переговариваться по радио, случайностям не было места. За зданием шла другая боковая улица. Мы подкрадывались к перекрестку, прочесывая кварталы справа и слева, ожидая опасности с любой стороны. Выстрел из пушки справа, где был фельдфебель Гроссман, показал, что противник, наконец, показался. Был слышен пулеметный и ружейный огонь, продолжаясь дальше вправо. Рота Фукса тоже вошла в контакт с противником. Рядом с нами ничего пока не происходило. Однако когда мы вышли на перекресток, то попали под пулеметный огонь. Поток пуль поразил «штурмгешютце». Тщательно нацеленный ответный удар заткнул пулемет. Мы залегли. Теперь мы попали под ружейный и минометный обстрел из развалин соседнего дома. По попаданиям на стороне неприятеля я увидел, что обер-фельдфебель Якобс и его люди открыли ответный огонь. Криком поверх работающего мотора цели, которые были мне прекрасно видны и создавали для нас проблему, были переданы лейтенанту Хемпелю. Я оставался рядом с орудием, не забывая о собственной безопасности. Со временем противник вернулся к жизни по всему сектору. Неожиданно открыла огонь артиллерия с обеих сторон. Заварилась такая каша, что было трудно понять, с какой стороны прилетал гостинец, но хаос боя не заставил нас забыть о своем деле. Гнезда противника в секторе нашей атаки уничтожались один за другим. Из-за наших двух пушек мы неожиданно оказались на острие атаки. Правый и левый соседи отстали. Возможно, поэтому мы неожиданно оказались под фланкирующим огнем винтовок и пулеметов из соседнего сектора. Легкораненые поспешили назад, на перевязочный пункт, открытый на моем последнем командном пункте. Два тяжелораненых получили первую помощь и при первой возможности отправлены в тыл.

Я полностью охрип от криков лейтенанту Хемпелю об обнаруженных целях. Когда я пытался говорить нормально, не выходило ничего, кроме карканья.

Лейтенант Хемпель крикнул мне, что оба орудия должны отойти в тыл: у них кончались боеприпасы. Им нужно перегруппироваться и заправиться, а потом, через час, они вернутся.

Я посмотрел на часы. Было 14.10. Куда девалось время?

Я приказал оставаться в укрытиях и ждать возвращения орудий. Теперь у меня было время составить письменное донесение командиру батальона. Неметц доставит его на КП

батальона. Группа Диттнера окружила нескольких русских, прячущихся в подвале взятого нами здания. Они не оказали сопротивления нашим солдатам и мгновенно сдались. Их привели ко мне. Им было от 20 до 40 лет. Через Павеллека я спросил двух солдат помоложе, откуда они. Они ответили: «Мы из польской Украины недалеко от Лемберга».

С помощью Павеллека я спросил, не прячутся ли в развалинах другие их товарищи. Они ответили утвердительно и добавили, что некоторые из них больше не хотят воевать. Я дал пленным закурить. Они были удивлены и счастливы. Они видели, что мы такие же, как они. Что им наговорила о нас советская пропаганда!

Я повернулся к двум молодым украинцам и спросил, готовы ли они без оружия вернуться к своим товарищам и убедить их сдаться. Я также предложил им остаться с нами и продолжать воевать.

Они посовещались и, после короткого обсуждения, согласились. Они подчеркнули, что вернутся, несмотря ни на что. Мне хотелось проверить, верны ли мои предположения. Если они вернутся с другими, не желающими воевать, это облегчит нам работу. Если я ошибся, тогда ущерб от потери двух пленных будет невелик. В тот момент казалось, что вся линия фронта взяла передышку. Огонь пехоты был беспорядочен, тут и там разрывались снаряды. Солнце сияло, не обращая ни на что внимания. Чтобы осмотреться вправо и влево, я пополз вдоль стены к углу дома. Я осторожно заглянул за угол и увидел, как дальше шла улица и какие препятствия нас там ждали. Я мгновенно убрал голову, а затем выглянул снова. Нет, мне не казалось. Не более чем в трех метрах от меня я видел человеческую голову. Голову, и ничего более! Остального тела не было, и его нигде не было видно.

Если бы мы в тот момент атаковали, я удостоил бы ее мимолетного взгляда. Но теперь, пока мы ждали возвращения «штурмгешютце», у меня было время подумать о ней. Голова была чисто отделена от тела. Но где оно? Я невольно подумал о Саломее, которая приказала принести ей на блюде голову Иоанна Крестителя.

Улица незаметно спускалась к Волге. Мы еще не могли увидеть реку, потому что взгляд упирался в дома и руины. Противника тоже не было видно. Я вернулся к группе управления. Вернулись ли украинцы? Пятеро оставшихся пленных сгрудились в углу у входа. Их охранял один солдат. Когда вернется лейтенант Хемпель с орудиями, я прикажу отвести их в тыл. И тут из-за груд щебня слева от нас выскочили оба украинца. Я не мог

поверить глазам: с ними было – выходя один за другим из проема между кучами – один, два, девять, тринадцать, двадцать два человека! Господи, я не мог поверить глазам! Они оба ухмылялись и явно гордились успехом. Унтер-офицер Павеллек обменялся с ними несколькими словами и сказал: «С них хватит!»

– Спроси их, есть ли у них тяжелое оружие.

Они ответили отрицательно. Только винтовки и несколько пулеметов. Артиллерия стреляет с другого берега Волги, и тяжелые минометы врыты вдоль берега по эту сторону реки.

Расспросив их, я узнал, что их боевой состав в моем секторе – лишь 100–150 человек. С ними лейтенант и младший лейтенант, а также несколько сержантов и ефрейторов. Штаб с офицерами более высокого ранга и комиссаром расположен на берегу Волги.

Пленные были немногословны и подозрительны. Я передал им через Павеллека, что им нечего бояться, что с ними будут обращаться, как положено, и отведут их в тыл. Два человека из группы Диттнера получили приказ доставить пленных на КП батальона и немедленно вернуться в отделение.

Я отвел обоих украинцев в сторону и попросил Павеллека передать им: «Лейтенант хочет узнать, не хотите ли вы остаться с нами. Вам не нужно будет воевать. Но когда у нас будут раненые, вы им поможете и вынесете их. Вас будут кормить так же, как нас, и будут хорошо относиться».

Они обсудили предложение и спросили: «А что потом?»

«Лейтенант даст вам документ, гласящий, что вы помогали раненым немцам и что с вами нужно хорошо обращаться».

Еще одна короткая дискуссия, и Павеллек перевел: «Мы согласны. Но мы ни при каких обстоятельствах не будем брать оружия в руки».

– Скажи им, что я этого и не жду. Спроси, как их зовут.

Маленького, плотного и темноглазого звали Петр, худого и более высокого звали Павел.

Я сказал Юшко позаботиться о них.

Где же штурмовые пушки? Час давно прошел. А, я их слышу! Сосед также слышал лязг гусениц и знал, что бой скоро продолжится.

Когда машины прибыли на позиции, из люка высунулась голова командира. Тем временем второе оружие поехало вправо, к фельдфебелю Гроссману.

– Все заняло чуть больше времени, но теперь можно начинать. Что-нибудь произошло за это время? – спросил командир первого орудия.

Я вкратце доложил ему о том, что произошло за последний час. Я также доложил о своих наблюдениях за продолжением

улицы, а также то, что сказали пленные о численности противника. Лейтенант Хемпель сказал:

– Второе орудие докладывает, что все готово.

– Тогда вперед!

Мотор был запущен, гусеницы шевельнулись, тяжелый колосс – без которого нам было бы очень трудно – начал движение. Мы подождали, пока машина Хемпеля повернет на улицу, идущую к Волге. Потом, как и раньше, мы пошли за ней, растянувшись справа и слева. Нас приветствовал ружейный огонь. Теперь противнику было во что стрелять. Хемпель остановил машину, потому что заметил, что мы отстаем. Мои люди на обеих сторонах улицы вели ответный огонь по целям, которые видели. Включились даже тяжелые минометы и крупнокалиберные пулеметы 8-й роты. Мы не могли двигаться дальше, потому что противник стрелял со всех сторон. По нас стреляли с верхних этажей, справа, затем слева перед нами. Откровенные мир и тишина, царившие парой мгновений раньше, превратились в свою полную противоположность.

Противник не упустил случая. Неожиданно сзади появились тяжело дышащие солдаты. Рядом со мной плюхнулся гауптман и сказал, задыхаясь:

– Функе, я командую 5-й ротой, и мне в батальоне приказали вас поддержать.

По его манерам я понял, что боевого опыта у него нет или почти нет. Я ответил:

– Холль, командир седьмой.

– Знаю. Почему мы не наступаем? Мы должны идти со «штурмгешютцами» и продолжать атаку!

Что я мог сказать этому человеку в этой ситуации, в присутствии рядовых, некоторые из которых были совсем рядом?

Этот человек был гауптманом, а я – лейтенант.

– Герр гауптман, нужно идти на некотором расстоянии от оружия. Если вы этого не сделаете, вы труп.

Этот идиот не собирался слушать моих советов: он скомандовал отделению из 5-й роты следовать за ним, и в следующий момент кучка из 8–10 его людей сгрудилась за штурмовой пушкой. Противник немедленно сосредоточил огонь на этой цели. Мы ответили более мощным огнем со своей стороны в попытке уничтожить проявившего себя противника. Полного успеха мы не добились. Один солдат уже лежал на земле. Другой закричал; держась за плечо, он побежал к нам. Тут схватил пулю и гауптман: он схватился за правое бедро и согнулся от боли. Два солдата сгребли его, и все отделение побежало обратно, стараясь бежать как можно быстрее. Весь

кошмар занял всего несколько минут. Я был в ярости. Этот «герой», до сего дня не бывший ни единого момента на передовой, пытался доказать свою храбрость. Результат – один убитый, один тяжелораненый, два раненных средне и он сам с простреленным бедром. Этот кретин лучше бы оставался дома, или куда он теперь попадет.

После недолгого молчания я припечатал его: «Видите, что вы наделали! Но вы не хотели принимать советов от простого лейтенанта!»

Он был пристыжен и подавленно сказал: «Вы правы, следовало к вам прислушаться».

Я отвернулся. Гауптман, которого поддерживали с обеих сторон, ухромал в тыл. Его гастроль с солдатами не продолжалась и дня. В любом случае я точно опишу все это в рапорте командиру. В бою мы лучше обойдемся без таких эрзац-командиров. В подобных уличных боях отсутствие боевого опыта было равносильно смертному приговору.

Тем временем моя рота продвигалась вперед. Пушки тоже. Если мы сможем взять соседний квартал, мы увидим Волгу. С удовлетворением я увидел, что левый сосед продвинулся почти столько же, сколько и мы. Мой обзор вправо, где был фельдфебель Гроссман, был ограничен домами и обломками. Там тоже шел ожесточенный бой.

Я снова подобрался к штурмовому орудию. Оно стреляло – как и вчера – только по опознанным целям, с которыми можно было эффективно справляться выпущенным снарядом. Мы приканчивали то, что оставалось.

Мы дошли до следующего перекрестка. Хемпель послал снаряд в сторону боковой улицы слева, где он заметил передвижение противника. Его товарищ на втором орудии двигался справа. В спринтерском забеге через улицу мои люди дошли до домов на другой стороне. Теперь оба орудия были в самой гуще боя. Нужна была хорошая выдержка, чтобы оставаться хладнокровным и не выпускать общей картины боя. Мы благодарили товарищей, которые проламывали путь всем, что у них было, из обоих стволов. Они понимали ситуацию и использовали ее. Они знали, что «Иван» нервничает. Он оттягивался – медленно, продолжая огневое сопротивление. Даже артиллерия противника, чьи снаряды время от времени рвались в секторе боя, не могли оттянуть неизбежного. Поскольку у них не было точных сведений о нашем расположении, большая часть разрывов ложилась слишком близко или слишком далеко. Когда мы, метр за метром, прошли вперед и вышли в центр большого квартала, лейтенант Хемпель просигналил мне, что у него

кончились боеприпасы и сегодня он уже не вернется. Он не мог сказать, будет ли он здесь завтра. Я поднял руку над головой в знак благодарности. Наши доблестные союзники скрылись из виду.

Мы не могли на этом остановиться, нужно было дойти до угла квартала, пока русские не заметили изменения ситуации. Пока мы пробивались еще на несколько метров под прикрытием тяжелого оружия, с правого фланга прорвался связной. Рухнув ничком, он тем не менее оказался достаточно близко, чтобы прокричать: «Герр лейтенант, фельдфебель Гроссман убит, командование принял унтер-офицер Роттер».

На несколько секунд я окаменел. Новость ударила меня, как молнией. Но у меня не было времени предаваться раздумьям. У нас был приказ, который нужно было выполнить, – если возможно, то не подставляясь под пули.

Сжав зубы, я помчался к соседнему углу. Навстречу мне, крича, бежали два молодых и плохо обученных судетских немца. На их лицах был написан ужас: «Русские идут! Русские идут!»

Один получил пинок под зад, другой – удар по ушам. Потом я развернул их, крича: «Считайте, что вам повезло, что вы идете обратно на передовую!»

Обер-ефрейтор Диттнер вернулся на передовую с перевязанной рукой. Попади пуля чуть в сторону, он был бы мертв.

– Диттнер, позаботься об обоих. Они потеряли себя.

Диттнер кивнул и увел их.

Если бы у меня не было моих верхнесилезцев, все было бы гораздо хуже. Они были становым хребтом части, способными на полную отдачу. Но они также знали, что никого нельзя оставлять в беде. Я вколачивал в них это все прошлые годы. Раз за разом подтверждался тот факт, что они и их товарищи из Средней и Нижней Силезии были каркасом, на котором держался полк. Новые пополнения были в основном из других регионов фатерлянда, и возвращались лишь немногие из «стариков».

Слава богу! Я дошел до перекрестка. Мы хорошо продвинулись почти во всем секторе. Смеркалось. Вскоре все затихло. Лишь иногда тишина прорывалась одиночными выстрелами и случайными пулеметными очередями. Снова началось время вглядывания и вслушивания. Бесчисленные пары глаз с обеих сторон вглядывались в передний край, осматриваясь вправо и влево. Смертельный сюрприз мог быть за каждым углом. Убедившись, что нужные меры по обеспечению безопасности приняты, я пошел на правый фланг. Со мной пошел унтер-офицер Павеллек. Я хотел попрощаться со своим командиром взвода,

безупречным фельдфебелем Гроссманом. Унтер-офицер Роттер с серьезным лицом доложил о состоянии взвода.

– Где Гроссман?

– В тылу, метрах в ста позади.

Мы молча пошли за Роттером. Мой командир взвода лежал в углублении стены. Очередь из русского пулемета мгновенно убила его.

– Как все случилось?

– Солдаты, что были с ним, доложили, что из люка – вот он – нам в спину неожиданно начали стрелять. Фельдфебель Гроссман был убит на месте, не издав ни звука.

Мы подошли к подвалу и откинули крышку. Там ничего не было видно. Железные скобы позволяли спуститься в сточную трубу.

– Наши люди сразу начали стрелять, но поднятая крышка мгновенно упала обратно. Они бросили гранаты, но без результата. Как будто это был призрак.

– Юшко, возьми личные вещи фельдфебеля Гроссмана, и пусть Михель заберет их с полевой кухней. Унтер-офицер Пауль позаботится о других раненых и убитых.

Мой компанитруппфюрер был явно задет смертью товарища. Не ответив, он просто кивнул. Он проверил ранец Гроссмана, переложил несколько вещей в сухарную сумку и накрыл безжизненное тело накидкой. Мы отсалютовали ему, отдав последнюю почесть. Со сжатыми зубами и окаменевшими лицами мы ненадолго замерли, пока в наши мысли снова не вторглось настоящее – безжалостным чувством долга.

– Роттер, теперь ты командуешь взводом Гроссмана до дальнейших распоряжений.

– Так точно, герр лейтенант!

– Что у тебя с потерями?

– Насколько знаю, у нас трое погибших и пятеро раненых. Два серьезно. Фельдфебель Гроссман учтен с мертвыми.

Черт! Это почти весь взвод! С моей стороны мы потеряли четверых; всего получалось двенадцать. Если мы хотели завтра дойти до берегов Волги, нужно было развернуть и 5-ю роту лейтенанта Вайнгертнера.

– Слушай, Роттер, когда твоих покормят с полевой кухни и все будет тихо, приходи, обсудим положение. Возьми лейтенанта Фукса из 6-й роты. Твой связной знает, где мы. Скажем, через час после прихода полевой кухни.

– Так точно, герр лейтенант, понял!

Мы разошлись, и я пошел на свой командный пункт, внимательно осматриваясь на ходу. До обратной стороны

перекрестка было недалеко. Мы дошли, когда начинало темнеть. Это была ровная площадка, очищенная от щебня и обломков. Она тем не менее защищала нас от шрапнели и не была видна со стороны неприятеля.

Под камуфляжной накидкой, в свете гинденбурговой лампы, я составил суточное донесение в батальон. Когда приедет шпис, он доставит его в батальон.

Я перебежал через улицу и вскоре был в группе Диттнера.

– Ну, Диттнер, ты успокоил тех двух парней?

– Так точно, герр лейтенант! Их привели в чувство – просто они не обстреляны. Они не трусы. Им просто слишком много досталось.

– Ты прав, но нужно следить, чтобы они опять не сломались. Сколько у тебя в группе?

– Со мной – восемь.

– Завтра вперед пойдет 5-я рота. Я сообщил в батальон, что мы не сможем выполнить задачу без подкреплений. После сегодняшних потерь мы слишком слабы. Ты смог обеспечить связь с левым соседом?

– Так точно, герр лейтенант, мы в контакте.

Появился Неметц и сказал обер-ефрейтору Диттнеру, что пришла полевая кухня и мы получаем продукты. Диттнер выделил двоих, одного из «старой гвардии» и другого из нового пополнения. Мне не нужно было напоминать старикам об осторожности – как и я, они многому научились за последние месяцы. Молодым придется быстро выучить то же самое.

Когда я вернулся на КП – как быстро я перебежал эту узкую полоску! – то наткнулся на Марека, связного из батальона.

– Герр лейтенант, герр майор хочет знать, каково положение на передовой.

Я подал ему написанное донесение:

– Тут все написано, Марек. Скажи герру майору, что завтра мне будут отчаянно нужны части 5-й роты. Иначе мы не сможем атаковать. И хотел бы, чтобы герр майор сообщил полку, что нам нужна серьезная поддержка тяжелым оружием, потому что «штурмгешютце» завтра не придут. Так мне сказал их командир, лейтенант Хемпель.

Лейтенант Вайнгертнер, как я подозревал, снова принял командование 5-й ротой. Марек сказал, что он скоро будет.

Я отпустил его; спустя пару мгновений он исчез в темноте. Подъехала полевая кухня и встала в ста метрах в тылу под защитой дома. Как и в предыдущие дни, ее кипучая деятельность проходила в почти полной тишине. Был слышен негромкий разговор, и время от времени слышалось звяканье котелков. Люди

тихо подходили и уходили. Каждый старался оставаться у кухни не дольше, чем необходимо.

Когда я увидел гауптфельдфебеля Михеля, он отдал честь и доложил о себе. Я кивнул.

– Михель, Павеллек скоро принесет фельдфебеля Гроссмана, его днем убили. Забери его в тыл. Забери личные вещи. Тебе выдадут личные вещи других, чтобы отослать родным. Еще что-нибудь есть?

– Так точно, герр лейтенант! Мы сегодня получили почту, но лучше раздать, когда кончится эта беготня.

– Точно. Что ты сегодня приготовил?

– Гороховый суп.

– Ну, пошли, попробуем!

Пока я ел этот вкусный суп, мне пришло в голову, что я целый день ничего не ел, ни крошки. Первым делом мой компанитруппфюрер протянул мне фляжку, и я глотнул чуть теплого кофе.

Теперь, под покровом темноты, каждый мог наесться, даже часовые, когда их сменяли.

У врага было то же самое, что было видно по «минам», которые мы находили после атаки. Жизненные потребности можно отложить на какое-то время, но не отключить совсем. Пока я хлебал суп, пришел мой друг Ули Вайнгертнер. Мне не хватало его обычной лукавой улыбки. Он уже слышал о потерях за день. Он тоже тяжело воспринял смерть Гроссмана. Не таким тяжелым было его краткое пребывание в штабе батальона.

«Папа Вайгерт» сожалел о скором ранении гауптмана Функеля. Мой гнев на высших чинов, который я чувствовал в полдень, почти прошел. Что было, того не воротишь.

Я рассказал Ули, как это произошло и что я уже зафиксировал все в рапорте командиру.

– Ули, из-за сегодняшних потерь завтра твою роту надо будет развернуть рядом с нами. Позже, через полчаса, обсудить положение придут лейтенант Фукс и унтер-офицер Роттер, принявший командование взводом Гроссмана. Будет также обер-фельдфебель Якобс. Мы должны обдумать, как завтра собираемся дойти до Волги. Думаю, это будет самым твердым орешком, что нам приходилось раскалывать.

– Мне было ясно, что нас пустят в дело с вами, как только я услышал о ваших потерях. Благодаря вашему продвижению III батальон гауптмана Риттнера тоже смог отбросить противника к Волге. Командир в середине дня уже знал, что завтра штурмовых пушек у нас не будет. Поскольку основной натиск идет в нашем секторе – с нашим левым соседом, разведбатом-171, – дивизия

обещала нам тяжелое оружие. Ваши достижения получили признание в полку.

– Ну, надеюсь, на завтра нам хватит везения.

Прибыл наш гауптфельдфебель и доложил, что уезжает с полевой кухней. Мы смотрели, как она исчезает в темноте, увозя нашего доброго товарища, которого мы заслуженно ценили.

На командном пункте меня ждали товарищи из 6-й и 8-й рот. Короткий обмен рукопожатиями, и наши мысли моментально сосредоточились на поставленной задаче.

Я спросил командира 6-й роты:

– Герр Фукс, каковы у вас потери и каков боевой состав?

– Рота потеряла двоих убитыми, четверых ранеными. У меня для завтрашнего боя 44 человека.

– Герр Якобс, а каково положение у вас в роте?

– Нам повезло – только два легкораненых. Боевой состав 38 человек.

– А ты, Ули?

– Потерь нет, боевой состав в общем и целом 48 человек.

– Так у тебя для нас четыре отделения?

– Нет, пять – я сделал из четырех отделений пять.

– Хорошо. Пошли два отделения ко мне и отделение герру Фуксу. С двумя оставшимися отделениями следуй за нами примерно в центре сектора боя так, чтобы развернуться на случай любой случайности, где бы она ни случилась. И какую тактику мы выберем на завтра? Что вы думаете, господа?

После некоторых раздумий лейтенант Фукс сказал:

– Раз уж мы больше не можем полагаться на две штурмовые пушки, мы должны делать то, чему научились – атаковать, прижать противника к земле огнем минометов и тяжелых пулеметов и захватить территорию перед собой. Пока противник поймет, что мы атакуем, мы должны уже захватить ее. Кроме того, нам дадут артиллерийскую поддержку. Ее огонь должен быть направлен на ближайшие цели у противника.

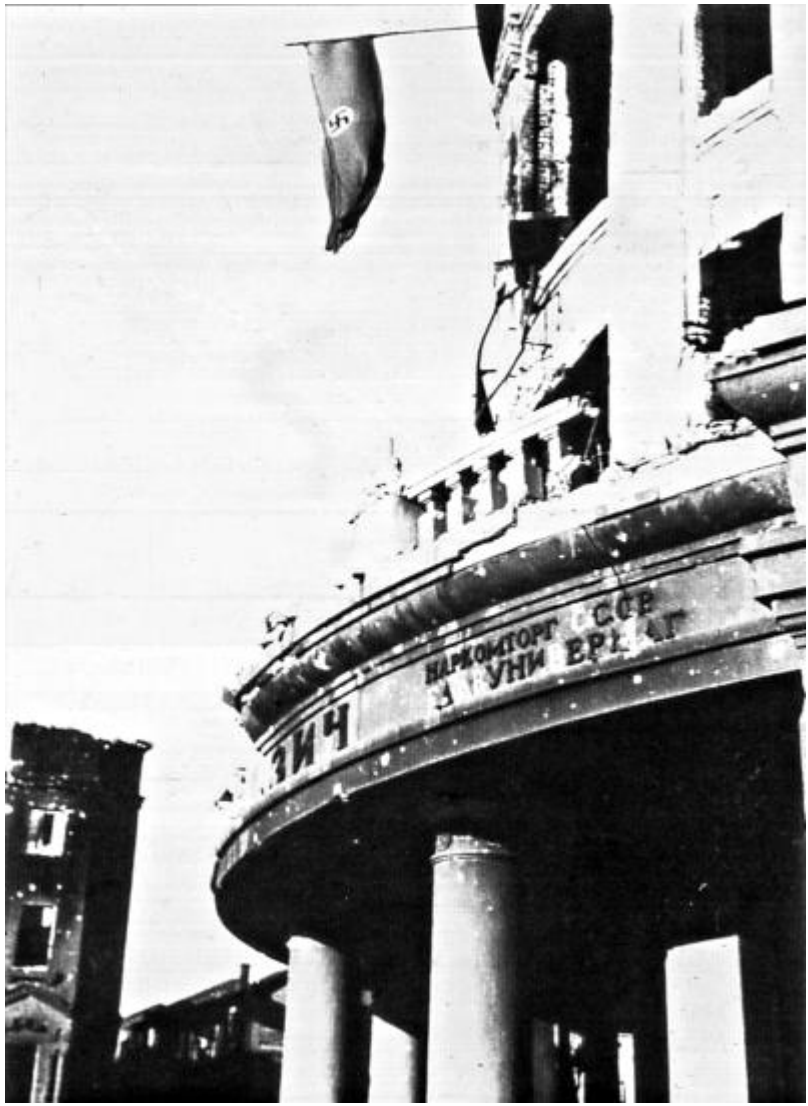
Штаб LI АК: *17.25 25 сентября 1942 г.*

LI АК продолжил атаку плацдарма противника вокруг устья Царицы, захватив отдельные участки…

В частности:

Перед 94-й ПД противник продолжает удерживать берег Волги с железнодорожными депо и эстакадами, оба жилых района строго на юго-запад от устья Царицы и оба северных изгиба южного берега, защищаясь с большим упорством.

71-я ПД в 07.30 снова начала атаку с целью очистки городских секторов к северу от Царицы и медленно продвигалась с тяжелыми боями. Были заняты партийные здания…



Универсальный магазин Univermag, одно из тех зданий, которые в немецких донесениях назывались «партийными»

После обсуждения всех «за» и «против» мы решили придерживаться предложенного товарищем Фуксом. Мы назначили время начала атаки на 07.45 и сверили часы. – Герр Якобс, выведите на позиции тяжелые пулеметы, чтобы они могли эффективно поддерживать атаку, а также минометы. Я пойду к командиру батальона с личным рапортом.

Когда мои товарищи ушли, я повернулся к Павеллеку:

– Юшко, ты все слышал. Я иду с Неметцем на КП батальона. Если что-то здесь случится, пошли ко мне Вильмана. Думаю, вернусь через час. Все понятно?

– Понятно, герр лейтенант!

Я добрался до батальонного командного пункта без происшествий. Командир был удовлетворен успехами этого дня, поскольку снова удалось продвинуться вперед. Его беспокоил малый боевой состав и отсутствие подкреплений. Он согласился с нашим планом на будущий день. Он решил положиться на наш опыт и обещал, что мы получим всю поддержку, которую он сможет для нас организовать. Как младшие командиры, мы были всецело довольны командиром. Принимая во внимание нашу заботу о нем, мы надеялись, что он останется в тылу, пока мы не достигнем поставленной цели – Волги. В этом случае он мог сделать для нас гораздо больше с командного пункта, чем подвергая жизнь ненужному риску в уличных боях.

Меня проинформировали об общей ситуации более крупного масштаба, чем наш, и я ушел.

Когда я вернулся на свой КП, компанитруппфюрер доложил, что ничего серьезного не произошло.

Приближалась полночь.

Я прополз в угол наполовину обрушившейся комнаты и попытался немного отдохнуть. В таких ситуациях нет возможности крепко спать – приходится спать одним глазом. Всегда нужно быть настороже, чтобы избегнуть неприятных неожиданностей.

Ночи становились прохладнее. За невозможностью согреться конечности немели, форма была холодной и сырой. У противника, лежащего где-то неподалеку напротив нас, положение было не лучше. Такие ночи, кажется, тянутся вечно. Мы ждали дня и теплых солнечных лучей. Пока что нам везло с погодой.

Штаб LI АК: *22.20 25 сентября 1942 г.*

LI АК продолжил уничтожение сил противника на плацдарме по обеим сторонам устья Царицы – с успехом.

В частности:

Около 18.30 267-й ПП 94-й ПД взял штурмом оба оставшихся жилых района строго на юго-запад от устья Царицы, упорно защищаемые противником. Яростные контрудары противника – продолжающиеся до настоящего времени – были отбиты. 600-метровые доки еще заняты большими силами противника с восточного берега Волги. На обеих излучинах Царицы противник еще упорно держится за овраги и дома.

71-я ПД в 07.30 продолжила атаку для очистки сектора города к северу от Царицы. С тем же упорством, что и в предыдущий день, приходилось сражаться за каждую груду обломков. В нескольких особенно упорно обороняемых подвальных помещениях лишь использование огнеметов и взрывных зарядов привело к отказу от

сопротивления. 25.9. дивизия взяла около 600 пленных, включая 8 комсомольцев.

Линия фронта на 25.9.:

94-я ПД: ряд домов по обрыву к Волге с юго-востока от театра к юго-западу от устья Царицы – южный берег Царицы вверх к излучине Царицы к юго-востоку от железной дороги.
71-я ПД: юго-восток от моста через Царицу – парк к северо-востоку оттуда – южный край разреженной застройки к юго-востоку от района партийных зданий – водопроводная станция на Волге.

Потери на 25.9.:

94-я ПД: убитых – 9 рядовых;
(без 276-го ПП) раненых – 2 оф., 3 уоф. и рядовых.

Трофеев и пленных на 25.9.: *741 пленный, 17 орудий, из которых пять 12,2-см, 13 зенитных орудий, 89 пулеметов, 19 противотанковых орудий, 56 минометов, 96 противотанковых ружей, 159 автоматов, одна канонерская лодка потоплена прямым попаданием, 1 канонерская лодка повреждена.*

26 сентября 1942 г.

К 04.00 на передовую привезли горячий кофе. Наш шпис точно знал, что нам было нужно. Горячий кофе поднял наш дух, утихомирил голодные спазмы и сделал мир самую малость приятнее. У нас еще оставалось почти два часа до начала атаки. Несколько мыслей пришло мне в голову. Они не будут давать мне покоя ближайшие несколько часов. Последняя касалась наших солдат и нас самих. Цели просто нужно было достигнуть сегодня, потому что мы больше не выдержим напряжения. Мы должны сделать все физически возможное.

Начинался рассвет. На восточном горизонте я видел первые яркие лучи на другом берегу Волги. Ближайшие окрестности медленно становились более различимыми. Теперь я видел группу Диттнера.

– Вильман, отправляйся к унтер-офицеру Роттеру и скажи ему еще раз, что группа Диттнера атакует в 07.45 и его отделение должно начать не позже. Моментальный рывок через улицу в соседний квартал.

Вильман повторил приказ и убежал. Он вернулся через несколько минут и доложил:

– Приказ выполнен, все ясно!

Я дал Диттнеру сигнал атаковать. Рывком, стараясь избегать любого возможного шума и не выкрикивая команды, группа Диттнера перескочила улицу. Мы медленно последовали за отделением, следя за любыми признаками противника. Роттер и его люди также двигались незамеченными.

Неожиданно сам ад разверзся: слева и спереди раздались очереди тяжелых пулеметов, лихорадочный ружейный огонь и минометные разрывы. Атака захлебнулась.

Наше отделение залегло. Я не успел перейти улицу с группой управления. Мы были на другой стороне и укрылись в развалинах дома.

Тяжелые пулеметы 8-й роты нашли цели и открыли огонь. Тяжелые минометы обер-фельдфебеля Якобса тоже вступили в дело. Тем временем наши левый и правый соседи тоже вступили в контакт с противником. По звуку боя я понял, что на правом фланге дела шли успешнее. Используя огонь тяжелых пулеметов, я с группой управления двинулся в дорогу назад и, отступая через взятое вчера здание, наткнулся на группу Роттера. Дружным рывком мы вчетвером перебежали улицу, прикрывая друг друга.

Справа от нас, в сторону спуска к оврагу, где текла Царица, шла вперед 5-я рота. Примерно в 50 метрах влево между группой Роттера и 5-й ротой стояло здание трансформатора. Это была массивная трехэтажная постройка. Обнаруженный там противник был подавлен. Оттуда открывался великолепный вид.

– Роттер, прикрой нас, мы идем внутрь трансформатора!

Роттер понял мое рычание.

– Слушайте, ребята! Когда я говорю «пошли», мы бежим к тому зданию так, чтобы подметки горели!

Мы проверили снаряжение.

– Пошли!

Мы дошли до здания, окончательно сбив дыхание, и мгновенно скрылись внутри. Снаружи был слышен шум оживленного боя. Рядом взрывались гранаты.

Улица состоит из одних развалин, созданных артиллерией и бомбами

Немного передохнув, мы осмотрелись. На первом этаже стояли огромные трансформаторы. Подвала не было. Мы осторожно поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь также было установлено разное оборудование.

Оттуда можно было смотреть вперед – на Волгу – и влево, точно вдоль последней боковой улицы, которая шла параллельно Волге. С пятиметровой высоты открывался вид на территорию противника. Наискосок влево шла большая пустая площадь. В ней было метров 200. Примерно в середине последней ее трети стоял памятник, обращенный к Волге. За ним на берегу реки стояли одноэтажные кирпичные дома. Мне не было видно, что находится за ними. Однако с этого места я видел реку, которую русские называют «народной матерью», до самого другого берега.

Яростный заградительный огонь русских шел через нас слева примерно с того же уровня, на котором мы сейчас находились. Заградительный огонь также шел от береговой дамбы в сторону 6-й роты и моего правого фланга.

Осторожно, чтобы нас не заметили, мы осмотрели все, что можно, в бинокли.

Павеллек позвал меня:

– Герр лейтенант, слева от нас русские, метров 150–200, на втором этаже!

Я посмотрел в бинокль в том направлении: он был прав. В пролом в стене было видно, как русские солдаты тащат наверх ящики с патронами. Они всего несколько секунд были в поле

моего зрения. Явно там была лестница, они шли вверх и скоро будут спускаться.

Следовательно, там был отряд, способный сопротивляться, создавая немало проблем нашему левому флангу.

– Юшко, винтовку!

Я осторожно наклонился вперед, чтобы иметь обзор для стрельбы. Было время исполнить свой долг. Первым делом, успокоиться. Я аккуратно прицелился, правый указательный палец лег на спуск, цель появилась в окне, я нажал на спуск, раздался выстрел – в яблочко! Перезарядка, внимательное наблюдение.

Тем временем мои люди из группы управления не спускали глаз с площади. Теперь, когда эффект неожиданности прошел, мне будет труднее действовать. Время от времени на долю секунды я видел солдат противника в проломах стен.

Поскольку я стрелял не более одного выстрела за раз, враг мог только гадать, где я засел. Неожиданно вниз по лестнице пробежали пять или шесть солдат противника. Еще один выстрел, и еще одно попадание. Теперь не было видно никакого движения.

Откуда рванулись все эти люди?

Неожиданно объявился лейтенант Вайзе, командир взвода в 13-й роте, чтобы работать корректировщиком огня нашей артиллерии. Командир батальона приказал, чтобы он доложился мне.

Со здания трансформатора у нас была лучшая наблюдательная позиция. Оно стояло отдельно, но было на одной оси с фасадами зданий, окружающих площадь с запада.

Я согласился с Вайзе, что отсюда он сможет направлять огонь своих пушек. Вскоре первые разрывы снарядов на дамбе показали, что передовой наблюдатель дал им точные координаты, куда стрелять. Стрельба направлялась по радио. Результатов не было видно из-за мертвой зоны за речной дамбой. Обнаружив цель на нашей стороне, противник открывал прицельный пулеметный и минометный огонь. Его минометный огонь был столь же смертоносен. Он прятался где-то за дамбой и вел заградительный огонь, кладя снаряды на нашу передовую линию. Вражеская артиллерия на другом берегу Волги ничего не добавляла открывшейся перед нами картине, ее снаряды рвались где-то позади. Они явно отстреливались по позициям нашей тяжелой артиллерии.

Несмотря на весь огонь с нашей стороны, за последний час мы не продвинулись ни на метр.

Солнце теперь было почти на юго-западе; его лучи отсвечивали на струях воды в Волге. В бинокль они ослепляли.

Наш командир послал ко мне и наблюдателя от армейской артиллерии, и вскоре он радировал своей батарее распоряжение присоединиться к концерту. В промежутках между огневыми налетами мы внимательно вели наблюдение. Вдруг я увидел русского солдата, явно связного, бегущего по открытому участку с другой стороны большой площади. На нем был расстегнутая зеленая шинель, полощущаяся на бегу.

Я схватил винтовку. Со своей фланговой позиции я четко видел его маршрут. Дистанция составляла 200–250 метров. Он добежал почти до середины площади. Он, казалось, бежал точно туда, где я с частичным успехом воевал с его товарищами всего пару минут назад (или прошли уже целые часы?). Рука не дрожала, я прицелился и согнул указательный палец. Это было чистое попадание то ли в голову, то ли в сердце – сила удара сбила его с ног и бросила на землю. «Это за Гроссмана!» – сказал я про себя, но все же был рад, что этот безымянный солдат не страдал перед смертью.

Если не произойдет чуда, мы, несмотря на все наши усилия, скорее всего, останемся торчать здесь. Противник оказывал упорное сопротивление. Нам, атакующим, нужно было двигаться вперед. Противник не мог себе позволить оставить позиции. Было бы безумием пытаться при свете дня пересечь эту гигантскую площадь. Однако это означало, что мы можем сделать это только под покровом ночи. Свет заходящего на западе солнца омыл все розовым сиянием. Павеллек показал влево: «Герр лейтенант, что делает наш левый сосед?»

Я глянул влево. Наш сосед из разведбата-171 пробился вперед и зажег первую дымовую шашку. Несколько шашек неожиданно испустили облако густого дыма, целую тучу, ползущую по ветру в мой сектор и закрывающую противнику обзор. Пора!

– За мной!

Мы промчались вниз по лестнице, не думая об осторожности.

– Юшко, беги к Диттнеру! Он должен сразу же начать готовиться к выдвижению. Я пойду с группой Роттера!

Мы долго ждали этого момента. Мы были окутаны плотным туманом, за который нужно было благодарить наших товарищей слева. Мы просто должны были использовать его.

Я проорал направо и налево:

– Парни, пошли, марш, марш!

Мы рванулись вперед как можно быстрее. На бегу мы стреляли из винтовок и автоматов. Неожиданный рывок увлек с нами и некоторых соседей слева. Шум движения слышался и справа, где располагался лейтенант Фукс. Мы ничего не видели!

Под прикрытием стены дыма, постепенно рассасывающейся, но, на наше счастье, движущейся в нужную сторону, к Волге, мы дошли до края дамбы. Мы буквально бежали в неизвестность.

Русские были потрясены. Наверное, они думали, что это газ. После рукопашного боя в развалинах небольших домиков, где мы применили гранаты, мы остались хозяевами гребня дамбы.

Как я был рад, что левый сосед применил дымовые шашки. Мы были счастливы иметь хотя бы подходящие к оружию патроны, о дымовых шашках никто и не задумывался. Тот, кто додумался до этой идеи, заслуживал медали!

Теперь гребень был у нас в руках. Наш противник сидел где-то внизу, между дамбой и берегом. Теперь надо было закрепиться здесь, чтобы никто не мог неожиданно напасть.

Тем временем совсем стемнело. Как мы ошибались: между нами и берегом лежала полоса примерно десяти метров глубины, ширину которой я оценивал между 80 и 100 метрами. Точно вдоль дамбы шла железнодорожная ветка. Я понял это, когда увидел внизу вагоны с пушками, танками и другим военным имуществом. Не было видно, сколь длинен этот поезд. Думаю, этот кусок пути был выведен из строя нашими Люфтваффе.

Штаб LI АК: *18.00 26 сентября 1942 г.*

26.9. LI АК очистил от противника плацдарм по обоим берегам Царицы, за исключением занятой противником 600-метровой причальной стенки к югу от устья Царицы и нескольких гнезд сопротивления к северу от устья…

В частности:

94-я ПД очистила южный берег Царицы, включая обе излучины. Противник продолжает удерживать причальную стену.

71-я ПД достигла берега Волги, но несколько гнезд противника продолжают сопротивление.

Задача на 27.9.: *Продолжить очистку обеих сторон устья Царицы.*

Штаб LI АК: *23.00 26 сентября 1942 г.*

В ходе тяжелых боев LI АК наконец выполнил задачу взятия секторов города по обе стороны устья Царицы, за исключением остатков противника в доках. Успех был обеспечен действиями 71-й и 94-й ПД, несмотря на понесенные обеими тяжелые потери…

В частности:

После систематической подготовки наступление штурмовых групп 29-й ПД и 94-й ПД во второй половине дня 26.9. на противника за береговой дамбой смогло продвинуться на 20 метров; после потери огнемета все дальнейшее продвижение было пресечено вражеским огнем.

26.9. 71-я ПД продолжала атаку с целью овладения берегом Волги. В полдень последнее гнездо сопротивления в центре города

было уничтожено, и военное знамя Рейха взвилось над партийными зданиями и театром.

71-я ПД теперь будет обеспечивать контроль территории вдоль Волги.

94-я ПД будет выведена и переброшена на север.

Линия фронта на 26.9.:

94-я ПД: берег Волги до 600 метров на юго-запад от устья Царицы – северо-западный конец железной дороги.

71-я ПД: северо-западный конец железной дороги до 600 метров на северо-восток от устья Царицы – берег Волги до границы расположения дивизии.

Потери на 26.9.:

94-я ПД: убитыми – 3 уоф. и рядовых;

ранеными – 23 уоф. и рядовых.

71-я ПД: убитыми 1 оф., 10 уоф. и рядовых;

ранеными – 35 уоф. и рядовых.

Трофеев и пленных на 26.9.:

789 пленных, 8 танков уничтожено, 2 пушки, 38 пулеметов, 4 орудия ПТО, 27 минометов, 30 противотанковых ружей, 38 автоматов, 1236 винтовок, сбит 1 самолет.

***1с** (отдел разведки. – Прим. пер.) **штаба 6-й армии:** 21.00 26 сентября 1942 г.*

Дислокация противника:

***Устье Царицы:** 92-я стрелковая бригада, 244-я стрелковая дивизия.*

***К северу от устья Царицы:** 10-я дивизия НКВД (остатки 270-го и 272-го полков), 42-я стрелковая бригада и 13-я гвардейская стрелковая дивизия, получившая 21.9. пополнение в 550 штыков от 680-го стрелкового полка 196-й стрелковой дивизии.*

Мой ротный командный пункт теперь расположился в массивном здании, стоящем прямо на линии фронта. Завтра ранним утром нам придется внимательно и как можно быстрее очистить от противника территорию перед нами. Корректировщики вернулись в свои части. Наши товарищи справа и слева также закрепились на гребне дамбы.

Появился мой друг Йохен. С ним был Марек.

– Добрый вечер, Берт.

– Добрый вечер, Йохен. Хорошо, что ты пришел. Не придется писать донесение командиру. Сам набросай, что нужно.

– С удовольствием, мой дорогой.

Я описал адъютанту события дня. Я отметил, как большая площадь стала почти непреодолимым препятствием и что совершенно непредвиденная дымовая завеса, поставленная левым соседом, буквально сподвигла нас урвать победу в самую

последнюю секунду.

– Слушай, Йохен, в моем распоряжении никогда не было столько пушек; 13-я рота, наша тяжелая артиллерия и в полдень – армейская артиллерия. Наблюдатели мгновенно поняли, что стоит на карте, и энергично радировали им всем. Завтра увидим, какой урон нанесен внизу в мертвой зоне.

– Ну, майор Вайгерт прислал их всех тебе, потому что ты три дня был центром атаки и день за днем явно продвигался согласно плану.

– Но с такими потерями! Сейчас мы, командиры рот, командуем отделениями. Если вскоре не придет пополнение, не знаю, как я смогу дальше двигаться с моей шайкой. И нам всем нужно несколько дней полного отдыха, чтобы снова выглядеть как люди. Юшко!

– Герр лейтенант?

– Есть данные по всем сегодняшним потерям?

– Так точно! У Роттера двое солдат ранено, у Ковальски один тяжело ранен, у Диттнера тоже двое. Всего у нас сейчас 32 человека.

Лейтенант Шюллер сделал запись и затем спросил:

– А ты можешь дать мне связного, проводить меня в 6-ю роту?

– Конечно. Вильман, отведи герра лейтенанта к лейтенанту Фуксу.

– Так точно, герр лейтенант!!

– Да, береги себя, Йохен. Когда завтра ситуация выправится, я немедленно пришлю донесение.

– Спасибо, Берт, тогда до завтра.

Полевая кухня, как обычно, показала себя с самой надежной стороны. Она подъехала к площади и встала в безопасном месте. Неметц привез ужин. Вскоре он появился с нашим гауптфельдфебелем.

– Ну, Михель, у тебя все в порядке?

– Так точно, герр лейтенант, все в обозе в порядке.

– Почту получили?

– Так точно, почта пришла.

– Думаю, завтра все закончится. Если батальон отсюда выведут, думаю, у нас будет несколько дней отдыха. Приготовь все, чтобы помыться и побриться. Портным, ремонтникам и брадобреям – всем найдется работа. Ну, для тебя в этом ничего нового.

Михель ухмыльнулся – мол, старый конь борозды не портит.

Я понял и ухмыльнулся.

Снаружи доложили, что кухня готова ехать обратно. Михель доложился и ушел.

Снова на большой город упала тишина – не считая слышного кое-где пулеметного и автоматного огня.

Комната, в которой мы собрались ночевать, была лишена домашнего уюта. Окон не было. Также здесь собрались наши медики.

Поев, я прилег на носилки. Как обычно, стальной шлем лежал рядом с головой, как и автомат. Я даже смог укрыться одеялом. Вскоре я уже спал.

Глухой удар по голове, который я ощутил сквозь сон, разбудил меня. Я не знаю, сколько я спал. Что-то произошло, но что?

Вокруг меня все было тихо, в комнате было темно. Вверху был слышен звук мотора «швейной машинки», как обычно без разбору сыплющей вниз легкие бомбы.

Теперь мне было легче думать. Я чувствовал боль в голове и потянулся пощупать – рваная рана!

Я встал, разбудив товарищей. Мы зажгли лампу. Мне все было ясно: бомба с одной из русских машин попала в наше обиталище. Сотрясение сбросило обломки с потолка в четырех метрах надо мной. Кусок тридцати сантиметров в диаметре приземлился рядом с головой около носилок, на которых я спал. Кусок толщиной с запястье попал мне в голову.

Наш санитар Пауль прочистил рану и перевязал мне голову. Товарищи поздравили меня как везунчика. Как бы то ни было, мне повезло. Большой кусок раздробил бы мне череп. После всего я не мог заснуть. В голове шумело, но она была на месте, так что приходилось воевать дальше.

Этим чертовым «швейным машинкам» принадлежала вся ночь. Днем они не летали, но ночью эти тихоходные машины перелетали через линию фронта, наобум разбрасывая бомбы. Я убедился на собственном примере, что иногда они не промахивались.

Я лежал на носилках и думал о том, на какой тонкой нити в такие моменты повисает судьба. Я был убежден, что Господь установил каждому его последний час и его не изменить. Со временем я понял, что имел в виду Фридрих Великий, сказав: «Неважно, что я живу, но важно только, что я исполняю свой долг».

Штаб LI АК: *05.35 27 сентября 1942 г. На всей передовой LI армейского корпуса ночь 26/27.9.1942 г. прошла в непрерывных налетах самолетов противника при активном беспокоящем огне…*

27 сентября 1942 г.

Привезли кофе. Скоро рассветет. Надеюсь, день будет не трудным, потому что все мы нуждались в отдыхе и восстановлении. Один за другим пришли мой друг Ули

Вайнгертнер, лейтенант Фукс и обер-фельдфебель Якобс. Они слышали о том, как мне не повезло, и были рады, что тем не менее мне хватило запаса удачи. Мы все разделяли мнение, что урон, который противник может нанести, будет незначителен, поскольку с рассветом он окажется у нас на тарелке. Тем не менее приказом дня было «соблюдать осторожность».

Светало. Я слез с носилок, я взял бинокль и попытался осмотреть лежащий подо мной берег. Грузовой поезд, который я вчера видел, был невообразимо длинен. Головы поезда отсюда видно не было. Было невозможно оценить количество имущества, которое он вез. На открытые платформы были погружены танки, грузовики, тракторы, пушки и другое имущество. Я попытался посмотреть, что там дальше, и взглянул в сторону кромки берега.

Подожди-ка – там, за крошечным клочком земли, выдающимся в реку, что-то движется.

– Юшко, посмотри на тот мыс. Что там?

Павеллек впился в окуляры:

– Русские, герр лейтенант. Целый отряд.

Я думал то же самое.

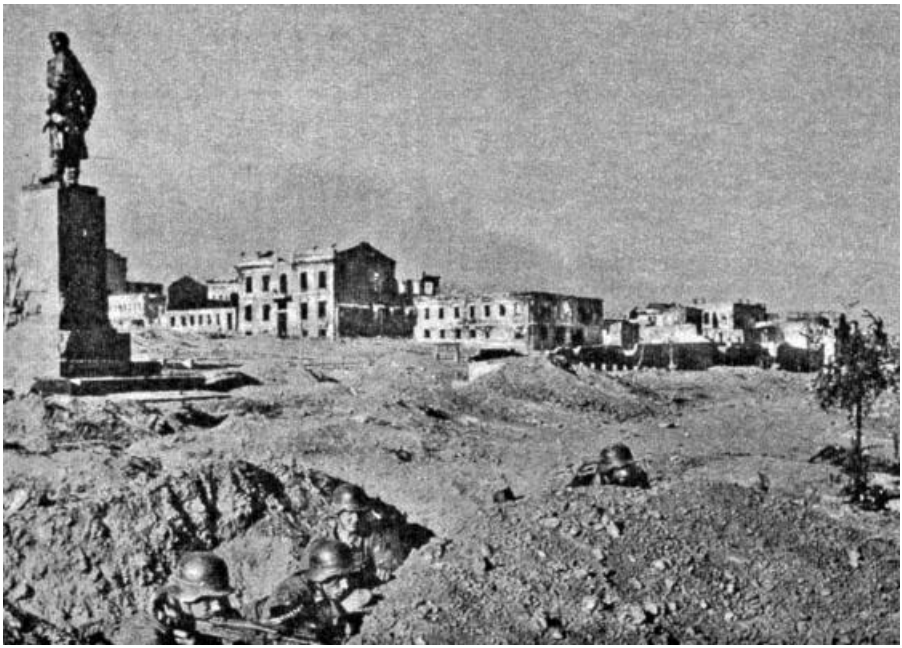
– Пошли, Юшко! Неметц, Диттнер и Роттер прикроют нас из пулеметов.

Мы слезли с дамбы, нырнули под вагоны и пошли к мысу.

Я не мог поверить тому, что вижу: русские солдаты столпились на самом кончике песчаного мыса. Я оценил их количество в сто человек. Они были безоружны. Они увидели, что мы подходим, и стали поднимать руки. Между нами оставалось тридцать метров. Волны Волги залили мне сапоги. Я заметил это, лишь когда носки и ноги промокли.

– Спроси, есть ли среди них офицеры.

Павеллек крикнул в сторону русских. От толпы отделился человек и сказал, что он офицер. Я дал ему подойти. Будучи спрошен о звании, он сказал, что он младший лейтенант, а по профессии – учитель. Ему было лет 30, и нас поразило, насколько он спокоен и сдержан. Павеллек перевел мой вопрос, есть ли здесь другие офицеры. «Четыре офицера и два комиссара вчера вечером переплыли Волгу на лодке».



Солдаты 276-го пехотного полка (вероятно, 6-я рота лейтенанта Фукса) на позиции над дамбой. Слева статуя летчика Виктора Степановича Хользунова, которую немцы видели за много дней до того, как к ней вышли. Хользунов, уроженец Сталинграда, был награжден званием Героя Советского Союза за боевые действия во время гражданской войны в Испании. Статуя пережила бои и стоит до сих пор

С помощью Павеллека я разъяснил младшему лейтенанту, что, как самый старший по званию, он отвечает за остальных пленных. Солдаты должны подходить к нам в колонне по три, а он должен их вести. Младший лейтенант поговорил со своими, они собрались и построились. Голова колонны уже начала движение, когда я заметил лежащего. Павеллек отрядил четырех последних поднять раненого.

Русские еще не дошли до первого дома за площадью, когда по нам начала стрелять артиллерия с той стороны Волги. Тем, кто стрелял, было нетрудно засечь места попаданий, потому что снаряды легли совсем рядом с колонной.

«Эти собаки стреляют по своим же товарищам!» – ругался Павеллек, и я мог лишь с ним согласиться. К счастью, никто из них не пострадал. Пленных было 124.

Оперативный отдел штаба 6-й армии: *10.40 27 сентября 1942 г.*

С 00.00 28.9. 4-я ТА временно примет зону ответственности по Волге на север, до городской электростанции включительно. 71-я ПД передается ей в тактическое подчинение.

Граница между XXXXVIII танковым корпусом и LI армейским корпусом будет согласовываться штабами этих корпусов…

***Штаб LI АК:** 18.10 27 сентября 1942 г.*

По линии фронта LI АК сломлено последнее сопротивление противника по обоим берегам Царицы, а вражеский плацдарм уничтожен…

В частности:

В 06.00 штурмовые группы 94-й ПД пробились к причальной стенке, уничтожили противника, окопавшегося за ней, достигли берега Волги и очистили его вдоль всей линии передовой.

В утренние часы 71-я ПД уничтожила артиллерийские гнезда сопротивления вдоль Волги, при этом взяв 400 пленных. До 07.00 взят берег Волги на всем протяжении фронта дивизии. Дивизия заняла оборону…

Потери на 27.9.:

94-я ПД: убитыми – 4 уоф. и рядовых;

ранеными – 2 оф., 20 уоф. и рядовых.

71-я ПД: (не представлено данных).

***Трофеев и пленных на 27.9.:** 896 пленных, 29 танков, 10 орудий, 106 пулеметов, 9 орудий ПТО, 60 минометов, 58 противотанковых ружей, 10 грузовиков.*

Мы вздохнули свободнее. Теперь мы могли двигаться свободно, потому что непосредственный противник был устранен. Серьезное сопротивление было сломлено. Разрозненные разрывы снарядов с того берега беспокоили нас куда меньше. Я приказал компанитруппфюреру оставаться на командном пункте, пока я не вернусь с доклада батальонному командиру.

Только я успел пересечь площадь, которая так долго не пускала нас вперед, как увидел «папу Вайгерта». В сопровождении связного он шел прямо к нам. Не успел я доложить, как он воскликнул: «Поздравляю, Холль! Вы и ваши солдаты прекрасно справились с задачей. Я представлю вас к Рыцарскому кресту!»

Майор пожал мне руку и кивнул моему связному Неметцу. Он осмотрел вчерашнее поле боя. Я давал ему нужные ответы. Потом мы вместе пошли на мой командный пункт.

Глава 2 Боевые действия в поселке Баррикады 276-й пехотный полк переподчинен 24-й танковой дивизии

28–29 сентября 1942 г.

***Штаб LI АК:** 16.45 28 сентября 1942 г.*

94-я ПД: до 05.30 267-й пехотный полк сменен частями 71-й ПД. 276-й пехотный полк возвращен под управление своей дивизии…

Два дня отдыха были днями, подаренными именно нам, пехотинцам. По контрасту с днями операции, когда в любой момент мы могли войти в контакт с неприятелем, теперь у нас были другие задачи – то, что нужно делать, чтобы окончательно не сойти с катушек. Первым делом, личная гигиена – купание или мытье, бритье, стрижка. Если получалось, мы меняли белье и чинили форму. И, что самое главное для пеших частей, мы должны были почистить орудие и пополнить запас боеприпасов. Для этого использовались умельцы из обоза – портные, сапожники, брадобреи, оружейники и т. п. Раздавались письма из дома, собирались и отправлялись письма домой. Нужно также заполнить всю отчетность, которую некогда было составлять во время боевых действий, – донесения о боевом составе, заявки и т. п. Гауптфельдфебель, «ротная мать», следил за тем, чтобы все было сделано по регламенту.

***Штаб LI АК:** 23.20 28 сентября 1942 г. Утром 29.9. 94-я пех. див. маршем следует в расположение XIV танкового корпуса, не считая частей, уже находящихся рядом с расположением корпуса, и без 276-го пехотного полка, который остается в составе LI армейского корпуса…*

Вражеский огонь с другого берега Волги редко попадал в наш сектор. Почти не было видно вражеской авиации, не считая «ночных кофемолок». Погода тоже была к нам добра. Небо целыми днями оставалось ясным, если не считать рукотворных облаков, созданных нашим оружием. Те облака были огромными застилающими небо черно-серыми тучами. Гуще всего они были к северу от нас, где были слышны звуки битвы. В том же секторе проходили основные действия наших Люфтваффе, бросающих свои разрушительные бомбы. С расстояния в шесть километров мы видели железные балки, взлетающие в небо, как спички.

На совещании командиров рот, которое вчера провел

командир батальона, нам стало абсолютно ясно, что с сегодняшним боевым составом рот мы слишком слабы, чтобы пускать нас в дело как боевые части. Это было так же очевидно и командиру, и мы всерьез надеялись, что до того, как снова пойти в дело, нам пришлют пополнение.

Я сидел под бритвой «Фигаро» нашего ротного брадобрея. Он только закончил меня стричь, когда Марек протянул мне приказ из батальона, который указывал, что полк завтра выведут и перебросят в другой сектор. Приказ по батальону включал необходимые детали о времени отбытия, порядке марша батальона, а также позициях, на которых будут расположены роты.

Освежившись, я пошел со связным Неметцем на КП батальона. Первым делом я нашел адъютанта, моего друга Иоахима Шюллера.

– Привет, Йохен!

– Сервус, Берт!

– Что там с этим «занятием нового сектора»? Ты сам слышал вчера на совещании – и знаешь из наших рапортов в полк, – как мы слабы. Ради всего святого, мы и цветочного горшка не можем захватить с той горсткой людей, что у нас осталась! Видишь ты в этом хоть какой-то смысл?

Йохен попытался меня успокоить:

– В принципе, ты прав, Берт. Мы тоже сделали серьезные рапорты в полк ровно о том же. Но нас уверили, что мы всего лишь заменим другую дивизию, которая занимает позиции в поселке Баррикады. Мы будем просто держать позиции. Никто не собирается атаковать нашими слабыми частями. Наш полк передадут на это время 24-й танковой дивизии. 389-ю пехотную дивизию отсюда выведут и поставят где-то еще.

Я был настроен скептически. Если нас выведут из нашей дивизионной структуры – в которой мы занимали значительное место, – кто побеспокоится, будем мы способны обеспечить атаку или нет, когда нас передадут другой части? Я выразил свои сомнения командиру. Он внимательно выслушал, кивнул в знак одобрения и, пристально глядя на меня, наконец сказал:

– Слушайте, Холль, не критикуйте решения начальства. Мы получили приказ и выполним его как пруссо-германские солдаты. Ясно?

Я вытянулся по стойке «смирно»:

– Так точно! Я только беспокоюсь о своих солдатах.

Он ответил с улыбкой:

– Мы все об этом беспокоимся, Холль.

После того как меня ознакомили с общей ситуацией –

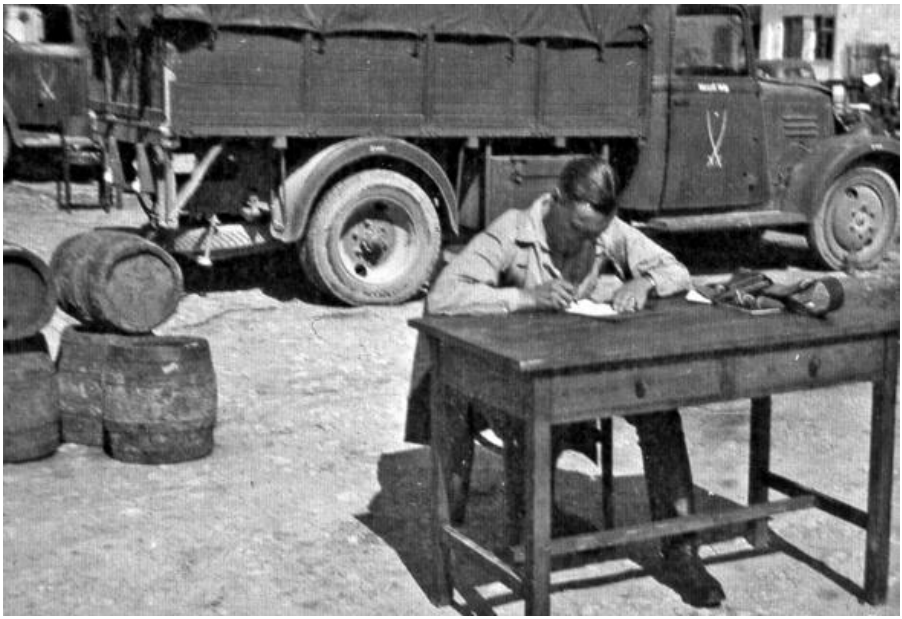
насколько штаб батальона мог это сделать, – я доложил, что ухожу, и вернулся в роту.

Гауптфельдфебель Михель, который уже приехал с «гуляш-пушкой», уже знал о приказе выступать. Обоз должен был выйти позже и получить от батальона место расположения где-то за нашим районом ответственности. Отвечал за это батальонный казначей Кнопп. Оттуда он заново установит связь с ротами.

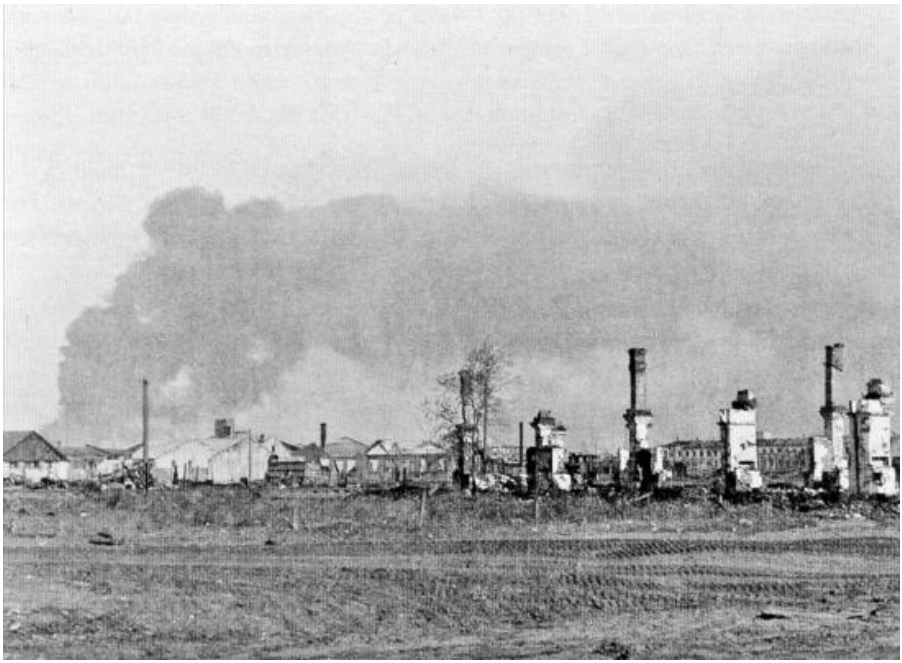
– Михель, пришли завтра в роту две «пане-телеги» как можно раньше. Не хочу, чтобы наши несли с собой много ненужного. Они должны нести на себе только самое необходимое, чтобы быть готовым к любым неожиданностям; все остальное поедет с обозом.

Хорошо, что у нас были эти небольшие деревянные телеги, которые мы называли «пане-телегами». Каждую тянула пара лохматых пони. Когда они застревали, четыре-шесть сильных рук хватались за спицы, и вагон снова оказывался на дороге. Как же тяжело было в таких случаях нашей уставной ротной повозке. Они были идеальны для Центральной и Западной Европы с хорошей дорожной сетью, но на краю Восточной Европы они были бесполезны. Состояние наших отборных лошадей заметно ухудшалось, потому что мы не могли обеспечить им корма, на котором они сохраняли бы силу. Не так обстояло дело с маленькими пони польской породы – они были нетребовательны, но выносливы. У нас не было особых забот с кормом для них; кроме того, «маленьким товарищам» его нужно было меньше.

Солдаты 94-й пехотной дивизии наполняют котелки



Используя передышку в боях, солдат 94-й пехотной дивизии пишет письмо домой. На дверце грузовика ясно видна тактическая эмблема дивизии – скрещенные сабли



Вечное облако дыма, покрывавшее на востоке сталинградский горизонт

Согласно карте, расстояние – по прямой – от нашего теперешнего опорного пункта до поселка Баррикады составляло

до девяти километров. Однако для того, чтобы дойти до новой зоны ответственности без угрозы с тыла, нам нужно было заложить большой крюк, что означало как минимум двадцать километров марша. Я снова изучил карту. На крайнем юге города находилась Елшанка, где мои товарищи впервые вошли в Сталинград. Сейчас мы были у устья Царицы, и нам нужно было идти в северную часть Сталинграда, к Баррикадам. Для нас, «кузнечиков», это будет чертовски трудно.

30 сентября 1942 г.

Было еще темно, когда прибыли двое ездовых с телегами. У нас было достаточно времени, и можно было спокойно собраться. Все, что мы не должны были нести на себе, грузилось на повозки. Два отделения из трех получили одну телегу, третье отделение и моя группа управления – другую. Мое особое оружие – связки гранат, русское противотанковое ружье и русский автомат – теперь будут под рукой.

Двое «хиви», Петр и Павел, были приданы каждый своей телеге. Они были счастливы остаться с нами. Что их особенно впечатлило – это такой же, как у нас, паек.

Петр сказал Павеллеку, что в Красной Армии пайки пяти разных уровней.

Я не мог этому поверить. Коммунисты, как считалось, были «армией рабочих и крестьян»!

Теперь мы были готовы к маршу, двигаясь к указанной точке рандеву в расчлененном боевом порядке, чтобы снизить риск воздушного налета. Несмотря на наш скромный боевой состав, наша группа растянулась метров на сто. Я со связными и Павеллеком был в авангарде, а унтер-офицер Роттер был в хвосте колонны. У бывшей женской тюрьмы ГПУ нас ждал Йохен, готовый нас инструктировать.

– Доброе утро, Берт!

– Доброе утро, Йохен!

– Можете продолжать марш. 5-я рота только что прошла. Лейтенант Вайнгертнер раздобыл проводника, который знает точный путь.

– Кто за нами?

– Дальше идет 6-я рота с лейтенантом Фуксом, и затем обер-фельдфебель Якобс с 8-й ротой. Мы пойдем с 8-й ротой. Когда все двинутся, командир поедет со мной в голову колонны.

– Ну, тогда увидимся.

– Да, будь осторожен.

Я поспешил обратно к роте. Какой-то момент мы шли вдоль железной дороги в северном направлении в сторону центра города. Звук боя становился громче. Темные грибы дыма вставали

здесь гуще всего. Проложенный мимо железнодорожной насыпи слева от нас и развалин домов справа, наш маршрут можно было назвать движением напрямик. Идеальная мишень для налета. К счастью, в нашем секторе мы до ночи не видели самолетов противника. Мы поддерживали визуальный контакт с хвостом 5-й роты, идущей впереди, и таким образом избегали необходимости думать о том, куда идти.

Мимо проехали на мотоцикле с коляской майор Вайгерт с лейтенантом Шюллером. Навстречу нам двигались какие-то машины снабжения; они были не из 94-й дивизии. В тыл тоже шло на низкой передаче несколько грузовиков.

А это что? Перед нами колонна разбежалась направо и налево. Пулеметный и пушечный огонь ударил по нашему пути. Я заорал как можно громче: «Вражеские самолеты с фронта! В укрытие!»

Но мои товарищи уже увидели самолет и уже разбежались по укрытиям – как можно дальше, – пока я кричал свой приказ. Вся история заняла не больше нескольких секунд. Это было, как пережить кошмар. Мы вышли из него с двумя товарищами, пораженными шрапнелью из бортового оружия. К счастью, они были легко ранены и им хватило перевязки. Солдаты остались с частью. После короткого привала мы пошли дальше. А каково было другим частям?

Направление нашего марша изменилось: мы повернули с северного направления на северо-западное. Железнодорожная насыпь осталась далеко позади; обзор увеличился. Лишь иногда мы проходили мимо каменных домов. Западная окраина города почти полностью состояла из домов из дерева и глины. Отдельные дома еще стояли, но большую часть можно было опознать лишь по печным трубам, все остальное было сровнено с землей.

В полдень мы перешли большой глубокий ров с отвесными стенами, который остался от старых времен. Ров был помечен на наших картах как «Татарский вал». Не знаю, к какому времени он относился, но, если бы у меня была возможность, хотел бы узнать о нем побольше.

Теперь мы перешли еще одну железную дорогу, идущую примерно с востока на запад. Она шла через центр города. Перед нами теперь лежало еще одно кладбище печных труб с несколькими частично разрушенными хижинами. Это, наверное, поселок Красный Октябрь. Теперь мы двигались почти строго на север. От Волги эхом доносился шум боя – справа и сзади-справа. Даже с учетом неожиданного налета русского штурмовика нам везло.

Когда местность начала опускаться в сторону города и Волги, мы смогли на ходу увидеть «ковровую» бомбардировку, которую проводили Люфтваффе. Ее основными целями были заводы «Красный Октябрь» и «Баррикады».

Несмотря на жестокость вражеского сопротивления, я был убежден, что наша 6-я армия возьмет город. Нам нужно было взять его, пока погода не изменилась.

На мотоцикле с коляской подъехал батальонный адъютант, лейтенант Шюллер.

– Привет, Йохен, что нового?

– Привет, Берт, я привез подробный приказ о занятии ваших новых позиций. Мы дошли до западного края комплекса «Баррикады». Подойдем через четверть часа. Связной из 3-й роты 544-го пехотного полка ждет, чтобы ввести вас в курс дела. Передача позиций будет после заката.

Развернувшись в тыл, Шюллер поехал к следующей роте.

Учитывая привалы и непредвиденные задержки, мы шли уже восемь часов. В руинах поселка несколько человек из 7-й роты моментально «стали невидимы» – другими словами, нашли укрытие. Мой командир батальона был рядом. Я доложил ему.

– Ну, Холль, с вами все в порядке?

– Так точно, герр майор. Не считая воздушного налета утром, нечего докладывать.

– Нам тоже повезло, Холль. Вскоре после того, как мы миновали вашу роту, мы услышали, как позади самолет штурмует колонну. Мы доехали невредимыми.

– Все могло быть иначе, герр майор. Нашему батальону сильно везет.

Майор Вайгерт подал знак связному, который укрылся где-то сбоку.

– Этот ефрейтор отведет вас и ваших людей к своей роте, но сначала нужно дождаться темноты. Противник не должен заметить, что перед ним что-то меняется. Вся операция по замене 544-го полка нашим полком должна пройти за эту ночь. Вы получите дальнейшие указания о движении к передовой, положении с противником и секторе ответственности от командира 3-й роты 544-го пехотного полка. Остальные указания будут позже. Оставайтесь на позициях до дальнейших распоряжений.

Я отдал честь и вернулся к роте. Проводник пошел за мной. Отделения, как и моя группа управления, тем временем разгрузили с телег боеприпасы, пулеметы, легкие минометы и все, что нужно для боевых действий. Теперь у нас было все, что нужно. После наступления темноты мы построились в колонну и

вышли. Солдат предупредили, что им запрещается шуметь, а говорить можно только в крайнем случае.

Штаб LI АК: *17.35 30 сентября 1942 г. С 02.00 до 04.00 24-я танковая дивизия отражала атаки противника силами около батальона… 276-й пехотный полк принял сектор на правом фланге дивизии…*

Район занимал около квадратного километра и примыкал к западной окраине Сталинграда. Немощеные улицы шли параллельными рядами с севера на юг и с запада на восток. В садах почти каждого деревянного дома еще росли зеленые кусты, хотя сами дома лежали в развалинах. Мы почти дошли до края поселка, когда наш проводник повернул вправо. Мы прошли через маленький садик к уцелевшему дому за линией передовой. По моему приказу мои люди остановились и стали ждать указаний. Группа управления пошла за мной. Командный пункт 3-й роты 544-го полка был в подвале деревянного дома. Кратко представившись друг другу, мы перешли к делу. Обер-лейтенант Боймле начал первым:

– Герр Холль, у русских здесь снайперы. Мы здесь больше недели, и в первые дни у нас были значительные потери. В основном попадания в голову. Предупредите своих людей, чтобы были предельно осторожными, чтобы не следовать нашему примеру.

Я поблагодарил его за совет и после этого спросил:

– Герр обер-лейтенант, можете вы мне дать план расположения, чтобы можно было ориентироваться, когда рассветет?

– Я уже это сделал, возьмите. Мы вот здесь, на углу. Это центральная улица застройки. Она идет прямо в город через завод «Баррикады». Перед заводом – я нарисовал – хлебный завод. Слева – силикатный завод. Наша передовая в 30 метрах отсюда, прямо перед нами. Она идет по примерно 40-метровой ширины грунтовой дороге, которая разделяет город и комплекс. Русские в домах на другой стороне. Это в 80 метрах отсюда. Наши дозоры на краю улицы, в 40 метрах в другую сторону. Граница сектора – улица, по которой вы пришли. Граница правого фланга метрах в двухстах отсюда. Я разместил командный пункт здесь, потому что этот перекресток требует особого внимания.

Павеллек и оба моих связных внимательно следили за разговором.

– Вильман, мне нужны командиры групп.

Вильман повторил приказ и убежал.

– Герр обер-лейтенант, у вас есть люди, чтобы нас проводить?

– Конечно, мои люди ждут вас с нетерпением. Сегодня вам

придется пройти несколько километров.

Пришли командиры групп. Я сообщил им о положении и показал набросок обер-лейтенанта Боймле.

– Диттнер, приведи сюда солдат, и займите позиции перед командным пунктом. Ковальски, ты заменишь товарищей в центре, а вы, Роттер, занимаете правый фланг, устанавливая связь с 5-й ротой лейтенанта Вайнгертнера. И будьте днем особенно осторожны. Противник использует снайперов.

Командиры групп ушли с проводниками.

– Герр обер-лейтенант, каково здесь в целом в последние дни?

– Не считая потерь от снайперского огня в первые три дня, нам везет. «Сталинские органы» штукатурят сектор единожды или дважды в день. Это 12 или 24 попадания. С нулевым успехом. У нас ни одной потери от их снарядов. Это стрельба по площадям, «Иван» не может их нацеливать. Ракеты имеют низкую проникающую способность и взрываются на поверхности. Мы быстро привыкли к ним. Огневые позиции у них все время разные, поскольку «органы» моторизованы и русские моментально меняют позицию. Ракеты в полете видно. Правда, остаются разрывы, действующие на слабонервных. Кажется, что мир переворачивается, особенно при 24-ракетном залпе. Но со временем привыкаешь.

Обер-лейтенант Боймле попрощался, пожав мне руку и пожелав мне и моим людям всего наилучшего. Я поблагодарил его и пожелал ему всего хорошего в ответ.

Обосновавшись в подвале, я взобрался по деревянной лестнице и вылез через люк в жилую зону наверху. Под покровом темноты я мог без риска подойти к окну и посмотреть в сторону противника. Мало что было видно. Там и тут взлетали в небо сигнальные ракеты. В нашем секторе было тихо.

В деревянном доме была единственная комната. Печь в центре делила ее на две половины. В комнате было четыре окна: два смотрели на улицу, два других выходили на торцевую стену. Дверь открывалась во двор. Окна были забиты досками, но в них для обзора и стрельбы были прорезаны щели. Наши предшественники покрыли пол слоем песка толщиной 15–20 сантиметров. Командный пункт был до некоторой степени защищен от бомб и артиллерии, а также мин. Если ничего особенного не произойдет, жить здесь будет довольно сносно. Но кто знает, что принесет утро?

Я вернулся в подвал и лег на нары, которые мой предшественник использовал как койку. Поскольку у меня не было точного обзора и противник был очень близко, я лег как обычно в таких случаях,

положив рядом шлем и ремень. Я больше ничего не снимал, мало ли что.

Штаб LI АК: *22.00 30 сентября 1942 г.*

По линии фронта LI армейского корпуса 30.9. продолжались сильные контратаки в секторах «Красный Октябрь» и «Баррикады». После того как эти атаки были отбиты, 100-я егерская дивизия смогла в двух местах достичь линии железной дороги в секторе «Красный Октябрь», а 24-я пехотная дивизия овладела сектором 74с в Баррикадах.

В частности:

30.9. 100-я егерская дивизия атаковала на северном фланге и в двух местах достигла линии железной дороги, преодолев упорное сопротивление противника. Из-за атаки противника на левый фланг часть территории, захваченной на северном крыле, пришлось оставить. Установлена связь с 24-й пехотной дивизией.

Получив 276-й полк, 24-я танковая дивизия в ходе атаки установила связь с 100-й егерской дивизией. В упорных боях за каждый дом с силами противника стрелковые группы захватили плацдарм к северу от оврага в секторе 74с как предпосылку для намеченного продвижения на северо-восток…

Потери на 30.9.:

100-я ег. див.: убитыми – 15 уоф. и рядовых;
ранеными – 2 оф., 68 уоф. и рядовых;
7 рядовых пропало без вести.
24-я ТД: убитыми – 5 рядовых;
ранеными – 30 рядовых.
94-я ПД: ранеными – 2 оф.
(других данных не имеется).

1 октября 1942 г.

Ночь выдалась спокойной. Если не ошибаюсь, сегодня 1 октября.

Гауптфельдфебель Михель привез в роту еду и горячий кофе. К тому времени уже рассвело, я успел умыться и побриться.

Павеллек послал наверх Вильмана, наблюдать за вражескими позициями. Поскольку донесений от командиров групп не поступало, кажется, все было в порядке.

Я пошел наверх сверить положение дел с наброском моего предшественника.

Неметц продолжал пялиться в бинокль.

– Есть что-нибудь, Неметц?

– Так точно, герр лейтенант! В бинокль видны вражеские позиции в палисадниках вон тех домов. А за домами перекрытые траншеи со входом со стороны тыла. Уже видел несколько перебегающих «Иванов», но каждый лишь ненадолго голову

показал.

Я посмотрел туда, куда показывал Неметц. Он был прав. Противник окопался напротив нас и хорошо замаскировался. В следующую ночь нашим придется сделать то же самое, если потребуется.

Мой взгляд снова обратился к Волге, где временами был слышен зенитный огонь. Были ясно видны белые облака разрывов. Наши товарищи из Люфтваффе снова были в самой гуще боя, потому что нужно было ударить еще и еще. Они спокойно и неторопливо плыли по небу. В ясном небе падающие бомбы было видно невооруженным глазом, как и раньше. В воздух взлетали обломки, поднятые взрывами. Лишь после этого доносился звук разрыва бомб. Когда видишь что-то подобное с расстояния в несколько километров, никак в этом не участвуя, ты рад, что не оказался там. На нашей стороне сады были гуще, и кусты давали защиту от наблюдателей, и было больше возможностей для маскировки. Здесь, на окраине, ярость войны не била с такой жестокостью. Деревца, кусты и трава радовали глаз.

Война, однако, не оставляла времени на бесцельное созерцание. Нужно было оставаться настороже, беспечность означала смерть или тяжелую рану. Мирная картина была обманчивой. Несколько прицельных выстрелов со стороны противника подтвердили наличие снайперов. Что могут они, можем и мы. На закате я найду подходящее место, чтобы завтра дать им свой ответ. Даже без винтовки с телескопическим прицелом я могу доказать, что за первый год службы заработал «шютценшнур» (наградной шнур на форму, давался за меткую стрельбу. – *Прим. пер.*) не просто так.

Приближался полдень. Я развернулся в сторону тыла и с осторожностью брал на заметку все важное. Я насторожил уши на вой «органа» и посмотрел в соответствующую сторону. Снаряды «сталинского органа», который русские называли «катюшей», уже шипели над головой. Я едва успел укрыться, когда они стали падать – бах, бах, бах… Разрывы тянулись без конца. Со всех сторон, то ближе, то дальше, был слышен только грохот. Тем, кто не испытал такого, действительно могло показаться, что весь мир рушится. И тут все разом затихло. Лишь истончающиеся столбы дыма показывали, где срабатывали снаряды. Хорошо, что нас предупредили. По моим оценкам, это был 24-ракетный залп. Лишь несколько ракет приземлились у нас, большинство разорвалось позади. Русские знали, где проходит передовая, и риск понести потери от своего огня был слишком велик. Попадания русских тяжелых минометов были опаснее, потому что

они были прицельными.

А сейчас – быстро перебежать улицу! Я пересек ее одним рывком и укрылся в саду. Затем я двинулся в сторону противника, где, в 50 метрах передо мной, стоял обшарпанный дом, который выглядел подходящим для снайперской позиции. Инстинкты меня не обманули: стены зияли проломами, но еще стояли. С чердака, поднятого над землей на 4–5 метров, открывался хороший обзор вражеских позиций. Было прекрасно видно, как проложены траншеи. Люк на чердак был подвешен на петлях. Кратчайшее расстояние до траншей передо мной составляло от силы 100 метров. Справа у меня был обзор на 300 метров. Вид налево загораживал люк. Здесь я завтра залягу. Я осторожно отправился обратно.

Когда я пришел на командный пункт, Павеллек протянул мне письмо от жены, адресованное в мою прежнюю часть в центральном секторе. Ну, хоть что-то. С радостью я читал строки от любимой. Полевая почта была для нас, солдат, единственным средством сохранять связь с любимыми, оставшимися дома. Она позволяла записывать все наши впечатления и чувства для наших близких.

Снаружи снова раздался грохот. Я насчитал 12 взрывов.

Неметц кратко заметил: «Это было утреннее благословение, герр лейтенант».

Появился Марек. Он вытянулся передо мной и доложил:

– Приказ командира: в 18.00 совещание на батальонном КП.

– Нет, герр лейтенант, только утренний залп вызвал небольшую панику. К этому нужно привыкнуть.

Мы оба понимающе улыбнулись. Годы, проведенные с моими товарищами, создали атмосферу, которую внешний наблюдатель или невоенный человек поймет с трудом. С одной стороны, я был выше их по чину – и это факт, но, с другой стороны, я был их боевым товарищем, который шел в бой так же, как они, потому что каждый знал: без товарищей ты ничто. Такие отношения возникали, только когда постоянно общаешься со смертью – как мы. Было ли каждому страшно – уже неважно, долг связывал нас в успехе и поражении, хотели мы того или нет.

В 18.00 я пришел на батальонный командный пункт, со мной был Вильман. Как обычно, майор Вайгерт приветствовал нас серьезно и с чувством собственного достоинства. Там были и командиры трех других рот.

– Господа, я пригласил вас, во-первых, потому, что положение на передовой это позволило, и, кроме того, я хотел бы пролить свет на ситуацию вне зоны ответственности полка. На данный момент 276-й пехотный полк отделен от частей дивизии и

подчинен 24-й танковой дивизии. Раньше она была 1-й кавалерийской дивизией из Восточной Пруссии. Мы заняли эти позиции в северной части города, примерно в 2–3 километрах от оружейного завода «Баррикады», которые должны удерживать до дальнейших распоряжений. По сравнению с предыдущими днями боев для нас это скорее период восстановления. Справа от нас – 203-й пехотный полк 76-й пехотной дивизии, слева – 544-й полк 389-й пехотной дивизии. Мы, 276-й пехотный полк, задействованы в зоне дислокации 24-й танковой дивизии. Я уже говорил, господа: позиции надо держать. Никаких разведок и патрулей, наш теперешний боевой состав этого не позволяет. В настоящее время мы не можем надеяться на пополнения; в лучшем случае нам передадут легкораненых и выздоровевших больных из тыловых госпиталей. Не могу сказать, сколько продлится это положение дел. Все зависит от продвижения атакующих дивизий. Направление действий наших бомбардировщиков показывает, что центром атаки являются заводы «Красный Октябрь» и «Баррикады», которые находятся строго на восток от нас. Если не будет неожиданностей, оперативные сводки направлять в батальон к 18.00.

Мы все были рады получить передышку. Атака всегда несет больший риск для атакующего. В обороне можно укрыться от противника. Атакующий не должен проявить признаков слабости. Это было хорошо для моих товарищей-судетцев. После ада на Царице они наконец обоснуются на этой тихой позиции.

Мы, командиры рот, обменялись впечатлениями, и командир нас отпустил. Вернувшись на свой КП, я принял рапорт гауптфельдфебеля Михеля. Роту уже покормили. На передовой было тихо. Над линией фронта – как обычно по ночам – жужжали русские «швейные машинки». Ночь была ясной, и мы надеялись, что она останется спокойной. Временами с юго-востока, от завода «Красный Октябрь», доносились звуки боя.

Штаб LI АК: *17.40 1 октября 1942 г. …24-я танковая дивизия удерживала позиции. Все атаки были отбиты. Противник перед линией фронта дивизии находится в бункерах, с танками на оборудованных позициях….*

2 октября 1942 г.

Сколько я спал? Кто-то крикнул: «Тревога!» Я вскочил. Слово «тревога» способно сразу поднять опытного солдата из самого глубокого сна. Перед командным пунктом была слышна стрельба из винтовок, потом вступил пулемет, начали рваться гранаты, следом были слышны короткие очереди русских автоматов. Часовой снаружи доложил: «В группе Диттнера стрельба, явно справа и слева русский дозор, но сейчас ничего не происходит».

Он, похоже, был прав, потому что огонь прекратился так же неожиданно, как и начался. Наступившая тишина воспринималась вдвое острее.

Взгляд на часы показал, что было уже шесть часов утра. Я пошел к Диттнеру, прихватив Вильмана. До рассвета оставалось еще добрых два часа. В темноте была нужна осторожность, потому что враг мог оставаться поблизости.

Диттнер был в ярости и ругался со своим верхнесилезским акцентом. Услышав, что произошло, я его понял.

– Черт, это стоило ему жизни. Он не хотел слушать товарища, ефрейтора Кубаллу. Они оба были в «лисьей норе», наблюдали за сектором. Кубалла заметил, что к нему что-то движется. С ним был новобранец из Судет. Когда и он заметил, что происходит, то выпрыгнул из укрытия, чтобы схватить русского, который уронил гранату прямо у него перед носом, и – все.

– Кто?

– Рядовой Кернер.

– Тело вынесли?

– Так точно, лежит там, за развалинами. За выносом тела проследит унтер-офицер медицинской службы Пауль.

– Сколько было русских?

– Четверо или пятеро, герр лейтенант. Кубалла сказал, что попал в одного, но было слишком темно, чтобы что-то разобрать.

Мне стало грустно. Неопытность стоила жизни молодому солдату. Десятью днями раньше двое поддались панике и убежали. Это не было трусостью. Этим юнцам пришлось встретиться с тем, к чему они не были готовы, было неприемлемо, что их бросили в бой всего после двух месяцев в армии. А здесь один погиб из-за неопытности, пытаясь доказать свою храбрость, оставив безопасность окопа. Каждый из «стариков», то есть каждый, у кого было достаточно фронтового опыта – и неважно, каков реальный возраст, – знал, что в таких случаях нужно дать противнику подойти и потом воевать из укрытия; в темноте – тем более. Молодым нужно обязательно об этом рассказывать.

Штаб LI АК: *06.00 2 октября 1942 г.*

Ночью 1/2.10. на линии фронта LI армейского корпуса наблюдалась лишь легкая боевая активность противника…
24-я танковая дивизия отразила отдельные дозоры…

Если я хотел выполнить свои планы насчет снайперской засады, мне нужно было поторопиться. Чтобы противник не заметил, позицию нужно было занять до рассвета. Павеллек и оба связных были предупреждены, что меня нельзя беспокоить, если только не случится что-то из ряда вон выходящее. Я вышел, неся бинокль, винтовку и патроны, а также две гранаты-яйца, и вскоре

уже обустраивался на своем наблюдательном пункте.

Расположившись в темноте в трех метрах от двери на чердак, я начал наблюдение. Для большей точности я приготовил упор для винтовки. Если я увижу сто́ящую цель, первый выстрел попадет в цель.

Одна из самых неуютных вещей для солдата – крик «Берегись – снайпер!». Один выстрел, одна цель падает, и никто ничего не понимает. Откуда был сделан выстрел? После этого испуган каждый солдат по обе стороны передовой.

Имея достаточно времени, я спокойно осматривал местность. Бинокль подолгу останавливался на местах, где я замечал самое оживленное движение. Я уже заметил отдельные посты в траншее по ту сторону улицы. Прямо перед моим наблюдательным пунктом, в 200 метрах, то есть в 100 метрах за русскими позициями, находился вражеский командный пункт.

Я мог видеть 10 метров траншеи, которая вела к блиндажу. Русские входили и выходили через неравные промежутки времени. Позиция располагалась в саду и была хорошо замаскирована. Это будет целью номер один. Дистанция до нее – 200 метров.

В качестве второй цели я выбрал пулеметное гнездо в 100 метрах, напротив группы Диттнера. Дальше вправо – в 300–500 метрах, – должно быть, находился колодец. Основное движение происходило там. Это был сектор моего соседа справа, и я назначил его на роль цели номер 3.

С винтовкой 98к, которая меня никогда не подводила, я потренировался в прицеливании и после нескольких проб остался доволен своим самодельным упором. Выставив прицел на дистанцию стрельбы, можно было начинать.

Какое-то время наблюдая местность, противник чувствовал себя в безопасности, потому что солдаты двигались в темпе, который мы называли «трусцой 08.15». Будет не очень трудно попасть в цель с первого выстрела, на десятиметровом участке было видно все тело каждого.

Вот один! Нет, он слишком быстро пробежал всю зону. Но ему придется идти обратно. Я был полностью сосредоточен. Прошло 10 минут или 20? Я не знаю. С командного пункта он бежал медленнее. Нажатие на спусковой крючок, палец медленно пошел назад, выстрел попал в цель, готов…

Цель номер 2: я установил прицел на 100 метров. Наблюдательный пункт пулеметной точки был хорошо замаскирован. Лишь долгое время наблюдая место в бинокль, я заметил слабое шевеление. Я тщательно заметил место и посмотрел невооруженным глазом. Мне было видно. Я снова

приложился; с оптическим прицелом было бы легче. Над головой я слышал вой «штукас» (бомбардировщики «Юнкерс» Ju-87. – *Прим. ред.*), идущих на «Баррикады» и «Красный Октябрь», освобождая разрушительную силу своих бомб. Все это, вместе с шумом боя вблизи и вдали, не могло меня отвлечь. Для меня оставалась только задача вывести цель из строя одним выстрелом. Даже ежедневный «послеобеденный привет» рвущихся в нашем секторе снарядов «сталинских органов» не мог меня отвлечь от выполнения задачи. Глубокий вдох, наложение пальца на спусковой крючок, спокойный выдох, задержка дыхания и мягкое нажатие указательного пальца. Я посмотрел в бинокль: цель исчезла. Несмотря на шум боя снаружи, я был уверен, что попал.

Глоток из фляжки освежил меня, и, хотя уже было 2 октября, внутри было тепло. Погода снова была к нам добра.

Для разнообразия я посмотрел в бинокль в сторону двух заводов. Клубы темного дыма поднимались в небо. При таких налетах только какая-то чертовщина может не дать нам взять город, носящий имя самого красного диктатора. Одно можно признать за нашим противником: он чертовски упорен, иначе наши части давно зачистили два-три оставшихся кармана, которые удерживаются в северной части города. Не мое дело беспокоиться об этом. Мы получали приказ и должны были его выполнять ради нашей родины.

Часы показали, что пора возвращаться на командный пункт. До того как уйти, я хотел отметиться на цели номер 3. Было ясно, что цели на дистанции 300–500 метров поразить трудно, – но я попытаюсь. Колодец, замеченный в секторе правого соседа, явно не был оттуда виден, иначе русские не ходили бы так беспечно. Подожди-ка – вон идут два человека. Они несут по два ведра и идут к колодцу. Теперь они стояли на месте, наполняя ведра. Это была хорошая возможность для третьего выстрела. Прицел выставлен на триста метров, мушка подведена под середину мишени, палец на спусковом крючке, тихо нажимаю. Оба русских в ужасе бросились на землю, затем одним броском перебрались в укрытие, бросив ведра. Я промахнулся. Ну, я не всегда валю их с первой пули! Однако я понимал, что мне везло, и не стоило упускать из виду оружие противника. Я осторожно покинул свою высотную позицию и понял, что желудок ворчит: я хотел есть. Когда я пришел на командный пункт, Павеллеку нечего было мне доложить. Он спросил о результатах утренней работы. Я попытался объяснить ему и другим товарищам, показывая с командного пункта. Удивительно, насколько иначе выглядели отсюда вражеские позиции! Взяв в руки набросок, сделанный

мной на чердаке, мы сравнили его с вражескими позициями, насколько это можно было оттуда сделать.

– Юшко, срисуй его для каждого командира группы, чтобы они могли сравнить его со своими наблюдениями.

– Так точно, герр лейтенант!

– Есть у тебя что-нибудь поесть? Я голоден как волк.

Скоро я с облегчением жевал, полностью удовлетворенный сделанным за день. Позже, когда стало смеркаться, я пошел на командный пункт батальона. Набросок я взял с собой. Неметц шел следом. Я доложил командиру батальона, майор Вайгерту, который пожал мне руку. В комнате был и мой друг Йохен.

– Ну, дорогой Холль, как дела, что у вас есть сообщить с фронта?

Я сразу же доложил герру майору об обнаруженной рано утром русской разведке.

Командир кивнул.

– Смерть молодого солдата Кёрнера можно объяснить неопытностью. Его друг ефрейтор Кубалла не думал, что Кёрнер покинет окоп. К тому времени, как он это заметил, было уже поздно. Герр майор, нам отчаянно нужны пополнения, но не юнцы вроде этого, которые противника и в глаза не видели.

Майор Вайгерт серьезно взглянул на меня.

– Мы говорили. К сожалению, мы с этим не можем сделать ничего, кроме как слать сообщения в полк. Остается только радоваться, что сейчас нам нужно только удерживать позицию.

– Герр майор, я тоже не знаю, как мы можем атаковать с такими силами. Пока мы остаемся на позициях, разрывы ракет сравнительно безопасны.

С помощью своего наброска я доложил о своих наблюдениях и снайперских успехах. Он внимательно слушал. Когда я сказал, что собираюсь на следующий день повторить то, что сделал, он предупредил меня об осторожности. По зрелом размышлении, я решил, что его беспокойство обо мне не оправдано. Я не собирался играть со смертью. Мой девиз – человек предполагает, а бог располагает. Тем не менее стоило быть осторожным.

Мой друг Шюллер, насколько смог, обрисовал общую ситуацию. И с севера, и с юга другие части армии наращивали давление на окруженного противника. Прижав их к крупным заводам и окружающим районам вдоль Волги, они теперь пытались уничтожать очаги сопротивления. Однако сопротивление было столь упорным, что наши товарищи продвигались с трудом.

Я мог себе представить, что там происходило, когда практически весь арсенал тяжелого оружия с обеих сторон был в

последние дни сосредоточен в этом районе – и не зря. Кроме того, наши бомбардировщики совершали налеты каждый день.

Я ушел от командира и его адъютанта и вернулся с Неметцем на свой командный пункт. В моем секторе было тихо.

10 октября 1942 г.

Мы занимаем позицию уже 10 дней. Можно было представить, что ад в центре северной части города, в 3–6 километрах отсюда, нас не касается. Вспоминая последнюю неделю, я был вынужден признать, что в нашем секторе мало что происходило. Залпы «сталинских органов» утром и после обеда, на 12 или 24 снаряда, стали уже привычными. В ответ на вражеский командный пункт, замеченный мной из укрытия на чердаке, был сделан огневой налет – бабах! Лейтенант Вайзе, командир взвода тяжелых орудий, прислал мне наблюдателя. Я ввел его в курс дела. Вайзе не хотел класть свои «15-сантиметровые чемоданы» – как мы называли 15-см снаряды – так близко к передовой. Он считал, что риск слишком велик, но я убедил его, что это оправдается. Перед тем как он отдал приказ открыть огонь, мы проинформировали солдат. По громовому звуку приближающихся тяжелых снарядов они укрылись по «лисьим норам». Когда знаешь, что летит снаряд, его полет видно невооруженными глазом. Вскоре после того, как лейтенант Вайзе по телефону передал команду на позиции, стали слышны звуки выстрелов, за которыми следовал рев снарядов. На долю секунды их было видно, а затем был слышен «бумммм» – звук разрыва. В этот момент осколки, обломки дерева и щебень дождем сыпались на местность и на наши позиции. Нас удовлетворил результат, и, после дальнейшей проверки целей, мы повторили операцию дважды. Вайзе был убежден, что такие упражнения можно делать, только когда люди предупреждены.

Пробираясь ко мне с командного пункта, батальонный связной Марек получил по шлему обломком дерева. Шлем получил небольшую вмятину, но Марек, слава богу, остался цел. Дозоры на передовой были настороже. Из-за нашей малочисленности мы не могли выслать разведку.

Погода все еще была солнечной и ясной. 8 октября поднялся ветер, но уже на следующий день снова было солнечно и ясно. Противник был виден исключительно мельком, насколько его вообще можно было увидеть днем. Они заметили, что мы тоже можем снимать их по одному. Как я уже говорил, снайперов боялись по обе стороны фронта.

Когда время позволяло, я навещал свое укрытие на чердаке.

11 октября 1942 г.

11 октября слева от нас раздался звук тяжелого боя. Мы сразу

же его заметили, потому что в обычное время грохот боя был еле слышен спереди и справа, то есть с востока и юга.

Позавчера у нас объявился «невольный дезертир». 40-летний русский солдат заблудился в темноте и свалился к нам с противотанковым ружьем. К несчастью, при нем было лишь пять патронов. Оружие и патроны я забрал себе. Пленный был отведен в штаб батальона.

В тот же день левый сосед отразил местную атаку русских.

Вчера утром шел дождь. Это был первый дождь, который я здесь видел. После обеда как ни в чем не бывало светило солнце. Я получил два письма из дома от жены, написанных 15 сентября. Снова заработала прямая почтовая связь.

14 октября 1942 г.

Солнце уже было высоко в небе. Я был на наблюдательном пункте над КП, где все чаще проводил время. Я предпочитал выглядывать в правое окно. Это было лучшим местом, откуда было видно основное поле боя. Удары «штукас» начинались рано утром. Вылеты шли волна за волной. Белые облачка, пляшущие вокруг атакующих машин, показывали, что зенитные пушки на другом берегу Волги не спали. Я был так поглощен наблюдением, что не обратил внимание на залпы противника в нашу сторону от хлебозавода. Когда Павеллек и Вильман крикнули мне: «Внимание, герр лейтенант! Органы!» – было уже поздно. Я слышал рев ракет, и сразу же – треск, осколки кирпичей из печной трубы барабанили мне по шлему. Куски печного кирпича ударили мне в плечо, руку и ногу, бросив меня на пол. Глухая тишина. Я ослеп от дыма и пыли. Когда я поднялся, то понял, что пострадал не сильно. Поднялась крышка люка, ведущего в командный пункт. Я слышал, как мой компанитруппфюрер восклицает в полном ошеломлении: «Мать господня, вот повезло! С вами все в порядке, герр лейтенант?» Он подошел ко мне и внимательно меня оглядел: «Герр лейтенант, не носи вы «тазика», вас бы уже не было».

Я только кивнул и осмотрел себя. Левое плечо болит, разбиты два пальца на левой руке, и распухает большой палец на правой ноге. Мой стальной шлем, который солдаты звали «тазик» или «дурацкий колпак», снова показал себя с лучшей стороны.

Что вызвало весь это хаос и неразбериху? Я обошел печь и вышел в более просторную часть комнаты. Дым постепенно улегся. Передо мной из песка, покрывающего крышу погреба, торчал примерно 40-см остаток ракеты. Она влетела прямо через переднее окно и, ударившись об пол, взорвалась. Сила взрыва разнесла левый передний угол, теперь оттуда открывался вид наружу. Если бы между мной и взрывом не было печи… выжил бы

я под потоком осколков тонкостенного снаряда?

Павеллек и Вильман мгновенно укрылись в погребе; люк захлопнуло воздушной волной, и они оба сорвались с лестницы. Я мог только согласиться с Юшко – нам снова невообразимо повезло.

– Юшко, продолжай наблюдение, я схожу к медику.

Наш медик, унтер-офицер Пауль, перевязал мне пальцы. Йод щипал, но заработать воспаление – гораздо хуже. Плечо болело, но им можно было двигать. Большой палец распух и посинел. Я был рад, что легко отделался. Пауль протянул мне кружку с дозой шнапса:

– Вот, герр лейтенант, выпейте. Будет легче.

Хотя обычно я не люблю этот горючий напиток, я выпил его и передернулся.

– Спасибо, Пауль, так лучше.

– Герр лейтенант, не показаться ли вам батальонному врачу?

– Нет, Пауль, не нужно. Пара царапин заживет быстро.

Чтобы отвлечься, я сел и написал ответ жене и рассказал, как у меня дела. Естественно, я составил его в таких выражениях, чтобы не беспокоить ни ее, ни семью.

Под самый вечер приехал гауптфельдфебель и поздравил меня с таким везением. Михель также забрал суточную сводку в батальон. Павеллек доложил, что в группах все в порядке. Вечером я остался на командном пункте и постарался лечь пораньше. Ждать у моря погоды не было никакого желания.

15 октября 1942 г.

– Проснитесь, герр лейтенант! – будил меня Павеллек.

Я мгновенно поднялся.

– В чем дело, Юшко?

– Иван послал разведгруппу на наш правый фланг. Сейчас все снова в порядке. Унтер-офицер Роттер взял русского пленного. Он снаружи. Я уже его допросил. «Иван» сказал, что он был с сержантом и шестью солдатами. Один был ранен. Все убежали, кроме пленного. Их заданием было украсть одного из нас.

– Приведи его.

Павеллек привел русского. Это был молодой человек, который безбоязненно глазел на меня. На гимнастерке у него был знак. Я спросил его, за что он. Он ответил, что он комсомолец. Я оказался в странном положении: этот солдат принадлежал к молодежной организации «красного царя». А я добрых пять лет провел в «Гитлерюгенд».

– Юшко, отведи его на командный пункт батальона.

– Так точно, герр лейтенант, на командный пункт батальона.

О сне не могло быть и речи. Так что я побрился и умылся. Кто

знает, когда получится сделать это в следующий раз.

По часам выходило, что до рассвета еще три часа. До того еще может что-нибудь случиться, но вряд ли – мы предупреждены разведгруппой, и «Иван» об этом знает.

Я написал, что сегодня 15-е или 16-е? Должно быть 15 октября. Стоя на посту каждый день, почти теряешь чувство времени, и приходится проверять, какое сегодня число и то, понедельник сегодня или вторник. Для тех, кто находится на передовой, однако, важнее выполнить задание; знать, какое сегодня число, для этого не нужно.

17 октября 1942 г.

Кажется, что-то будет. Вчера и позавчера – то есть 15 и 16 октября – Люфтваффе видели здесь оживленное движение. Погода благоприятствует, солнце светит весь день. Командование армии просто должно было это использовать.

Мне приказали прийти в 17.00 на командный пункт батальона.

Дни становятся короче. Утром светает в 9.00 и темнеет в 16.00.

Сразу же после пяти я доложил о приходе командиру, майору Вайгерту. Со мной был связной, Неметц. Приветствие «папы Вайгерта» было как обычно теплым, искренним и полным достоинства. Поскольку мы несколько дней не виделись, он поздравил меня с моим солдатским везением. Сказал об этом пару слов и мой друг Иоахим. Командиры других рот пришли столь же пунктуально.

Командир сразу перешел к делу:

– Господа, наша сдерживающая роль уже завтра подходит к концу. Мы переходим в наступление! Посмотрите на карту: карман в северной части города выпирает в нашу сторону. На обоих крупных заводах, «Красный Октябрь» и «Баррикады», расстояние от дерущихся там наших товарищей до Волги все еще составляет около 1000 метров. Здесь, на северо-западе, до Волги еще добрых три километра. 24-я танковая дивизия смогла вбить клин в противника с юга на север. Противник в нашем секторе теперь окружен, тылом на хлебозавод. Этот котел завтра будет уничтожен. 24-я танковая дивизия, которой мы теперь подчинены, поддержит нас пятью танками. Их командир в курсе нашей малочисленности, поэтому нам дают пять танков. Справа от нас – III батальон гауптмана Риттнера, слева – 544-й пехотный полк 389-й пехотной дивизии. На рассвете танки выедут из сектора третьего батальона по улице, которая сейчас является нашей передовой. Им поставлена задача уничтожить здешние гнезда сопротивления. Когда танки пройдут мимо нас и дальше через

улицу, они войдут в систему траншей противника. Затем они зачистят котел – с юга – в общем направлении на север. Наше тяжелое вооружение остается на старых позициях, потому что оттуда они могут достать все точки в расположении котла. Мы должны выполнить поставленную на завтра задачу, чтобы высвободить связанные здесь войска для решения других задач. Батальоны будут развернуты там, где сейчас, потому что солдаты знают территорию перед своими командными пунктами и ячейками. Есть вопросы? Если нет, то позвольте угостить вас настоящим французским коньяком, который мне прислал оберцальмейстер (начальник финансовой службы. – *Прим. пер.*) Кнопп. Ну, за завтрашний успех!

Расходясь, мы пожали друг другу руки и пожелали всего наилучшего. Никто не знал, не окажется ли это рукопожатие последним. Такова солдатская судьба. Сразу же после возвращения я вызвал командиров групп. Когда появился последний, я известил их о назначенном на завтра наступлении.

– Наступать строго от укрытия к укрытию. Самое главное, доведите до молодых «кузнечиков», что нужно держать дистанцию с танками. Нам придется драться за каждую вражескую цель. Нужно держать танками свободный тыл, точно так, как мы делали с двумя «штурмгешютце» на Царице. К концу завтрашнего дня задача должна быть полностью выполнена. Я снова пойду в центре с группой управления, так что мы будем друг с другом в контакте, насколько возможно. У каждой группы хватает боеприпасов? Еще одно: сбор раненых на этом командном пункте, то же самое – если понадобится восполнить запас патронов. Есть вопросы? Тогда спокойной ночи, товарищи, и удачи нам в завтрашнем деле!

– Спокойной ночи, герр лейтенант!

Оба украинца оставались при моей роте и были явно счастливы быть с нами. Они доказывали свою пользу, оказывая множество полезных услуг. Нам повезло, что командир группы управления мог общаться с ними на своем ломаном польском. В последние несколько ночей мы – с их помощью – убеждали своих противников сдаться. Результат был – полный ноль. Это было объяснимо, потому что, как наш батальон узнал в последние несколько недель, Сталин прислал сюда элитные части, например, курсантов училища морской пехоты в Астрахани. Завтра мы можем встретиться с ними.

Я послал за нашим особым оружием (связки гранат, русское противотанковое ружье, легкий миномет и русские автоматы), чтобы на следующий день им пользовалась группа управления. В этом смысле группа управления составляла отдельную боевую

группу. Они должны были стать «в каждой бочке затычкой». Оба украинца, Петр и Павел, были приставлены носить оружие и боеприпасы. Если нужно, они должны были отнести раненых на сборный пункт.

Унтер-офицер Пауль с медиком останутся на командном пункте на все время операции.

Я снова поднялся на наблюдательный пункт. С него открылась та же картина, что и в предыдущие дни; ничто не говорило о том, что противник может предвидеть запланированное нами на завтра.

Штаб LI АК: *17.30 17 октября 1942 г. 24-я танковая дивизия, поддержанная усиленным 108-м панцергренадерским полком, в 09.00 достигла поворота железнодорожной линии у 73c и к 13.00 вошла в контакт с танками 14-й танковой дивизии у 73d1. Противник в районе 73a и b был уничтожен в ходе тяжелых боев за каждый блиндаж…*

18 октября 1942 г.

***Штаб LI АК** : 05.40 18 октября 1942 г.*

Ночью 17/18.10. вдоль линии фронта LI армейского корпуса противником велись беспокоящий огонь артиллерии и воздушные налеты, особенно в районе к западу от оружейного завода и вокруг тракторного завода…

Я встал рано. Не спалось. Ответственность и неопределенность в вопросе, кто победит, заставляли нервничать. Время часами стояло на месте.

Я еще раз проверил, все ли готово. Не забыл ли я чего-нибудь? Не проглядел ли я чего-то?

Чтобы убить время, я особенно тщательно побрился, хорошо позавтракал – учитывая обстоятельства – и стал ждать, когда рассветет.

Кажется, началось. Справа раздались звуки боя. Хлопок танковой пушки, пулеметные очереди, ружейный огонь в промежутках между ними. Мы наблюдали со своего наблюдательного пункта. Звуки разрывов танковых снарядов приближались; разведанные цели на другой стороне улицы поражались прицельным огнем. Отдельные русские солдаты пытались укрыться за ними. Наши солдаты открыли по ним огонь.

Показался первый танк. Третий батальон уже был на другой стороне улицы, вломившись во вражеские траншеи. Оборонительный огонь противника усилился. Подключились наши пушки и тяжелые минометы. Два танка проехали по улице через наш сектор, направляясь дальше на север. Остальные три повернули на восток и внутрь котла. Мой правый фланг перешел

улицу. Настал наш черед. Перешла группа Диттнера, за ней и я с группой управления. Сначала мы пытались продвигаться в лоб, то есть в сторону Волги. После первой сотни метров – сопротивления почти не было – мы внезапно вышли на заградительный огонь. Мы оказались под огнем пулеметов, бьющих с удаленной позиции, под минами минометов и прицельным огнем винтовок. Наши танки хорошо воевали, но не могли справиться со всем в одиночку; окончательная зачистка оставалась нам, пехоте. Справа от нас была глухая задняя дверь длинного прямоугольного здания. Наше продвижение сдерживал фланкирующий пулемет с той стороны. Мы укрылись в ходе сообщения. Юшко крикнул мне:

– Герр лейтенант, там, в стене, дыра. Огонь идет оттуда!

Я посмотрел в бинокль в том направлении, увидел дыру и, кажется, какое-то движение внутри.

– Неметц, противотанковое ружье!

После короткой задержки я установил ружье и стал ждать. Когда в дыре показалось пламя выстрела, я выстрелил. Пулемет затих. С нами поравнялись товарищи справа. Упорное сопротивление принесло первые потери. Мы пробивались вперед, поддерживая друг друга огнем, вычищая гнездо за гнездом. Это тоже добавило нам потерь. Оба украинца оказывали чудесную помощь в качестве команды носилок. Противник защищался до последнего, никто не сдавался.

Прямо перед нами оказалась землянка, явный командный пункт. Мы подобрались ближе. Полетели гранаты. Вильман получил несколько осколков, но смог дойти до пункта первой помощи.

Юшко крикнул:

– Герр лейтенант, там комиссар!

– Крикни ему, чтобы он сдавался!

Когда Павеллек крикнул ему, он залег и открыл огонь из автомата. Мы ответили. Диттнер, будучи слева, решил дело. Одним броском он оказался в 10 метрах от русского. Комиссар, поняв, что выхода нет, вытащил свой «наган» и застрелился. Мы продвигались дальше. Шум боя слышался справа, слева и отовсюду. В этом небольшом котле, занимающем около двух квадратных километров, ты с трудом понимал, кто в кого стреляет. Русские с более возвышенных позиций, конечно, давно поняли, что здесь происходит. Артиллерия противника открыла в секторе заградительный огонь. «Сталинские органы» отправили свои залпы в котел, не заботясь о товарищах, которые еще воевали в нем.

Мои верхнесилезцы взбесились. Чем выше были потери, тем

более упорно они бились, таща за собой молодых. Котел медленно уменьшался, чувствовалась абсолютная воля бойцов достичь поставленной цели.

Мы пробивались вперед, когда Юшко крикнул мне:

– Внимание, герр лейтенант, «органы»!

Мои товарищи мгновенно исчезли. Каждый бросился к ближайшему окопу или воронке. Одним броском я приземлился в одиночном окопе ровно в тот момент, когда снаряды стали рваться вокруг меня. Взрывная волна, пришедшая в лицо слева, на секунду оглушила меня. «Печные трубы» приземлились как раз на краю окопа. Осколки, а также давление взрыва было направлено вверх. Часть этой могучей силы, однако, пошла вниз. Ни одна из ракет меня не задела – иначе мне настал бы конец. В голове гудело, я чувствовал себя так, словно получил молотом по голове. Посмотрев на товарищей, я увидел, что их губы шевелятся, но я их не слышал. Неужели я оглох? Только бы прекратился рев в ушах. Это было похоже на паровой клапан, непрерывно выпускающий пар. Я ничего не слышал. Но я мог говорить, и я сказал своему компанитруппфюреру, что теперь он заменяет меня. Потеряв слух, я был теперь бесполезен.

Я пошел в батальон – через свой старый командный пункт – доложить командиру. Унтер-офицер Пауль и его медики были по горло заняты работой. Несколько наших, из тех, кто не успел получить помощь, пошли со мной. Рядом падающие снаряды несколько раз заставляли нас залечь.

Штаб LI АК: *17.55 18 октября 1942 г. Сегодня противник возобновил сопротивление в районах, захваченных 16 и 17.10… Зачистка оврага 73b3 еще не закончена… 18.10. артиллерия противника усилила огонь на северном крыле 100-й егерской дивизии и перед 14-й танковой дивизией…*

Когда я прибыл в батальон, то от Шюллера узнал, что по настойчивой просьбе батальонного врача майор доктор Вайгерт был вынужден покинуть батальон. У него – как и у его предшественника, майора доктора Циммермана, – неожиданно открылась желтуха. Черт!

Теперь батальоном командовал адъютант. Моей ротой, или, точнее, жалкими ее остатками, командовал командир группы управления.

Мы общались друг с другом в довольно странной манере. Йохен писал на листке из блокнота ответы на мои вопросы. Когда у него были вопросы, он писал их, а я на них отвечал.

До конца дня оставался час. Хорошо бы к тому времени закончить ликвидацию котла. Каков же теперь наш боевой состав? Суточная сводка скажет нам об этом.

Я сказал Йохену, что переночую в обозе и пусть гауптфельдфебель заберет меня, когда закончит с раздачей пищи. До тех пор я полежу и попробую поспать.

Я проснулся оттого, что меня трясли за плечо. Это был Йохен. Рядом с ним стоял мой гауптфельдфебель.

Сначала я вспоминал, где я, затем все стало ясно. Свист в ушах говорил, что это был не сон. Я проспал четыре часа и выпал из реальности. Теперь она вернулась, жесткая и безжалостная.

На мой вопрос, как на фронте, Йохен написал: «Котел ликвидирован, в 5, 6 и 7-й ротах, вместе взятых, боевой состав 23 человека. Семеро из них – из 7-й роты. В стрелковых ротах III батальона всего 21 человек. В нашем батальоне 8 убитых, 14 тяжелораненых, остальные ранены средне и легко. Лейтенант Вайнгертнер и лейтенант Фукс ранены».

Я был ошеломлен и не мог вымолвить ни слова. Что осталось от нашего полка? Где пополнения? Если придут неопытные и необстрелянные солдаты, что толку от штаба и частей снабжения, а также от частей с тяжелым вооружением? Мы, пехота, входим в тесный контакт с противником. Тяжелые потери дня лишний раз это доказали.

Йохен писал дальше: «Приказ командира полка. Ты вызываешься к нему в 10.00 с рапортом».

Я кивнул, пожал другу руку и пошел за гауптфельдфебелем. Добравшись до обоза, я поел и дальше хотел только одного – спать, спать…

Штаб LI АК: *22.40 18 октября 1942 г.*

LI АК с частями 24-й танковой дивизии выполнил задачу по очистке местности… В овраге 73b1—3 противник – сжатый на незначительной площади – продолжает удерживать позиции.

Трофеев и пленных на 18.10.:

537 пленных, включая 10 дезертиров, 19 пулеметов, 2 противотанковые пушки, 32 противотанковых ружья, 2 миномета, 10 автоматов.

19 октября 1942 г.

Я проснулся в 07.00. Снаружи было еще темно. На полевой кухне еще шла раздача. Как всегда, солдаты на передовой уже получили еду. Я взял кружку горячего кофе. Господи, как хорошо!

Повара разговаривали между собой. Я радостно отметил, что могу слышать правым ухом. Звуки еще доносились как будто издали, но я уже мог их слышать. С левым ухом все оставалось без изменений, но я был уверен, что со временем слух вернется и к нему. В любом случае я был в этом уверен.

Гауптфельдфебель рассказал мне, кто остался на фронте: Диттнер, Павеллек, Неметц и три старых солдата из роты, а также

один из нового пополнения. Кроме того, санитатс-унтерофицер Пауль и украинец Павел. Я спросил о втором «хиви», Петре. Михель сказал:

– Он был убит по дороге с перевязочного пункта к роте. Павел был так разъярен, что вступил в бой с винтовкой в руках.

Подумав о павших друзьях, я понял, что он чувствовал.

Наш ротный брадобрей Грюнд подстриг и побрил меня. Он также должен был проводить меня на полковой командный пункт. В 10.00 я доложил о прибытии командиру, оберстлейтенанту Мюллеру. Я впервые его видел: он был строен и чуть выше меня. Лицо его было покрыто морщинами. Ему было на вид лет 40. Он серьезно приветствовал меня. Его адъютант, мой друг Руди Крелль, не присутствовал.

– А теперь, мой дорогой Холль, расскажите мне о вчерашнем дне. Крелль уже кое-что о вас рассказал. За последние недели, замещая оберста Гроссе, я кое-что повидал. Вам неоднократно везет. Ничто не действует без удачи.

– Так точно, герр оберстлейтенант, ничто не действует без удачи.

Он внимательно выслушал мой доклад. Я открыто сказал ему, что боевой состав после вчерашнего боя практически равен нулю и ротам срочно нужно пополнение.

– Вы правы, Холль. Я послал адъютанта в дивизию. Крелль лично изложит генералу Пфайферу ситуацию в полку, чтобы нас вывели из подчинения 24-й танковой дивизии и вернули в 94-ю дивизию. Для боевой готовности нам нужно пополнение и отдых. Я сейчас тоже нехорошо себя чувствую, обострился ревматизм.

В блиндаж вошел связной:

– Герр оберстлейтенант, обер-лейтенант из штаба 24-й танковой дивизии хочет с вами поговорить.

– Проводи его.

Вошел обер-лейтенант в форме танкиста, отдал честь и подошел к командиру:

– Обер-лейтенант Еско фон Путткамер, О2 (офицер связи. – *Прим. пер.*) 24-й танковой дивизии.

Мой командир представил нас.

– Что привело вас ко мне, герр фон Путткамер?

– Герр оберстлейтенант, поскольку котел у хлебозавода ликвидирован, ваш полк занимает новый сектор. Генерал фон Ленски хотел бы знать, когда ваш полк будет готов выступить.

Я не мог поверить своим ушам. Он сошел с ума или в дивизии не знали, что происходит?

Командир посмотрел на меня, затем обратился к Путткамеру:

– Лейтенант Холль – один из последних уцелевших ротных

командиров. Он вчера принимал участие в боях и наполовину оглох. Послушайте, что он вам расскажет, и передайте своему командиру.

Он обернулся ко мне:

– Давайте.

Я повторил свой доклад и указал количество боеготовых солдат (два батальона с 44 пехотинцами). При этом мои мысли были об убитых и раненых. Я закончил со слезами гнева: «И эта горстка тоже должна стать пушечным мясом?»

Фон Путкамер внимательно слушал меня, лицо его было непроницаемо. Затем он сказал: «Да, вижу, здесь ничего не поделать. Я доложу командиру». Он отдал честь и вышел.
Оберстлейтенант Мюллер отпустил меня, пожелав скорейшего выздоровления. Полный горечи, я шел со связным Грюндом обратно в обоз. Так обычно и бывает, когда тебя «одолжат» другой части. Тебя используют до последнего солдата, потом – когда ты послужил своей цели – тебя просто бросают.

Глава 3 Наш полк возвращаетсяв 94-ю пехотную дивизию Действия у рынка и Спартаковки

19 октября 1942 г.

Приехав в расположение обоза, мой гауптфельдфебель сказал, что жалкие остатки нашего батальона все еще в «Баррикадах». Поскольку слух ко мне возвращался все больше, я решил на следующее утро, 20 октября, отправиться на фронт в роту. Если со временем мы получим обратно несколько легкораненых, будет разумнее составить изо всех остатков одну часть. Вечером я написал письмо своим любимым. Кроме того, я провел операцию по «полной очистке тела» со сменой белья, ведь никто не знал, когда еще подвернется такая возможность.

20 октября 1942 г.

Святой Петр был к нам добр, день снова был солнечным и ясным. После доброго завтрака я направился в батальон. До него было три километра. Я чувствовал себя в безопасности – до фронта было четыре-пять километров. Я с интересом смотрел на наши самолеты, плывущие над головой в сторону Сталинграда и – как и все эти недели – вываливающие свои бомбы на город. Для них погода тоже была идеальна. Когда, наконец, падет этот проклятый город! Нигде еще не было сопротивление противника столь упорным и яростным, как здесь. Я подумал об Артемовске или Кагановиче в районе Донца, или о Ворошиловграде позже: бои тоже были тяжелыми и все же не столь ожесточенными, как здесь. Я был уверен, что причиной тому было то, что город носит имя Сталина. Престиж «красного диктатора» мог упасть, если бы Сталинград пал. А он падет. Я был уверен в этом.

Я был уже на полпути. Со мной были три товарища из батальонного штаба. Вдруг – посреди ясного неба – раздался острый свист – и затем визг шрапнели. Мы бросились на землю. Все повторилось еще четыре раза. Некоторое время мы лежали неподвижно, обнимая землю, на случай повторения сюрприза. Затем как можно быстрее мы рванулись к балке, которая давала возможность скрыться с глаз. Слава богу, это утреннее приветствие не нанесло большого ущерба. Мы переглянулись.

«Герр лейтенант, а что у вас с правой рукой?» Один из моих товарищей показал на дырки в правом рукаве кителя. Я снял его и увидел, что два маленьких осколка вошли мне в руку повыше локтя. Во время огневого налета, бросившись на землю, я ничего

не почувствовал. Мной займется батальонный врач, доктор Щепански. Рукой можно было двигать. Штабсарцт (капитан медицинской службы. – *Прим. пер.*) доктор Щепански уже однажды спас мне жизнь, когда 19 апреля мне прострелили легкое. Он быстро появился рядом и применил все свои умения. Эта легкая рана будет для него детской забавой.

Никто из нас не мог сказать, откуда прилетели снаряды, вероятно, с другого берега Волги.

Мы продолжали идти на командный пункт полка, и больше снаряды рядом с нами не падали. Придя на КП, мы узнали последние новости: вернулся из отпуска командир полка, оберст Гроссе. Оберстлейтенанта Мюллера с адъютантом Креллем переводят в 267-й гренадерский полк. Майора Вайгерта заменяют из-за желтухи; его сменит гауптман Израэль, командовавший до того 13-й ротой. Вместе с оберстом Гроссе в полк возвращаются лейтенант Вайнгертен и лейтенант Аугст и еще несколько выздоровевших. Обер-лейтенанта Полита из штаба полка – он командовал взводом связи – погребло заживо прямым попаданием бомбы. Все это произошло ночью, никто этого не заметил, и помощь пришла слишком поздно. Всегда приходилось учитывать подобные случайности.

Доктор Щепански, которого я разыскал, обработал мне руку и подтвердил, что с ней не случилось ничего серьезного.

После обеда прошел первый дождь за несколько недель; надеюсь, это ненадолго.

Тем временем пришел приказ перебросить наш батальон в район, лежащий примерно в восьми километрах на северо-запад от Баррикад. Там мы примем пополнения.

21 октября 1942 г.

Утром мы выступили в боевом порядке в новый район. Было еще темно. Нам нужно было до рассвета выйти из поля зрения артиллерийских наблюдателей противника. Иначе будет вероятен огневой налет.

Чем дальше мы уходили от основного места боев в центре города, тем легче мне было. Город походил на прожорливого гиганта Молоха. Через несколько недель непрерывных уличных боев оба батальона сточились до горстки людей. В других стрелковых частях положение было не лучше.

Когда рассвело, мы узнали деревню слева от нас; это было Городище. Наш маршрут дальше лежал на север. Батальон сделал привал у Орловки. Здесь я получил приказ от лейтенанта Шюллера явиться в обоз и доложить командиру полка, оберсту Гроссе. Меня подвез на мотоцикле батальонный делегат связи. Скорее всего, нам должны сказать, что на днях мы встаем на

зимние квартиры на северной блокирующей позиции. Долгожданная передышка. Когда солдат на боевых, никто не знает, какое новое назначение придет в следующий момент.

Командир полка двигался с обозом. Там же оказалось около сорока человек, вернувшихся из госпиталей вместе с лейтенантами Аугстом и Вайнгертнером.

Я доложил о прибытии оберсту Гроссе со словами: «Лейтенант Холль по вашему приказанию прибыл!»

Командир поблагодарил меня и сказал с улыбкой:

– Много же вам потребовалось времени, чтобы вернуться в мой полк.

– Так точно, герр оберст! Ровно шесть месяцев, включая обход по 134-й дивизии.

– Я уже слышал об этом, а также о том, какие тяжелые бои полк вел во время моего отсутствия. Потери были особенно тяжелыми. Теперь мы должны дождаться пополнений. До особого распоряжения мы назначены в резерв дивизии. А теперь о вас, Холль. Вы последний старослужащий командир роты в полку. За последний год вы воевали, не жалея сил. Оберстлейтенант Мюллер представил вас к Значку за ранение в золоте. Вчера вам опять сильно повезло. Я не могу позволить себе потерять последнего опытного командира роты. Вы на несколько дней останетесь здесь, в обозе, а на ближайший месяц-полтора прикомандировываетесь к штабу полка.

Оберст (подполковник) Эрих Гроссе, командир 276-го пехотного полка

Я не был в восторге, приказ мне не понравился. Связь с моей седьмой ротой была слишком сильна, чтобы думать о переводе. Я спросил:

– Герр оберст, вернусь ли я потом в роту?

– Конечно, вы продолжаете номинально командовать ротой. Пока вас заменит лейтенант Аугст. Вы будете моим офицером для особых поручений при штабе, особенно теперь, когда обер-лейтенант Полит столь трагически погиб.

С облегчением я ответил:

– Я благодарен вам, герр оберст.

Следующие полчаса я провел, отвечая на вопросы командира. В основном это были вопросы о боях, которые мы вели в разных районах города. Я ничего не упустил, поскольку не думал, что стоит умалчивать о чем-то. Не было смысла скрывать правду. Иначе у командования будет искаженная картина происходящего.

Когда объявили, что из полка прибыл мотоцикл с коляской, меня отпустили. Я смотрел, как уезжает мотоцикл. Оберст Гроссе был замечательной личностью. Судя по его виду, отпуск пошел ему на пользу. Бледно-голубые глаза смотрели с гладкого лица. Его редеющие волосы почти полностью поседели. Тело его было пропорционально сложено. Я решил, что ему 55–60 лет. Голос у него был тихий, размеренный и не обидный, когда ему приходилось кого-то распекать. Я считал, что он хорошо разбирается в людях.

Но теперь – к моим людям. Первым делом я встретился с казначеем, унтер-офицером Хольмом. Тихий и убедительный человек, он служил в роте с самого дня формирования. Его дружеское приветствие было теплым и искренним. Вскоре пришел фуражир Грегулетц, за ним ефрейтор Фишер, возница фургона на конной тяге, то есть транспорта, принадлежащего помощнику оружейника и всем обозным. У каждого было свое назначение – как у гайки в машине, – и без них мы не могли действовать. И так со всеми частями, будь они на лошадиной тяге или моторизованные, сухопутные, воздушные или военно-морские.

Я задал множество вопросов, но и много о чем поговорил сам. Грегулетц отвел меня к лошадям. Несколько четвероногих ветеранов еще оставались с нами, включая моего коня Мумпица. Все они видели лучшие дни, и сейчас они стояли на краю очередной суровой зимы. Конюхи делали все от них зависящее – уверен в этом, – но они не могли совершить чуда. Если продлится хорошая погода, завтра или послезавтра прокачусь на Мумпице. Я уже ждал этого и хотел посмотреть, поймет ли он, что снова несет своего старого наездника.

Штаб LI АК: *22.10 21 октября 1942 г. 276-й пехотный полк возвращен в 94-ю пехотную дивизию…*

25 октября 1942 г.

Уже четыре дня как я в обозе. В холода сильнее чувствуется разница между сравнительно спокойной жизнью в десяти километрах от фронта и боевыми действиями во фронтовых частях, когда ты непрерывно в деле.

22 октября мы видели, как шесть бомбардировщиков летят через нас на Сталинград. Чуть позже до обоза донеслись звуки разрывов.

Вчера я смог пообщаться с батальонным казначеем, оберцальмейстером Кноппом. Он уезжал на несколько дней и привез припасы, патроны и почту, в которой были письма от жены от 3 и 15 октября.

В обед я прокатился на Мумпице. После такого долгого перерыва было чудесно снова сидеть на лошади, в солнечный день оглядывая мир сверху. На миг я забыл, где я, забыл о серьезности момента и вспомнил о счастливых днях в Оберлаузице, где я первый раз проехал на этом крепко сбитом белом мерине. Мы скоро подружились, и в августе 1941-го, когда я принял роту, в которой был командиром взвода, Мумпиц стал моей ездовой лошадью. Он сполна заслуживал свою кличку. Даже теперь я должен был приглядывать за ним и показать, что я здесь хозяин. Мы вернулись через час. Счастливый час закончился. Если хорошая погода продлится, завтра я снова на нем покатаюсь.

28 октября 1942 г.

Слава богу, дни безделья позади. Вчера вечером я получил приказ доложиться сегодня на полковом КП. Я собирался поехать к командиру на Мумпице, прихватив конюха. Затем пришло сообщение, что командир сам приедет на машине, у него какие-то дела в обозе.

Я был рад, что последние два дня имел возможность покататься. Мой четвероногий друг тоже развеялся. Он явно повеселел и взбодрился. Кто знает, когда я еще раз на нем проедусь?

Оберст Гроссе приехал в полдень. Через полчаса – торопливо поев у полевой кухни – мы ехали на полковой командный пункт, который находился в небольшом дубовом лесу у Спартаковки.

Спартаковка и Рынок были двумя деревушками к северу от Сталинграда, отделенные от города ручьем Орловка. Дубы в так называемом «лесу» были очень молоды, всего метров пять в высоту. Они уже почти облетели. Тем не менее блиндажи были хорошо скрыты. Весь район занимал 100 на 400 метров и по форме напоминал зубную щетку. На КП сидел единственный офицер, лейтенант доктор Хорст Хоффман. По профессии он был судьей в городе Плауэн, в Фогтланде, а до перевода в полковой штаб командовал взводом в 13-й стрелковой роте. Полковой адъютант, обер-лейтенант Кельц, был еще в отпуску, но со дня на день ожидался обратно. До тех пор крепость удерживал лейтенант Хоффман. Я должен был ему помогать.

Мы с Хоффманом должны были спать в одном трехметровом блиндаже. Я быстро разбросал по местам немногие вещи, которые носил каждый пехотинец. Я собирался найти тихий момент и прочесть почту, которую я забрал перед отбытием из обоза, но

лейтенант Хоффман вошел в комнату и попросил меня пойти к командиру. Последний уже ждал меня, и, после того как я доложил о прибытии, он посмотрел на меня и сказал: «Мой представитель, оберстлейтенант Мюллер, наградил вас Значком за ранение в золоте за вашу седьмую рану и травмы, нанесенные вражеским огнем. Он хотел бы лично вручить эту награду. В полку не было золотых значков за ранение, пришлось запрашивать в дивизии. Вчера мы его получили, так что теперь я могу приколоть его вам на мундир. Желаю вам, Холль, солдатской удачи и в дальнейшем – и всего самого лучшего».

Я искренне ответил на рукопожатие. Я был убежден, что моя судьба лежит в руках высшего существа, без которого мы все ничто. Не было смысла воображать, что можно избежать ответственности за то и это. Когда Господь назначает последний твой миг, бесполезно умолять или молиться, так что нужно быть готовым. Присяга, которую я принес фюреру, народу и Фатерлянду, всегда останется священной, особенно с тех пор, как я добровольно принес ее в 18 лет.

В тот вечер я ответил на письмо из дома. Ночью снова слышался звук моторов «швейных машинок».

Штаб XIV танкового корпуса: *17.45 28 октября 1942 г. Штурмовые группы 276-го гренадерского полка еще имеют связь с северным крылом штурмовых полков, обезопасили северный фланг и очистили изрытую снарядами территорию вдоль железной дороги в районе северо-западного угла квадрата 54…*

29 октября 1942 г.

29 октября обещало быть ясным днем. Солнце появилось на востоке, и, несмотря на то что ночи были уже холодные, можно было – насколько возможно – согреться в его лучах. Я часто обращался мыслями к своей роте.

На прогулке у блиндажа я увидел лежащие там и сям небольшие мины. Они были круглыми, примерно десять сантиметров в диаметре, и из них выступали проволочные стержни. Задень эти стержни – и мина взорвется. Я доложил об увиденном командиру, который распорядился искать эти опасные сюрпризы.

Когда я с должной осторожностью осматривал эти штуки, обер-ефрейтор из штаба полка спросил меня:

– Герр лейтенант, что это?

– Это небольшие мины, которые «Иван» сбросил прошлой ночью со «швейной машинки» (непонятно, что это было. В СССР не производилось ничего подобного, устанавливать мины с самолета придумали как раз немцы – бомбы SD-2 можно было установить на подрыв в воздухе, при падении или когда на нее

наступит солдат противника. Да и взрыватель с проволочными усиками скорее похож на немецкий Z-35, от мины-лягушки. – *Прим. пер.*).

– Они опасны? С виду ничего страшного.

– Еще как опасны! Обходи их подальше! Все, что мы не знаем и что исходит от «Ивана», – опасно.

– Ну, вряд ли они столь опасны.

– Предупреждаю: держи лапы подальше от них.

Он ушел, но явно не был убежден моим предупреждением.

В полдень пришел и доложил полковнику об отбытии в «особый отпуск» первый кавалер Рыцарского креста в полку, капитан третьего батальона гауптман Артур Риттнер. Риттнер особо отличился в боях за Южный Сталинград. Мы были рады за него. Гауптман Риттнер был «двенадцатником» (солдатом, подписавшим 12-летний контракт) и прошел подготовку в рейхсвере.

Часть моих учителей тоже прошли подготовку в рейхсвере – например, мой первый командир роты. Без рейхсверовских кадровых солдат наши вожди не смогли бы создать вермахт за такое короткое время.

Когда гауптман Риттнер убыл в отпуск, он забрал с собой письма на родину, которые он отошлет из Бреслау. Мы решили, что это ускорит письмам дорогу до адресатов. Были и другие счастливые новости. Мой старый заслуженный командир, майор доктор Циммерман, получил Германский крест в золоте. Он все еще был в отпуску по болезни.

30 октября 1942 г.

30 октября мы приняли делегацию из соседнего полка 16-й танковой дивизии. Она состояла из командира 79-го панцергренадерского полка, оберста Райниша, с адъютантом, обер-лейтенантом Брендгеном. С ними было еще несколько человек. 79-й полк тоже участвовал в тяжелых боях и – как и мы – понес серьезные потери. Теперь они подпирали нас слева. За вычетом двух полковников, они были моими земляками из долины Рейна и Вестфалии. Знакомый говор звучал в ушах, как музыка. Главной темой разговора полковников было положение в секторах обоих полков и как тяжело в этих условиях удерживать позиции на направлении от Рынка и Спартаковки к Волге. Оберст Райниш считал, что этот сектор можно назвать «маленьким Верденом» – там вряд ли найдется квадратный метр, не изрытый бомбами и снарядами. Кроме того, этот факт не давал использовать там танки. Вражеское сопротивление в этом районе все еще не было сломлено.

Было интересно увидеть обоих командиров полков. Оберст

Райниш был родом из Штайермарка и имел предупредительные манеры. Мой командир, оберст Гроссе, немногим от него отличался. Для меня они были «кавалеристами старой школы», у которых я мог только учиться. Гости пригласили нас нанести ответный визит, признавая, что общая ситуация это позволяет. Оберст Гроссе сказал, что он будет рад. Позже он сказал нам: «Всегда хорошо лично знакомиться с товарищами из других частей. Это важно для последующих боевых действий». Я мог с ним только согласиться.

31 октября 1942 г.

Октябрь подошел к концу. А бои в городе продолжались. Не было почти никакого продвижения вперед. Мы были слишком малочисленны, чтобы снова двигать нас в бой. Нас хватало только на то, чтобы держать позиции в тихом секторе.

Полтора месяца назад у устья Царицы, когда мы почти непрерывно наступали, я писал жене: «…еще несколько дней, и мы возьмем Сталинград».

Теперь надвигалась зима. Чтобы взять оставшуюся часть города, нужно было вводить в бой свежие силы. Боевой дух у солдат был высок, и мы полностью доверяли нашему командованию.

Звонком из дивизии нас предупредили о визите генерала Пфайфера. Он командовал дивизией со времени печального происшествия с нашим первым командиром, генералом от инфантерии Фолькманом. Мне приказали сделать доклад командиру. Оберст Гроссе ответил на мои поздравления и сказал с улыбкой:

– Полк должен назначить офицера для курсов командиров рот в Берлин-Дёберице. Курсы проходят с 6 декабря 1942 г. по 16 января 1943 г. С 22 декабря по 2 января курсанты получают рождественский отпуск. Полк направил ваше имя. Это в знак признания ваших заслуг. Я знаю, что осенью 1940-го вы прошли подобные курсы в дивизии в Оберлаузице. Однако новые курсы патронируются ОКХ и будут полезны для вашего личного роста. Кроме того, если вы во время курсов прочитаете три лекции, то вам дается пять дополнительных дней особого отпуска.

Я не очень вдумывался в то, что слышу, и даже был ошеломлен, что позабавило командира. Лейтенант Хоффман был уже в курсе и поздравил меня с откомандированием.

Появился связной и, задыхаясь, доложил: «В лесу – метрах в ста отсюда – обер-ефрейтора Корнека миной разорвало на куски!» Опасаясь худшего, я поспешил на место. Мои опасения подтвердились: это был тот самый парень, который позавчера так интересовался этими проклятыми минами, хотя я настойчиво

указывал на их опасность. Об этом происшествии нужно сообщить во все части! Людям на фронте просто необходимо проявлять осторожность.

Командир дивизии прибыл сразу после 13.00. Его сопровождал наш полковой адъютант, только что вернувшийся из отпуска. После рапорта нашего полкового командира генералу оба – с адъютантами – вошли внутрь командного пункта. Лейтенанта Хоффмана и меня пригласили зайти. Текущую ситуацию обсуждали у карты. Генерал сказал, что в каждом полку боевой состав рот растет за счет выздоровевших, непрерывно поступающих из госпиталей. Однако он также считал, что их слишком мало и что ожидается свежее пополнение с родины.

Перед тем как генерал забрался в «кюбельваген» (командирский легковой автомобиль с брезентовым верхом. – *Прим. пер* .), он подозвал меня:

– Холль, вы скоро уезжаете на курсы в Дёберице. Пока вы не уехали, зайдите ко мне. Моя семья живет в Потсдаме, и я хотел бы, чтобы вы лично поехали туда и отдали им мое письмо.

Я пробулькал: «Так точно, герр генерал!»

Я не мог поверить: через пять недель я буду в Берлине, а через семь недель – со своими родными дома. Было трудно поверить!

Лейтенант Хоффман сообщил, что следом за майором Вайгертом его адъютант, мой друг Иоахим Шюллер, тоже оказался в госпитале. Надеюсь, ничего серьезного.

1 ноября 1942 г.

Ноябрь начался с хорошей погоды. Ночи становятся холоднее, но в течение дня солнечно и ясно.

За счет пополнений последних дней оба батальона имеют теперь боевой состав стрелковой роты каждый. Конечно, этого еще слишком мало, но мы были рады каждому вернувшемуся из госпиталя. Среди офицеров, вернувшихся в полк, были берлинец лейтенант Пильц и баварец лейтенант Бауман. Среди прибывших было много знакомых лиц. Они были в основном уроженцами Верхней и Нижней Силезии, все еще составлявшими костяк полка, несмотря на приход в эту чисто силезскую часть уроженцев других регионов Фатерлянда. Все понимали серьезность момента. Каждому хотелось оказаться дома, в дружеском кругу, но они продолжали нести службу самым образцовым образом. Многие были больны желтухой и должны были отправляться в госпиталь. Доктор Щепански считал это следствием однообразного рациона с самой переправы через Дон. Наша армия снабжалась по единственной дороге на Калач, что создавало проблемы с доставкой различных продуктов. Вследствие этого возникали все

более частые случаи желтухи – болезни, которая раньше наблюдалась в войсках очень редко.

2 ноября 1942 г.

Сегодня, 2 ноября, еще одним ясным днем, мы нанесли ответный визит своему левому соседу. Наш командир и мы – адъютант обер-лейтенант Кельц и я – подъехали к командному пункту 79-го панцергренадерского полка. Нас тепло встретили герр оберст Райниш и работники его штаба. Мы остались до обеда, и нас пригласили поесть. Даже здесь не было колбасы на добавку, но если ты голоден, то суп из сушеных овощей – которые солдаты звали «проволочным заграждением» – оказывается очень кстати. Основными темами разговора опять были общая ситуация в Сталинграде и наши заботы, особенно то, что противник продолжал занимать деревни Рынок и Спартаковка. Оберст Райниш также рассказал нам, что танки 16-й танковой дивизии постоянно работали «пожарной бригадой».

Я воспользовался возможностью пообщаться с дальним родственником, командовавшим в первом батальоне взводом связи. Мы ни разу не видели друг друга, но решили встретиться как можно скорее.

Было уже темно, когда мы в 15.00 вернулись на свой КП. Весь день на фронте было тихо.

3 и 4 ноября ничего особенного не произошло. Но насколько, оказывается, тесен мир. Вскоре после того, как стемнело, в штабе появился репортер из роты пропаганды с целью снять сцены из фронтовой жизни и написать соответствующие репортажи. Ничего не скажешь, хорошие снимки получаются в темноте. Репортер представился как Герман. Позже, сидя в блиндаже, я завел с ним разговор. По акценту можно было сказать, что он из долины Рейна.

Я спросил его:

– Герр Герман, я слышу, что вы с Рейна. Из какого вы города?

– Из Дуйсбурга.

– Я тоже! Строго говоря, я из Дуйсбург-Лаара и знал там Германа Германа. Мальчиком он серьезно разбился на велосипеде.

– Я его знаю, он мой брат!

– А тогда почему я вас не знаю?

– Герр Холль, я на двенадцать лет старше моего брата, и дома меня не было более десяти лет. Я теперь берлинец.

Мы долго разговаривали о родном городе и общих знакомых. В нашем секторе было тихо, и мой земляк отснял несколько кадров на следующее утро перед отъездом.

6 ноября 1942 г.

С шести часов я на ногах вместе с оберстом Гроссе. Мы посетили самые передовые позиции. Там была и моя седьмая. Лейтенант Аугст все организовал четко и по порядку. Я был счастлив, когда мои верхнесилезцы спрашивали меня: «Герр лейтенант, когда вы вернетесь в роту?» Мой командир слышал это и ухмылялся. Погода была туманной, шел мелкий дождь. Когда мы к 14.30 вернулись, оба были вымотаны.

Ночью было холодно. Хорошая погода, кажется, кончилась. Лучше уж холодно и сухо, чем сыро. Если мы должны дождаться здесь зимы, будут проблемы с топливом. Полку отчаянно нужно получить в дивизии зимнее обмундирование, а также белый камуфляж. Скоро начнутся первые снегопады; к тому времени по крайней мере передовые части должны получить белый камуфляж. Сейчас у наших частей обычная экипировка (2 пары белья; 2 пары носков; 2 пары портянок; 1 свитер; брюки; китель; кепи; 1 пара перчаток; стальной шлем; шинель; брезентовая рабочая форма, плащ-палатка; сухарная сумка с фляжкой и принадлежностями для готовки; 1 пара укороченных кожаных сапог, известных также как «стаканчики для костей»). Да, для ледяной русской зимы, с ее жестоким безжалостным морозом, даже этого набора не хватало. Зимняя форма состояла из пары стеганых хлопчатобумажных штанов и такой же куртки. Оба предмета одежды были двусторонними, и их можно было носить поверх другой формы, так что зимой – с ее снегом – белая сторона была снаружи, а когда снег таял, форму выворачивали на сторону с камуфляжной раскраской. Кроме того, были также войлочные сапоги (автор имеет в виду советские валенки или бурки, широко применявшиеся и в вермахте, или зимние сапоги с войлочными голенищами. – *Прим. пер.*).

Зимняя одежда не была для русских чем-то новым. Благодаря ей они часто имели перед нами преимущество. Наша камуфляжная форма для снега была самоделкой. Она включала белую простыню с дыркой для головы и двумя прорезями для рук. Их придумали, чтобы войска были не так легко заметны на снегу.
Погода начала меняться. Было холодно и ветрено. Вчера шел дождь, и на улице теперь гололед. Это осложнило жизнь водителям машин снабжения, подвозящих продукты. Осложнилась и жизнь на переднем крае. Весь штаб полка прилагал огромные усилия по обеспечению зимним обмундированием солдат на передовой.

15 ноября 1942 г.

Я слышал, что американцы и англичане высадились в Северной Африке, но не было времени на более общие вопросы; теперь были другие неотложные дела. Появился

гауптфельдфебель Михель и доложил, что отбывает в отпуск. Он честно его заслужил, потому что, как неженатый, раз за разом отказывался от отпуска в пользу женатых солдат. Он почти полтора года не был дома. Я пожелал ему всего наилучшего и спокойно вернуться в часть. Его заменит фельдфебель Купал. Он из Южной Германии и уже служил в чешской армии.

Почта из дома принесла печальные вести: несколько друзей и знакомых из детства погибли или пропали без вести, когда потопили их подводную лодку, идущую в боевом дозоре.

Командир сказал, что, для того чтобы успеть на курсы, я должен выехать 25 ноября. Осталось десять дней.

16 ноября 1942 г.

Штаб XIV танкового корпуса: *05.40 16 ноября 1942 г. Перегруппировка и переподчинение между 16-й ТД и 94-й ПД на Волге и северном секторе фронта продолжается согласно графику…*

Мы снова поехали в 79-й панцергренадерский. Это было 16 ноября. На командном пункте оберста Райниша обсуждалась атака на пригороды: Рынок и Спартаковку. Нашим полкам было назначено участвовать в этой атаке бок о бок. Удар планировался внезапным. Мы не могли рассчитывать на танковую поддержку, потому что рельеф местности этого не позволял. Кроме того, танки опять были заняты в роли «пожарной бригады». Начало наступления было назначено на утро 17 ноября. Нас поддержит артиллерия 16-танковой дивизии. Поскольку за последние недели 79-й панцергренадерский полк тоже поднял численность за счет возвращающихся из госпиталей, корпус надеялся, что мы сможем взять оба поселка.

Штаб XIV танкового корпуса: *16.00 16 ноября 1942 г. 3-я ТД и 94-я ПД сменили 16-ю ПД вдоль Волги и северного фронта для наступления на Рынок…*

17 ноября 1942 г.

До атаки оставались часы – то есть никто из нас не имел роздыха. Нужно было передавать приказы. Там, где этого нельзя было сделать по телефону, их в письменном виде доставлял связной. По жизненно важным вопросам было необходимо, чтобы наши офицеры лично являлись в штабы батальонов.

Часы шли и шли незаметно для нас. И снова наступил последний час перед атакой. Снова думаешь: а будет ли она успешной и в этот раз? Сможем мы застать противника врасплох? Вопросы и сомнения, ответы на которые придут позже.

За несколько дней до этого оба наших полка, 267-й и 274-й гренадерские, выдвинулись на позицию на северной блокирующей линии, которая тянулась от Дона до Волги

фронтом на север. Мы должны были провести зиму на этой блокирующей позиции. Тем не менее до этого пока не дошло. Первым делом мы должны провести эту атаку.

Поскольку я командовал 7-й ротой – но был откомандирован на полтора месяца в полковой штаб, – мои мысли обратились к моим солдатам. Как не раз за эти недели, они снова встретились с непростой задачей. Силезцы должны были выполнить ее с моими земляками из Рейнланда-Вестфалии: остальную часть атакующих сил составляло по полку от 24-й танковой дивизии (не существует документального подтверждения, что какая-либо часть 24-й ТД принимала участие в атаке. – *Прим. зарубежного издателя*) и 16-й танковой дивизии, двух дивизий, чьи солдаты к сегодняшнему дню – каждый на своем месте – доказали, чего они стоят.

Я – маленький винтик в этой большой машине, обученный тактике и мало разбирающийся в стратегических вопросах, – сомневался в успехе атаки. Когда переходишь от удержания позиций к наступлению, нужно значительное численное превосходство или применение тяжелого оружия, чтобы не дать противнику подняться во время прорыва. Я не верил, что у нас есть численное превосходство. Я не знал, сможет ли тяжелое оружие, выделенное для поддержки атаки, заставить противника залечь. Местность была для танков непроходима; более того, их не было.

Когда мы услышали первые звуки боя к северу от себя, мы поняли, что «танец» начался. Для меня это было внове: раньше я прямо участвовал в бою вместе со своими солдатами. При этом ты сосредоточен на бое и часто не чувствуешь времени.

Теперь я впервые был в роли штабного – участник с совершенно другими обязанностями, для которого время буквально ползет. Я заметил, что нашего командира, оберста Гроссе, терзают сомнения в том, что все идет как надо. Он знал общую ситуацию лучше нас и тоже возражал против цели атаки. Но в целом мы были солдатами, которые должны повиноваться и исполнять приказы. Боевая эффективность любой армии растет или падает в зависимости от повиновения и веры в командование.

Около полудня мы получили первые донесения о ходе боя – пройдя 200 метров, атака захлебнулась. Наше тяжелое оружие не смогло подавить противника. Его оборонительный огонь нанес обоим полкам значительные потери, включая несколько убитых.

Штаб XIV ТК: *16.25 17 ноября 1942 г. По восточному фронту корпуса 16-я ТД с двумя кампфгруппами (боевыми группами) атаковала деревню Рынок с севера и запада. Обе группы*

первоначально продвинулись в деревню. Плохая видимость и тяжелый оборонительный огонь нарушили связь групп между собой. Контратака русских при поддержке 4 танков заставила боевые группы отступить с северной и западной окраин деревни. Сильный противотанковый и танковый огонь, а также мины вызвали значительные потери наших танков… После перегруппировки, около 13.00, див. возобновила наступление. Бои продолжаются…

Начался жестокий обстрел из артиллерии и минометов, что означало, что продвижение вперед невозможно. Командир приказал мне пойти со связным в штабы II и III батальонов. Для гауптмана Израэля и также обер-лейтенанта Краузе, замещающего гауптмана Риттнера, ситуация сложилась крайне рискованно. У обоих батальонов не осталось резервов, и каждая потеря по-настоящему ослабляла боевой состав.

Обер-лейтенант Краузе сказал со своим восточно-прусским акцентом: «Если так будет продолжаться и дальше, в конце нам придется воевать парнями из обоза».

Втайне я согласился с ним.

Когда я вернулся в полковой штаб, я заполнил донесения оберсту Гроссе и узнал, что соседний полк также понес тяжелые потери и оказался в такой же ситуации. Тем временем сгущалась темнота, и звуки битвы затихали. Наши люди не могли разогнуть спин, вынося раненых и убитых и принимая меры на случай контратаки противника. «Иван» поставил перед своей линией обороны мины, так что каждый чувствовал себя неуверенно.

Штаб 6-й армии: *18.40 17 ноября 1942 г.* ***Цель:*** *продолжение атак в направлении Рынка с целью взять деревню и берег Волги 18.11…*

18 ноября 1942 г.

18 ноября также не принесло никаких перемен. Атаки безнадежно топтались на месте и не могли вестись без подкреплений. Солдаты на переднем крае совершали почти сверхчеловеческое усилие. Большинство из них все еще не имело зимнего обмундирования. Другими словами, им приходилось обходиться тем, что у них было. Они набивались в ячейки перед окопами противника, для защиты от сырости и холода имея только плащ-накидки. Время на передовой тянулось вечно. Многие выходили из боя в рваной форме и лаконично комментировали: «Ничего, лучше мундир, чем кости».

Я знал это на своем опыте и полностью понимал солдат. И я был уверен в одном: все испытанное нами потом отразится на нашем здоровье – если нам повезет пережить эту войну.

Глава 4 Шестая армия в окружении!

18 ноября 1942 г.

Вечером 18 ноября поступил приказ: «Ночью 19 ноября оттянуться на исходные позиции». Неудачная операция, стоившая высоких потерь с нашей стороны, закончилась.

В следующие три дня мы были заняты латанием дыр, которые открылись в результате потерь. Все, кого можно было снять со штабной работы, шли на фронт.

В дивизии мы узнали, что русские к северо-западу от нас начали наступление против румын и широкой полосой прорвали фронт. То же повторилось 20 ноября на юге. 21 ноября в полку узнали, что наступающие войска противника соединились у Калача-на-Дону, окружив нашу 6-ю армию. Сперва новость вызвала у нас шок. Как такое могло случиться? Что там, наверху, все уснули? Что, наших союзников нечем было поддержать? Ответов у нас не было.

Я был убежден, что это окружение не продлится долго. Наши командиры не вчера родились, и вскоре кольцо будет прорвано.

А пока мы должны были держать фронт в нашем секторе. Северная блокирующая позиция строилась прочно, с самого удара от Дона к Волге. Противник, наконец, прекратил свои бесполезные атаки. Нам нужно было улучшить и дальше укреплять позиции в секторе. Как бы ни шли дела к западу от нас на Дону, там мы ничего не могли сделать.

23 ноября 1942 г.

К полудню 23 ноября мы получили приказ подготовить каждый исправный грузовик и мотоцикл с запасом бензина для прорыва в юго-западном направлении. Дальнейшие расспросы оберстом Гроссе показали, что приказ отдал генерал фон Зейдлиц, командир LI армейского корпуса, к которому мы принадлежали. Все, что нельзя было взять с собой, подлежало уничтожению. Бралось с собой только самое необходимое – в первую очередь боеприпасы.

К счастью, стояли сухие холода. Я не испытывал радости от перспективы бегства. С какой энергией и наступательным порывом мы, пехота, пробивались сюда, с какими потерями! А теперь – идти обратно?

Мои товарищи – насколько я мог с ними поговорить – имели то же мнение. Эта идея нам не нравилась. И, наконец, мы должны были прикрывать отход – даже если у нас была неудовлетворительная зимняя экипировка. Кроме этого, хлебный паек во всем котле урезали до 200 граммов, что означало пустые

желудки и голод. А на холоде нам требовалось повышенное количество калорий. Тем не менее – приказ есть приказ. Мы все подготовили, как было приказано. Мы закончили подготовку к уничтожению ненужного, а также документов и ждали дальнейших приказаний. Все мысли были сосредоточены на прорыве. Это будет тяжелым и кровавым предприятием, мы все были уверены в том.

24 ноября 1942 г.

В ночь на 24 ноября мы с трудом нашли время поспать. Точнее, подремать. Напряжение было огромным. Даже оберст Гроссе присоединился к нашему разговору. Мы говорили обо всем и ни о чем, чтобы убить время. Время от времени командир или обер-лейтенант Кельц запрашивал передовую, чтобы узнать, произошло ли что-нибудь. Около полуночи полковник сообщил нам о результатах запросов: «Части на северной блокирующей позиции в процессе выведения. Надеюсь, их не заметят». Для нас это означало продолжение ожидания.

Понимал ли кто-нибудь, что происходит? Вчера нам приказали готовиться к прорыву. И теперь, вскоре после полудня, нам сказали – прорыв отменен! Всем оставаться на месте!

Или там, наверху, сошли с ума? Нас окружал враг, и мы не на полигоне! Там может пройти «делай – нет, не делай!», но не здесь, где каждый квадратный метр нашего продвижения оплачен кровью.

Каково там, на северной позиции? Смогут ли наши товарищи заново ее занять? К счастью, подорвать на ней ничего не успели. Заметил ли «Иван» движение в тыл? И как он на него отреагировал? Одно нам всем было ясно: без прорыва на юго-запад грядущие дни будут трудными, если мы не сможем отвоевать северную блокирующую позицию.

На следующий день я должен был отправиться на запад, в сторону долгожданной родины. Но все это время я подсознательно сомневался, что у меня получится. Прощай же, прекрасная мечта! Реальность выглядела по-другому – каждый должен остаться на своем месте!

Тем временем из дивизии сообщили, что части с северной блокирующей позиции отошли в некоторых местах на четыре километра.

Противник уже двинулся вперед на три километра до железнодорожной ветки, идущей от Баррикад через Спартаковку на Гумрак, в полутора километрах от КП нашего полка. Приказ всем нам – высочайшая боевая готовность! Это относилось и к тыловому эшелону – штабу, обозным частям, ротам снабжения и т. п. Для танков, если они прорвутся, полтора километра – не

расстояние. Пока общая ситуация не прояснится окончательно, мы должны быть на страже. Тем не менее мы дышали свободнее, потому что верили, что нас освободят извне.

25 ноября 1942 г.

25 и 26 ноября положение в нашем секторе оставалось неопределенным. Части, отведенные от северной оборонительной линии – как было приказано, – пытались выстроить новую линию фронта вдоль одноколейной ветки к северу от нашего КП. Среди этих частей был и 276-й гренадерский полк. К счастью, русские лишь нерешительно следовали за нами; они не поняли, что происходит. Немудрено – зимой мы добровольно отдали хорошо оборудованную позицию, которая в последние месяцы отбила все атаки.

274-й гренадерский залег на тракторном заводе, фронтом на Спартаковку, и не был задействован в отходе. После короткого пребывания в госпитале мой друг Иоахим Шюллер получил назначение полковым адъютантом в 274-й полк, которым командовал оберст Брендель.

Штаб LI АК: *17.45 25 ноября 1942 г.*

На рассвете 94-я ПД была атакована на широком фронте пехотой противника в сопровождении отдельных танков. В попытке расширить прорыв, сделанный вчера, противник – двигаясь по дороге от Ерзовки к северу от Спартаковки – захватил сад и позднее территорию, покрытую лесом, находящуюся южнее. Противник вел наступление на северо-запад за нашей пехотой, держащей оборону по линии железной дороги, и захватил высоту 135,4… Немедленно принятые контрмеры достигли успеха, высота 135,4 была возвращена… Бои на этом участке продолжаются.

Задача на 26.11.: *Выправление положения вокруг 94-й ПД. Для этого оставшиеся части 24-й ТД с группой Шееле пускаются в ход на правом крыле 94-й ПД.*

Потери на 25.11.:

94-я пех. див.: убитыми – 1 оф., 15 уоф. и рядовых;
ранеными – 1 оф., 28 уоф. и рядовых.

Штаб LI АК: *07.00 26 ноября 1942 г.*

Деблокирование ведущих бой частей 94-й ПД к юго-востоку от высоты 135,4 группой Шееле выполнено четко… На дороге к Ерзовке 94-й ПД уничтожено два Т-34.

Потери на 26.11.: *убитыми – 1 оф., 51 уоф. и рядовых;*
ранеными – 3 оф., 12 уоф. и рядовых.

27 ноября 1942 г. Обер-лейтенант Кельц сообщил, что в полк прибыло сообщение о производстве меня в чин обер-лейтенанта. Оно вступало в силу после опубликования в суточном приказе по полку. В один день – 27 ноября 1942 года – было объявлено о

производстве меня в чин обер-лейтенанта и назначении на должность командира роты (до того Холль занимал должность компанифюрера, то есть временно исполняющего обязанности командира роты. – *Прим. пер* .). Все были рады за меня – правда, праздновать не было ни времени, ни места. Кельц был так добр, что дал мне две звездочки для погон кителя.

Штаб АК: *27 ноября 1942 г.*

Потери на 27.11.:

94-я пех. див.: убитыми – 7 уоф. и рядовых;

ранеными – 38 уоф. и рядовых;

пропавшими без вести – 6 рядовых.

28 ноября 1942 г. Ранним утром – уже рассвело – раздалась команда «Тревога!». Снаружи слышались звуки боя. Тем временем русские осознали, что наши войска отошли из северо-восточного угла северной блокирующей позиции. Они пытались прорвать новую линию фронта, используя танковую поддержку. Первым делом они пытались взять территорию от высоты 135,4 до высот 144,2 и 147,6. Перед этими точками, следуя по линии железной дороги, шла линия фронта. Если противник сумеет взять хотя бы одну из этих высот, он сможет заглядывать в Сталинград с севера. Это поставит наши войска в очень невыгодное положение. Наша артиллерия и все, что могло стрелять, делали отчаянные попытки отбить атаку. Тем не менее на фронте жидко обделались.

Штаб 6-й армии: *утренняя сводка за 28 ноября 1942 г. Новые атаки противника на северо-восточный фронт LI армейского корпуса. Прорыв к западу от Рынка выправлен силами 94-й ТД. Прорыв у высоты 147,6 силами двух батальонов и более 6 танков, продвинувшийся до оврага 2,5 км к северо-западу от Орловки, еще не закрыт. Прибывающие части 16-й ТД будут использоваться в контратаке…*

К 10.00 у командного пункта появились два танка и запросили указаний. Оберст Гроссе приказал мне лично направить танки. Мы двинулись вперед.

Основной целью противника оказалась высота 135,4. Я бежал так быстро, как только позволяли легкие. Мальчишкой я хорошо бегал на длинные дистанции. Сейчас это сказалось. Слева от меня была видна Орловка. Теперь через балку, вверх по противоположному склону, и вот она, высота 135,4. Я остановился у переднего танка, указал командиру, что отсюда у него будет обзор поля боя за высотой, и пошел обратно.

Теперь я не торопился. По дороге туда каждая минута стоила жизни моим товарищам. Я знал, что несколько танков – даже всего два – шли в дело и могли дать нашим передышку. Раздались первые выстрелы танковых пушек. Браво, парни, теперь

берегите себя.

Земля замерзла, погода была ясная. Орловка теперь лежала справа. До нее было по крайней мере два километра. Мой путь лежал на юг. Я уже прошел половину пути вверх по склону, где он выходил на высоту почти 40 метров, а потом шел вниз. Неожиданно ад разверзся вокруг меня! «Сталинские органы»! Когда получаешь их раз или два раза в день, как я в прошлые недели на Баррикадах, – знаешь, что сейчас будет, слыша рев приближающихся ракет. Они летели с севера, из-за линии фронта. Первые разрывы ударили в другую сторону балки – примерно туда, где я оставил оба танка. Я огляделся, как загнанный зверь. Ни малейшего укрытия. О, небольшая ямка! Всего 40 сантиметров шириной и 10 сантиметров глубиной. Почти ничего! Никогда в жизни не пытался стать таким маленьким! Ноги прижаты к земле, лицом вниз, руки вытянуты вперед. Разрыв шел за разрывом. Я лежал беззащитный, беспомощный человек, попавший под удар силы, произведенной руками человека. Ракеты непрерывно взрывались вокруг меня, то тут, то там. Кончится это когда-нибудь? Осколки свистели в воздухе. Я ждал и не знал, остаюсь я в сознании или брежу. Несколько минут я лежал неподвижно – полностью оглушенный этим «с добрым утром». Я не мог сказать, сколько было ракет. В такие моменты забываешь считать и пытаешься спасти шкуру. Непрерывные разрывы были секундами, обрывающимися в вечность.

Наконец, я пришел в себя и удивился тому, что полностью невредим. Предназначались эти снаряды для двух танков, или «Иван» подозревал, что здесь засели наши части? Я не знал.

Штаб LI АК: *18.05 28 ноября 1942 г. Около 11.00 противник атаковал на всем протяжении северо-восточного фронта, от дороги на Ерзовку до высоты 145,1 (422) направлением основного удара вдоль дороги Ерзовка – Орловка. Атака отбита 24-й ТД; противник смог прорвать линию фронта к юго-западу от высоты 135,4 с шестью танками, которые затем были принуждены отступить. В 15.00 противник начал повторную атаку высоты 145,1 с семью танками. Противник взял высоту и продвинулся за линию железной дороги к югу. Высота 147,6 в наших руках. 16-я ТД, движущаяся в этот сектор, будет использована для контрнаступления.*

К тому времени, как я вернулся на полковой командный пункт, я уже оправился от шока. Оберст Гроссе нетерпеливо прохаживался перед блиндажом. Он ждал моего возвращения. Он слышал ракетный налет, потому что место попадания было всего в километре от нашего КП.

Я сказал:

– Обер-лейтенант Холль вернулся. Танки направлены согласно вашему приказанию.

Мой командир ответил:

– Там что-нибудь видно?

Я ответил:

– Нет, герр оберст, но там очень легко поймать пулю или осколок. Ракетный налет застал меня без укрытия, и я все еще удивляюсь, как я вышел оттуда одним куском. Прошу, герр оберст, зайти в блиндаж.

– Идите, Холль, я еще немного постою здесь.

Я успел только спуститься на шесть ступенек в блиндаж и закрыть дверь, когда снаружи раздался взрыв. Дверь сдуло воздушной волной. Одна из труб «сталинского органа» разорвалась прямо перед блиндажом; за ней еще, более или менее рассеянно. После того как все кончилось, в блиндаж ворвался человек: «Командир ранен!»

Кельц, Хоффман и я встревоженно переглянулись. Только этого нам не хватало! Двое внесли оберста Гроссе и уложил на нары. Он застонал от боли, которую пытался терпеть. Большой осколок вошел ему в живот. Немедленно послали за полковым врачом. Я злился на свою беспомощность. Я ничего не мог поделать и с упреком сказал раненому: «Почему герр оберст не послушал моего совета?»

Терзаемый болью, мой командир ответил: «Вы имеете право упрекать меня, Холль!»

Я не собирался его упрекать. Если бы только он послушал меня. Но я – простой обер-лейтенант – не мог приказывать командиру полка войти в блиндаж.

Не теряя времени, мы отвезли командира – который успел получить первую помощь от врача и провалился в морфиновое забытье – в армейский госпиталь в Сталинград. Я не скоро забуду 28 ноября.

Штаб 6-й армии: *суточная сводка за 28 ноября 1942 г.*

После артиллерийской подготовки противник наступал широким фронтом с пехотой и танками. Он был разбит к северу от Спартаковки и северо-востоку от высоты 135,4, но смог продвинуться на северо-восток от Орловки и позже, в 13.00, у высоты 145,1 (западнее поворота железной дороги), прорвав основную оборонительную зону танками и десантом пехоты. Прорыв к северо-востоку от Орловки ликвидирован после уничтожения двух Т-34. Противник продвинулся пехотой и танками до высоты 147,6, где остановлен. Контратака силами частей 16-й ТД и 60-й ПД (мот.) смогла вернуть высоту 145,1. Бой

на этом участке продолжается. У высоты 145,1 уничтожен один КВ, один танк подбит.
Начался процесс занятия 24-й ТД правого сектора 94-й ПД до юго-восточного склона высоты 147,6…

Все продолжалось как обычно. Командование до прибытия преемника оберста Гроссе временно принял адъютант обер-лейтенант Кельц. Я узнал, что оба танка, направленные мной, показали чудеса храбрости. Они появились буквально в последнюю минуту и подбили четыре из пяти танков (Т-34) и таким образом заставили русских отойти. Наши люди смогли удержать линию фронта по линии железной дороги.

29 ноября 1942 г.

Штаб LI АК: *17.30 29 ноября 1942 г.*
Противник утром вел себя тихо… В 12.00 24-я ТД приняла сектор 94-й ПД до точки к юго-востоку от высоты 135,4.

29 ноября нас еще раз порадовало дождем, который сразу же замерз в черный лед. Дополнительная тягота моим товарищам на фронте.

30 ноября 1942 г.

Штаб LI АК: *06.00 30 ноября 1942 г.*
На дороге к северо-востоку от Орловки замечено оживленное движение, включая танки – иногда с неприкрытыми фарами. Большую часть ночи наши позиции на высоте 147,6 и к югу от высоты 111,1 находились под тяжелым танковым и минометным обстрелом.

В полдень последнего дня ноября термометр еще раз поднялся выше нуля по Цельсию. Было солнечно и ясно.

По всей линии фронта – тяжелый оборонительный огонь. Атаки противника отбиты. Нам тяжело справляться с мощным огнем русских минометов. Гауптман Израэль, который командовал нашим II батальоном с отбытия майора Вайгерта, убит осколком.
Остатки II и III батальонов слили в одну часть под названием «кампфгруппа Краузе». Обер-лейтенанта Краузе повысили в чине до гауптмана. Он был тихим уроженцем Восточной Пруссии, который знал свое дело. Его адъютантом был лейтенант Герлах, уроженец Саара, по профессии учитель ремесленной школы. Всего несколько дней назад он был командиром взвода в 14-й роте (ПТО).

Штаб LI АК: *11.15 30 ноября 1942 г. С раннего утра противник атакует северо-восток сектора Рынок – 145,1… Танки на левом крыле…*

Штаб LI АК: *16.40 30 ноября 1942 г.*

Утром имели место нескоординированные атаки противника

группами от 30 до 300 солдат на протяжении всей линии фронта 24-й ТД. Противник несколько раз повторил атаку Орловки вдоль дороги с северо-востока и в направлении высоты 135,4 с северо-востока. С поддержкой танков противник отброшен, и линия фронта восстановлена местными контратаками. Боевые действия еще продолжаются. Согласно плану, на рассвете 16-я ТД в групповых наступательных действиях захватила линию фронта на правом крыле. В 08.00 противник атаковал высоту 147,6 четырьмя танками и примерно 75 стрелками. Атака отбита.
Атака возобновилась в 11.00 4 танками и батальоном пехоты. Во время боя уничтожены 2 КВ и 3 Т-34, 1 Т-34 подбит. Следует ждать продолжения атак.

Штаб LI АК: *20.55 30 ноября 1942 г. Утром имели место неоднократные независимые атаки противником наших позиций к западу от Рынка, на дорогах к Орловке и Спартаковке и на высотах 135,4 и 144,2. Противник достиг успеха, создав локальный прорыв, лишь у высоты 135,4. В контратаке танками и мотопехотой – которой пришлось спешиться из-за сильного огня танков противника – противник уничтожен, и в результате линия фронта восстановлена. Очень сильная артподготовка противника, а также плотный огонь во время атаки вызвали наши потери. После отражения атаки с танковой поддержкой высоты 147,6 повторная атака проведена в 17.00 в полной темноте. Противник силами около 100 человек в ходе рукопашного боя отброшен…*

1 декабря 1942 г.

Штаб LI АК: *16.50 1 декабря 1942 г.*
Утро прошло тихо. К 14.00 отбиты две вылазки к северо-востоку от Орловки, каждая по 60 человек. Нарастающий беспокоящий огонь по высоте 147,6…

Около полудня 1 декабря, когда погода улучшилась, мы увидели воздушный бой двух немецких и двух русских истребителей; никто не был сбит. Думаю, у наших ребят кончался бензин, потому что они неожиданно отвалили, и русские их не преследовали.

Вечером нам пришли плохие новости, что командир полка оберст Гроссе не пережил тяжелой раны и призван в небесное воинство. Ему было пятьдесят семь. Мы все уважали и почитали его как человека и офицера. Кто его заменит?

Потери продолжались, и пополнений не было. Тыловые части перетряхивались снова и снова. Каждый, без кого можно было обойтись, отправлялся на передовую.
Пришла зима – по крайней мере, по календарю. В ночь на 2 декабря лег снег. Все вокруг, насколько простирался взгляд, было бело. Снег мне казался огромным саваном, из сострадания

прикрывшим всю здешнюю нищету.

Штаб LI АК: *16.40 2 декабря 1942 г. Под прикрытием мощного артиллерийского огня пехота противника при поддержке отдельных танков продвинулась до наших позиций на [высотах] 135,4—144,4. Атака была подавлена нашей артиллерией. Два удара с 3 танками и противотанковыми орудиями в направлении высоты 147,6 также были остановлены нашим оборонительным огнем…*

4 декабря 1942 г.

4 декабря я позвонил своему кузену Вили Нуссбауму. Он был недалеко, со штабом майора Вота, в 79-м пехотном/панцергренадерском полку. На следующий день мы попытаемся встретиться.

Наши солдаты были твердо уверены, что нас вызволят из этого котла, я тоже так думал. Над нами незримо висел лозунг: «Держись, фюрер тебя вытащит!» А до тех пор мы будем держаться всеми средствами.

Штаб LI АК: *20.34 4 декабря 1942 г. К северу от Орловки отбиты две штурмовые группы противника – каждая по 30 человек. Две группы противника, готовящиеся к атаке в направлении [высоты] 147,6, уничтожены. Артиллерийский и минометный беспокоящий огонь на северо-восточном и северном фронтах…*

5 декабря 1942 г.

Штаб LI АК: *15.50 5 декабря 1942 г.*

Никаких боевых действий, не считая слабого беспокоящего огня противника…

Мне и в самом деле удалось немного поговорить с кузеном. Раньше мы ни разу друг друга не видели, но сразу друг друга узнали. К сожалению, каждого звал долг службы, и мы надеялись, что найдем еще одну возможность поговорить. 5, 6 и 7 декабря дорого обошлись 276-му «рестбатальону» (буквально – остаткам батальона) кампфгруппы Краузе. 5 декабря на высоте 147,6 убит обер-лейтенант Шульц, лейтенант Пильц – на железнодорожной насыпи. 7 декабря на насыпи пулей в голову убит лейтенант Бауман. Кроме них, настал час и для старых знакомых рядовых и унтер-офицеров, как мой связной Курт Вильман, обер-ефрейтор Кёрнер (ранее в 8-й роте), унтер-офицер Фельдман и другие опытные солдаты.

Штаб LI АК: *16.45 6 декабря 1942 г. Разведка боем в направлении [высоты] 145,1 группой противника в 50 человек отбита 16-й ТД. В двух километрах к северу от высоты 147,6 была замечена высадка примерно 150 человек из грузовиков и подвергнута артиллерийскому обстрелу. Атака противника силой*

до батальона к востоку от [высоты] 422 отражена в 15.30…

Солдаты, страдающие от желтухи, были вынуждены оставаться в войсках. Желтушных больных возвращали в свои части из полевых госпиталей. Если так продлится и дальше, нам придется заступиться за себя, когда настанет наш черед. Русские были намерены выбросить нас с нашей слабой оборонительной линии раз и навсегда – по контрасту с северной блокирующей позицией – и захватить решающе важные высоты 147,6, 144,2 и 135,4, лежавшие к югу от железной дороги. Чудеса, которые творили мои товарищи на передовой, трудно представить – оборона в снегу и холоде без конца. Они были плохо снаряжены для этого, и все же они упорно обороняли каждый квадратный метр.

Штаб LI АК: *20.40 6 декабря 1942 г. 16-я ТД отбила атаку вражеской группы силой около 50 человек, направленную на высоту 145,1, и две атаки силами батальона – первую в 14.00, а вторую в 17.00 – на наши позиции между [высотами] 147,6 и 145,1. Выгрузка к северо-востоку от 147,6, перехваченная нашей артиллерией, движение перед 16-й ТД в направлении их правого крыла и продолжающееся снабжение сил противника в направлении от Ерзовки на примерно 70 грузовиках к району молочной фермы у ориентира 714 позволяет ожидать 7.12 дальнейшие наступательные намерения противника против 24-й ТД и 16-й ТД. Танки пока не наблюдались…*

Наши соседи слева были не в лучшей форме. Из того, что я мог заключить, у них было лучше с зимней формой, но они имели дело с теми же жестокими оборонительными боям, что мы. Тем временем «кампфгруппа Краузе» была подчинена «кампфгруппе Райниш». Правый фланг 79-го панцергренадерского полка и левый фланг остатков бывшего 276-го гренадерского полка – теперь называвшегося «кампфгруппой Краузе» – вновь и вновь оказывались на острие вражеских атак. Бои бушевали в основном вокруг высоты 147,6. «Иван» постоянно атаковал силами роты при поддержке танков. Линия фронта дважды была прорвана, и пока что нашим солдатам удавалось отбросить противника. Но сколько это еще могло продолжаться?

Отдел IIa штаба 6-й армии: *6 декабря 1942 г.*

Всего потерь за время с 21.11. по 5.12.1942:

94-я ПД: 981;

16-я ТД: 699;

24-я ТД: 584.

Штаб LI АК: *16.45 6 декабря 1942 г. Отбита атака силами 60 человек в направлении от Спартаковки. К северу от [высоты] 145,1 нашей артиллерией подавлено две роты на лыжах…*

Глава 5 94-я пехотная дивизия расформирована

8 декабря 1942 г.

Ситуация требовала, чтобы наш командный пункт был выведен из дубравы. В ночь на 9 декабря он был оттянут на высоту 108,8. Не знаю, что здесь располагалось до нас. Может быть, пост связи артиллерийской части?

Штаб XI АК: *суточная сводка от 8 декабря 1942 г.*

16-я ТД: контратака на высоты 0,6 и 145,1 в 14.00 с танками, пехотой на броне и бронетранспортерами – при поддержке артиллерии – увенчалась полным успехом. В смелых атаках высота 0,6 была взята в 14.30, а высота 145,1 – в 17.00. Противник бежал на север и понес тяжелые потери. В настоящий момент старая линия фронта очищена от пехоты противника и занята нашей пехотой, в частности между высотой 145,1 и ориентиром 422…

К северу от 147,6 противник силами двух рот продвинулся до высоты…

9 декабря 1942 г.

Штаб XI АК: *утренняя сводка от 9 декабря 1942 г.*

16-я ТД: минометный беспокоящий огонь в правом секторе дивизии. К северу от 147,6 шум моторов и движение по линии фронта противника…

9 декабря мы получили нового командира. Зачем оберсту Штефлеру – так он нам представился – нужно здесь быть, я не знаю. Я также не очень понимал, для чего нужен штаб полка. Немногие оставшиеся войска относились к «кампфгруппе Райниш». У нас были лишь административные обязанности, мы, кроме прочего, должны были хранить пайки, а также добывать зимнее обмундирование. Я был рад, когда узнал, что наши товарищи из 16-й танковой дивизии помогали нашим бойцам с зимним обмундированием. Неся свою часть бремени оборонительных боев вокруг высоты 147,6, «кампфгруппа Краузе» наслаждалась хорошими отношениями с товарищами из 79-го панцергренадерского. Не чувствуя себя посторонним придатком, как это было в прошлые недели, когда нас придавали другим частям, теперь они были членами боевой семьи. Особенно этому способствовали тяжелые оборонительные бои, еще бушевавшие 11 декабря. Когда русским удалось создать локальный прорыв, их быстро отбросили контратакой. Все понимали, что, если они пробьются через нас, с севера они окружат весь город.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 9 декабря 1942 г. 16-я ТД: в 13.00 она с танками и полугусеничной техникой смогла лишь сделать прорыв к западному склону высоты 141,0, занятой танками и противотанковым оружием противника. Одновременная атака противника, проведенная превосходящими силами с несколькими танками, привела к потере высот 0,6 и 145,1…*

Я сопровождал своего нового командира, оберста Штефлера, в различные штабы, чтобы он мог войти в ситуацию. Мы узнали, что десять человек из дивизионного штаба, включая генерала Пфайфера, должны были по воздуху покинуть котел и принять назначение снаружи. Я понял, что наша дивизия должна передать остатки полков другим дивизиям в качестве подкрепления и что, находясь снаружи, они могут больше сделать для нас, сидящих в котле. (10 декабря 1942 г. в штаб 94-й дивизии пришел следующий приказ, подписанный начальником штаба 6-й армии генерал-майором Артуром Шмидтом: «Генерал-лейтенант Пфайфер, командр 94-й ПД, получает назначение «полномочным представителем главнокомандующего 6-й армии вне крепости Сталинград». Он забирает с собой штаб и 11.12.1942 вылетает из окружения в Морозовскую». – *Прим. зарубежного издателя.*)

12 декабря 1942 г. 12 и 13 декабря шли тяжелые оборонительные бои. Пайки стали худеть. К счастью, у нас еще оставались лошади, которые теперь распределялись между всеми дивизиями. Из них и состоял в основном наш рацион. Когда брались пленные, наши солдаты сперва искали у них что-нибудь съедобное.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 12 декабря 1942 г.*

16-я ТД: …рано утром слабые удары противника в направлении [высоты] 147,6 и к востоку от нее отбиты с использованием артиллерии. Днем слабый минометный обстрел наших позиций, как и в предыдущие дни.

Потери *:*

16-я ТД: 6 убитыми, 36 ранеными (из них 12 остались в своих частях), 10 пропало без вести.

Подчиненные части: 1 убитый, 7 раненых (из них 2 остались в своих частях).

Штаб XI АК: *суточная сводка от 13 декабря 1942 г.*

16-я ТД: рано утром атака высоты 139,7 и к западу от нее силами 120 человек была отбита с потерями у противника.

В 09.00–11.00 установилось движение противника силами роты на северо-западном и юго-восточном направлениях от высот 145,1 и 139,7.

После особенно сильной артиллерийской подготовки из

«сталинских органов», артиллерии и минометов противник атаковал в 13.00 к востоку и юго-востоку от высоты 139,7 с 3–5 танками и пехотой. Атака отбита. Весь день противником велся тяжелый минометный обстрел у Ref. Pt. 422. Потери здесь остаются высокими.

***Потери** :*

10 убитыми, 22 ранеными, 1 пропал без вести.

14 декабря 1942 г. Наш новый командир, оберст Штеффер, исчез так же неожиданно, как появился в нашем штабе. Его гастроли у нас длились пять дней. Замещать его поставили майора фон Нордхайма, последнего командира 194-го панцергренадерского. Его задачей было завершить еще длящиеся дела 276-го гренадерского полка и распустить его штаб. Майор фон Нордхайм был жизнерадостным резервистом лет 50. В гражданской жизни он директорствовал в фирме MAN в Нюрнберге. Он был страстным охотником и пытался коротать вечерние часы побасенками о своих охотничьих приключениях, заставляя нас забыть о тех жалких условиях, в которых мы находились.

***Штаб XI АК:** суточная сводка от 14 декабря 1942 г. 24-я ТД: …15.12 группа Брендель передаст взвод легких пехотных пушек 13-й роты 276-го гр. п. 11-й роте 276-го гр. п. у расположения 16-й танковой дивизии…*

16 декабря 1942 г.

16 декабря температура еще раз поднялась выше нуля. Однако ночь на 17 декабря снова принесла жесткий мороз и лютый ледяной ветер.

Мы узнали, что нас распускают к 31 декабря 1942 года. Майор фон Нордхайм предложил мне выбор между 24-й и 16-й танковыми дивизиями. Думать было не о чем – я попросил перевести меня в 16-ю танковую, где я буду с товарищами, последними солдатами моей старой 7-й роты. Мою просьбу удовлетворили и составили соответствующие документы.

Штабной портной взял кусок овчины и сшил мне шапку и пару рукавиц. По крайней мере, теперь у меня будет что-то теплое на голове и руках. 16 и 17 декабря снова были трудными днями для 79-го панцергренадерского полка – столь же трудными, как для остатков моей роты и, соответственно, для моего батальона. Противник снова пытался прорвать линию фронта с танками и артиллерийской поддержкой. Неся тяжелые потери, мы отбивали русские атаки.

Просто невероятно, как с этим справлялись мои товарищи. Ледяной ветер с острыми кристаллами льда хлестал сквозь любую дыру в одежде. Летя на огромной скорости с востока, он

мел по голой степи. Все искали от него укрытия; даже снеговой стены было достаточно, чтобы остановить ветер. Без крайней необходимости никто не выходил из домов и блиндажей. Однако, когда было нужно, все двигались бегом, чтобы быстро перебираться от укрытия к укрытию.

Мы были счастливы, когда через четыре дня ветер стих. 23 декабря начался беспрестанный снегопад.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 16 декабря 1942 г. 16-я ТД: легкий артиллерийский и минометный беспокоящий огонь в секторе дивизии, сосредоточенный в основном на [высотах] 145,1 и 147,6. В 12.00 сильный заградительный огонь из минометов и противотанковых пушек на [высоте] 147,6.*

Штаб XI АК: *суточная сводка от 17 декабря 1942 г. 16-я ТД: минометный беспокоящий огонь в утренние часы по [высотам] 145,1 и 147,6, кроме этого, весь день было тихо. Противник окапывается впереди своей передней линии.*

24 декабря 1942 г.

Снабжение через Люфтваффе было не столь надежным, как мы надеялись и как нам обещали. (Снабжение по воздуху, обещанное Германом Герингом, даже близко не соответствовало необходимому уровню. Минимум, требуемый 6-й армией, был 500 тонн в сутки. Лучшим днем для перевозок было 19 декабря, когда прибыло 147 самолетов, привезших 3 тонны боеприпасов, 30 кубометров топлива и 225 тонн продовольствия. – *Прим. зарубежного издателя* .) Пайки были все скуднее, и боеприпасов оставалось все меньше. Приходилось беречь их, как никогда ранее. Нам необычайно повезло, что у нас еще оставались лошади. Их также равномерно распределяли, чтобы у каждого было хоть что-то. Наш снабженец пытался добыть немного продовольствия на рождественский Сочельник. Наши товарищи на передовой получили по целой буханке хлеба вместо обычных 200 граммов. Каждый получил дополнительную порцию конской колбасы. Было еще немного красного вина, но его не хватало на всех, так что полевая кухня сварила пунш, и каждый получил свою долю. Кроме того, каждый получил по десять сигарет.

Ночью мы слышали гул авиамоторов. Русские, обнаружив, что наши самолеты ночью сбрасывают контейнеры снабжения и боеприпасы, зажигали маяки, такие же, как наши. В результате многие контейнеры приземлились у «Ивана» и на ничейной земле. Потеря каждого контейнера была для нас большой потерей.

Около 20.00, согласно приказу майора Нордхайма, остатки штаба полка собрались в самой большой комнате бункера. Ветка сосны (где они ее только взяли) заменяла рождественскую ель.

Хриплые солдатские глотки пели «Тихую ночь, святую ночь». У многих из них стоял ком в горле. После этого к нам обратился майор Нордхайм. Он указал на серьезность положения и что те из нас, кто сейчас на Востоке – далеко от дома и своих любимых, – сражается за наш народ. Он закончил словами: «И не в последнюю очередь мы должны нашим павшим товарищам продолжать исполнять свой солдатский долг». За этим последовала песня «О, радостно». После этого десять товарищей спели «Стоит солдат на Волге» из «Царевича» (оперетта Легара. – *Прим. пер.*). В завершение мы все спели «О елочка».

Потом мы вернулись в окопы. По лицам товарищей я видел, что их мысли тоже были дома, как и мои. Не раз в последние годы мы отмечали Рождество в столь унылой ситуации. Я написал моей дорогой маленькой женушке, не выдавая мрачных чувств и неопределенной угрозы, нависшей над нами. Она уже беспокоится. Стоит ли добавлять ей беспокойства в это темнейшее из темных времен?

Связь с германским радио принесла рождественские поздравления родине со всех фронтов. Мы слышали товарищей с севера Норвегии, Африки и из Сталинградского котла. Рейхсминистр пропаганды, доктор Геббельс, обратился от лица родины к солдатам на фронте.

Глядя на эти расстояния на карте, нам, уроженцам Центральной Европы, они показались огромными. И какие трудности снабжения нам приходилось решать здесь, в России. Мы слышали из разных мест, что танковые части из армейской группы фон Манштейна шли с юго-запада на прорыв окружения. Эта весть окрылила нас, хотя мы сами знали, как трудно им будет наступать после таких тяжелых снегопадов. Тем не менее мы были убеждены, что командование не оставит нас в беде.

Весь день 24 декабря шел снег, такой, что дальше десяти метров перед собой ничего не было видно. Откуда только взялась эта гадость! Слава богу, в нашем секторе было тихо. Противник, кажется, тоже был застигнут погодой врасплох.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 24 декабря 1942 г.*

16-я ТД: в 11.00 противник атаковал высоту 139,7 силами 150 человек в белых маскировочных костюмах со штурмовыми ранцами. Атака отбита артиллерийским огнем и огнем пехоты.

В течение дня имело место оживленное движение по всему фронту дивизии. Противник также укреплял свою передовую линию. Дивизия предполагает ночные атаки противника на свой левый сектор…

25 декабря 1942 г.

Мы ошибались насчет «Ивана» – ровно в 05.00 25 декабря нас

разбудил шум боя. Удары артиллерийских снарядов, вой «сталинских органов» и разрывы мин были слышны совсем близко – на левом фланге «кампфгруппы Райниша». Теперь доносился и треск танковой пушки. Штаб незамедлительно был поднят по тревоге. Майор фон Нордхайм позвонил на командный пункт Райниша и узнал, что русские атакуют левый фланг 16-й танковой дивизии танками и крупными силами пехоты. Бой бушевал даже левее сектора Райниша. Звуки боя не смолкали весь день. Выдержат ли натиск наши солдаты? Мы все надеялись, что да, хотя все мы знали, как это трудно.

С каждым часом снег становился все глубже, и двигаться в нем становилось все сложнее. В такой ситуации с трудом получается брести, не то что бежать.

Вечером мы узнали, что, несмотря на тяжелые потери, противник смог взять высоту 139,7. Наши потери тоже были высоки.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 25 декабря 1942 г.*

16-я ТД: около 07.00 после прорыва у стыка с левым соседом (60-я пехотная моторизованная дивизия. – Прим. зарубежного издателя) противник смог взять высоту 139,7 с запада силами батальона с поддержкой танков. Дивизия понесла тяжелые потери от плотного минометного, артиллерийского и танкового огня. Наша контратака, начавшаяся в 11.30 силами танков и полугусеничной техники, пробилась лишь к южным подступам 139,7. В настоящее время на высоте 139,7 остаются крупные силы противника. Мы понесли тяжелые потери танков и полугусеничной техники. Бои продолжаются. Всего появилось 14 танков противника.

Дополнение к суточной сводке: *вследствие плотной концентрации пехоты и противотанковых орудий, не представляется возможным вернуть высоту 139,7 до наступления темноты.*

В 16.00 по высоте 145,1 производился 30-минутный минометный и артиллерийский заградительный огонь. В течение дня по правому сектору дивизии велся тяжелый артиллерийский и минометный беспокоящий огонь, а также атака противника силами взвода на 147,6 и ориентир 422.

Задача дивизии: *левое крыло 16-й ТД вместе с правым крылом 60-й ПД возвращает [высоту] 139,7 до рассвета 26.12. и затем в месте прорыва выпрямляет позицию к северо-западу.*

Потери: *16-я ТД: 7 мертвыми, 11 ранеными, 3 обмороженными, 2 пропавшими без вести и 1 больной. Дальнейшие потери – около 60 человек.*

Потери противника: *50 пленных, 80 убитых обнаружено, уничтожен один Т-34 и один Т-60.*

26 декабря 1942 г. Рано утром 26 декабря, около трех часов, с севера донеслись звуки боя. Запрос в штаб Райниша показал, что наша атака высоты 139,7 была отбита окопавшимися русскими. Последовавшая за этим атака русских не увенчалась успехом. И наши товарищи получили приказ окапываться, строить ночью блиндажи – в глубоко промерзшей земле под артиллерийским и минометным обстрелом – и, при всем при том, быть непрерывно готовыми подняться и отбить атаку.

Штаб XI АК: *утренняя сводка от 26 декабря 1942 г.*

16-я ТД: атаки противника в течение ночи – каждая силами примерно 50 человек, – нацеленные на [высоту] 147,6, в 01.00 и 03.00, а также на ориентир 422, были отбиты.

В 03.00 усиленный противник на [высоту] 139,7 осторожно выдвинулся на юг. Атака для возвращения высоты 139,7 начата в 03.00. Атака на [высоту] 139,7 к 06.00 была отбита. Она проводилась 4 танками, 8 полугусеничными бронетранспортерами, 3 самоходными легкими полевыми гаубицами и одной ротой численным составом 130 человек. В настоящее время они в полковой балке.

В настоящий момент русские атакуют с [высоты] 139,7 на юг силами батальона…

Штаб XI АК: *донесение в LI АК, 26 декабря 1942 г. …с начала атаки имели место тяжелые снежные бури, не только уменьшая видимость до 40 метров, но и делая невозможным слышать звук приближающихся танков…*

Штаб XI АК: *суточная сводка от 26 декабря 1942 г.*

16-я ТД: атака по возвращению высоты 139,7 имела лишь частичный успех. Несмотря на сильный противотанковый огонь, наши танки и полугусеничные машины пробились к высоте. Однако они не смогли выстроить непрерывную линию обороны со стрелками. Ситуация на высоте остается в настоящий момент неясной…

Потери *:*

16-я ТД: 1 офицер убит, 1 офицер ранен. 17 солдат убиты, 87 ранены, 36 пропали без вести, 7 обморожено.

27 декабря 1942 г.

Вечером 27 сентября неожиданно появился мой фуражир Грегулец. Он беспокоился о лошадях, укрытых где-то в городе. Грегулец был очень расстроен. Он доложил: «Там не наберется и щепотки фуража. В любом случае самых слабых животных уже забили. Большинство забьют. Когда добывают что-то, годное в качестве фуража, его дают самым сильным, чтобы они прожили чуть дольше. Герр обер-лейтенант, до сих пор я мог сохранить вашего Мумпица живым. Но теперь, даже если бы я хотел, я не

могу».

Я слишком хорошо его понимал, моего старого фуражира, крестьянина из Верхней Силезии. Годами он ходил за лошадьми роты и уже помог им пережить тяжелую зиму 1941/42 года. Теперь он стоял передо мной, беспомощный, не имея возможности спасти своих четвероногих друзей. Без нужных припасов он был беспомощен, как и все мы.

Мы мрачно переглянулись, и я сказал: «Тогда ты должен забить и моего Мумпица». Мы попрощались друг с другом крепким рукопожатием, и Грегулец исчез снаружи. Я помолился за Мумпица. Я с трудом подавлял мрачные мысли, охватившие меня. Мой ездовой конь останется у меня в памяти сильным, полным жажды жить и, в некотором роде, любителем пакостей. Он был конем-плутом.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 27 декабря 1942 г. 16-я ТД: никаких происшествий, кроме артиллерийского и минометного беспокоящего огня в секторе дивизии…*

28 декабря 1942 г.

Если не случится ничего неожиданного, через три дня я вернусь в свою роту. Теперь она называлась 1-й ротой 79-го панцергренадерского полка и относилась к 16-й танковой дивизии – но все же это были все те же солдаты из моего старого II батальона 276-го гренадерского. Нам добавили только гауптфельдфебеля прежней 1-й роты 79-го панцергренадерского полка и его обоз. Гауптфельдфебель занимался снабжением.

Майор фон Нордхайм хотел, чтобы мы провели Новый год с ним, потому что 276-й гренадерский полк 1 января 1943 года прекратит существование. Весь штаб будет распущен, офицеров и солдат распределят в войска 16-й или 24-й танковой дивизии.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 28 декабря 1942 г.*

16-я ТД: в результате сильной противотанковой, минометной и артиллерийской обороны атака по возвращению высоты 139,7 рано утром не имела успеха. На максимально узком пространстве одних противотанковых орудий противника насчитано более 16.

Дивизия удерживает линию, захваченную на настоящий момент, и выстроит новую линию из серии укрепленных пунктов: балка Финк – 800 м к югу от [высоты] 139,7 – левый фланг 1-го артиллерийского гренадерского батальона. Новая разделительная линия с левым соседом: высоты 143,6, 119,7 (60-я ПД), 129,6 (16-я ТД)…

Потери техники: *2 PzIII с длинной пушкой, 1 PzIV с длинной пушкой.*

Потери: *1 офицер убит, 4 ранено (2 остались в своих частях);*

13 рядовых убито, 44 ранено (14 осталось в своих частях);

48 пропало без вести, 9 больных, 19 обмороженных.

Грегулец прислал связного, который сообщил, что мой ездовой конь умер той же ночью, когда его должны были забить. Я не поверил, но счел, что это милосердная ложь, ведь Грегулец знал, как я был привязан к моему Мумпицу.

31 декабря 1942 г.

31 декабря, в последний день этого судьбоносного года, снег не шел. Повар из полкового штаба смог раздобыть немного конины сверх пайка. Полковой казначей раздобыл немного алкоголя. В полночь, выпив чаю и спиртного, мы вошли в новый год. Майор фон Нордхайм, обер-лейтенант Кельц, оберцальмейстер Кнопп, лейтенант Хоффман, обер-лейтенант Фёрч и я, самый младший из собравшихся. Мы были в нетерпении, но в то же время спокойны и уверены. Через несколько часов нам предстоит расстаться и получить новое назначение. Никто из нас не знал, увидимся ли мы еще раз. Поздно ночью мы сели и болтали обо всем.

Перед тем как отправиться в роту, я доложил майору фон Нордхайму и попрощался с новыми товарищами по штабу, которые тоже готовились доложиться о прибытии в своих новых частях.

Мое зимнее обмундирование не подходило для передовой: зимних сапог не было, только обычные, галифе и обычный китель, под которыми рубаха, подштанники и свитер, пара шерстяных носков, обычная шинель, овчинная шапка и рукавицы. В сухарной сумке лежали умывальные и бритвенные принадлежности. Больше у меня ничего не было.

Глава 6 Остатки 276-го Гренадерского Теперь – часть 1-го батальона 79-го панцергренадерского полка

1 января 1943 г.

Бредя по снегу, я вспотел. Без ветра холод почти не воспринимался. Когда температура падает ниже минус двадцати, уже трудно понять: минус двадцать сейчас или минус сорок. Чувствуешь лишь то, что вокруг чертовски холодно.

Мне нужно было дойти до командного пункта «кампфгруппы Краузе», который был где-то в Орловской балке к югу от высоты 147,6. Все остатки бывшего 276-го гренадерского полка находились под командованием гауптмана Краузе. Нашим командиром был оберст Райниш из 79-го панцергренадерского.

Дойдя до балки, мне пришлось несколько раз спрашивать, где я могу найти гауптмана Краузе. В этой узости, которую тысячи лет углубляла непогода и у которой было несколько боковых ответвлений, как ласточкины гнезда, теснились блиндажи. В зависимости от склона эти бункеры стояли то выше, то ниже. Некоторые стояли прямо у тропы, к другим вели земляные ступени. На скользком грунте приходилось ступать с осторожностью. Узкая полоска, по которой много ходили в последние дни, стала гладкой, как стекло.

Гауптману Краузе уже доложили о моем прибытии. Прием, оказанный им и лейтенантом Герлахом, был серьезным, но очень теплым. Мы с Краузе хорошо ладили с тех самых пор, как познакомились после Польской кампании, когда нас обоих отправили из 21-й пехотной дивизии в 94-ю, в Кёнигсбрюк под Дрезденом, в место формирования новой части на тамошнем полигоне.

– Ну, вот вы и пришли. Как самочувствие, герр Холль?

– Вполне, герр гауптман, в зависимости от обстоятельств. Я бы предпочел сказать «хорошо».

– Ну, здесь не лучше. Постоянные потери, чрезвычайно скудный паек, мало патронов, их приходится экономить. И этот чертов холод!

– И это тоже дает мне повод для беспокойства, герр гауптман. Посмотрите на мою форму. В таком виде на передовой я буду заманчивой мишенью для противника.

– Вы правы. К счастью, у нас еще осталось зимнее

обмундирование, переданное нам 16-й танковой дивизией. Герр Герлах, не могли бы вы снабдить герра Холля всем необходимым? Давайте посмотрим на карту. Мы образуем правый фланг 79-го панцергренадерского полка. Слева от нас старый первый батальон полка под командованием майора Вота, к которому мы сейчас относимся. Но, в соответствии с приказами, до дальнейших распоряжений как кампфгруппа мы подчиняемся непосредственно полку. Это означает, что наши люди остаются с нами, поскольку мы их лучше знаем. Справа от нас – левый фланг 24-й танковой дивизии. Наш непосредственный сосед – батальон Люфтваффе гауптмана Мато. (Стрелковый батальон, сформированный из личного состава Люфтваффе, состоял из пяти рот: 1, 2 и 3-я роты были стрелковыми ротами, 4-я рота содержала тяжелое оружие и 5-я была – по ошибке – 4-й ротой 7-го десантного батальона зенитных пулеметов. 5-я рота была уникальной и существовала в единственном числе. Она была сформирована из молодых элитных парашютистов и делилась на четыре взвода: два, вооруженные 5-см противотанковыми пушками, два – 2-см зенитными пушками. Ее первоначальная численность составляла 5 офицеров и 250 унтер-офицеров и рядовых. С первого боя под Сталинградом в середине сентября она несла тяжелые потери, включая потерю 5 офицеров, но действовала хорошо. Гауптман Мато первоначально командовал 1-й ротой, но принял командование батальоном 14 сентября, после ранения предыдущего командира, гауптмана Шервица. Мато командовал батальоном вплоть до пленения 2 февраля 1943 г. Мато умер в лагере для военнопленный в Орадах в марте 1943 г. – *Прим. зарубежного издателя* .) Затем наши товарищи из 267-го гренадерского полка, переданные 24-й танковой дивизии. Здесь тоже не было подвижек личного состава. Кстати, люди из Люфтваффе – надежные товарищи, в последние дни сильно занятые в обороне. Когда солдат вечером покормят, можете пойти с лейтенантом Аугстом снова принять свою роту. Аугст даст вам более развернутый отчет о положении на передовой. У него и его людей был сегодня тяжелый день. С утра пораньше «Иван» еще раз атаковал высоту 147,6, которая сейчас находится под непрерывным артиллерийским обстрелом. Однако солдаты из батальона Воты отбили атаку. Мы хорошо готовы к неотложным действиям.

– Я понял, что на передовой что-то происходит, еще по пути. Ветер доносил звуки боя на западе. Он не показался мне серьезным.

– Скоро вы сами поймете, что глубокий снег гасит звук разрывов. Звуковая волна поглощается снегом и не производит

обычного шума.

Тем временем лейтенант Герлах принес мне камуфлированное обмундирование и пару войлочных сапог. Несколько минут спустя я влез в форму. Лишний объем внутри сапог (я носил 39-й размер) заполнили две пары портянок. Теперь я был неотличим от моих товарищей.

– Герр гауптман, до того как я пойду к своим, я бы хотел увидеть гауптфельдфебеля 1-й роты 79-го панцергренадерского полка Бигге. Я с ним незнаком, но мне нужно знать своего нового шписа.

– Да, так и сделайте. Я уже познакомился с ним, он человек методичный.

Я перекинулся несколькими словами с лейтенантом Герлахом и дал отвести себя туда, где я мог найти нового гауптфельдфебеля. Выйдя из блиндажа, я еще слышал разрывы снарядов. Они доносились с северо-запада.

«Комната», где обитал гауптфельдфебель Бигге и еще несколько человек, не очень отличалась от прочих блиндажей. Большая их часть была два на три метра, редко больше. Их выкапывали в глинистых склонах балки. Таким образом экономился материал, учитывая, что дерева не хватало. Потолок, служивший также и крышей блиндажа, был сделан из железнодорожных шпал. Поверх него лежал грунт, вынутый при строительстве. Передняя стена была дощатой, а боковые и задняя стены были из того материала, из которого состояла балка, – а именно земляные или глиняные. Вдоль стен стояли двухъярусные нары для сна и нечто странное, служившее, очевидно, печью. Здесь невозможно было жить без отопления. А нужда заставит быть изворотливым.

Я приветствовал Бигге и представился как новый командир роты. Будучи 169 сантиметров роста, рядом со шписом я оказался ниже: он был выше на голову. Судя по акценту, проявившемуся, пока он мне отвечал, он был саарец.

– Сколько у нас человек боевого состава?

– Лейтенант Аугст и 48 унтер-офицеров и рядовых.

– Приходили ли пополнения в последние дни?

– Герр обер-лейтенант, люди постоянно приходят и уходят. Легкими ранениями занимается батальонный врач и как можно скорее отправляет их обратно в роту. Позвольте вас попросить, если вы собираетесь отвести меня к ширмейстеру (унтер-офицеру, ответственному за ремонт техники). Мне нужно кое-что с ним обсудить. Заодно и познакомитесь с ним.

Я согласился. Мы пошли туда вместе. Обиталище ширмейстера – его звали Шульц – выглядело точно так же.

Комната была в лучшем случае два на три метра. Считая Шульца, нас было четверо, мы заполнили землянку до отказа. Железная печь цилиндрической формы гудела на пределе мощности. Здесь было почти слишком жарко.

Пока Бигге обсуждал с товарищами официальные дела, а я стоял и слушал, раздалось неожиданное «уфф»… и мы оказались в огне. Я был потрясен – единственный выход загораживала стена огня! Мы были сами себе злейшими врагами. Жар был невыносим. Хотя прошло всего несколько секунд, они показались нам вечностью!

Ширмейстеру это оказалось не в новинку: он сгреб одеяло с нар и набросил его на полную канистру бензина, стоящую у входа. Затем он взял свою тяжелую шинель и набросил поверх. Чудо – за несколько секунд огонь погас. Однако теперь мы не могли дышать от дыма, заполнившего эту небольшую коробку. Я выскочил наружу и глубоко вдохнул свежий холодный воздух. Остальные тоже вышли.

Бигге был в ярости и набросился на ширмейстера: «Черт бы вас побрал, вы что, не знаете, что канистры с бензином запрещено хранить в натопленной комнате! Поставьте ее куда-нибудь, где она не может взорваться!»

Бигге и Шульц извинились передо мной.

Тем временем я отошел от потрясения, поняв, что случилось.

Мы, пехота, еще как-то разбирались в овсе и торбах, но ничего не понимали в горючем. Я должен был это признать. Я командовал ротой в моторизованной части, но у меня не было водительских прав – не говоря уже о малейшем понятии о том, как работает мотор. Но сейчас это было неважно. Нам нужно было лишь держаться и продержаться любыми средствами. Нас всегда будет меньше, а противника – больше. Мы все были настроены решительно и хотели держаться до последнего.

Я пошел в роту с подносчиками продуктов. Несколькими неделями раньше мой гауптфельдфебель мог просто приехать на передний край с вместе поваром и привезти пищу в полевой кухне. Теперь шестеро несли три канистры, в которых, увы, плескалась лишь «теплая пища». Бигге нес в мешке несколько кусков хлеба и сало. Мы шли гуськом по утоптанной тропе. Я замыкал цепочку. Каждый отчаянно пытался не упасть. Никто не разговаривал. Минут через десять мы дошли до ротного командного пункта. Это была яма метров двух в поперечнике.

Вышел мой второй по старшинству лейтенант Аугст и шепотом заговорил с гауптфельдфебелем. Тем временем я вошел в так называемый блиндаж. Помещение освещала грубая лампа. От железной канистры, превращенной в печь, шло слабое тепло.

На ноги поднялись трое. Это были Павеллек, Неметц и Грюнд – наш ротный брадобрей. Я был счастлив снова видеть их надежные лица. Очень важно знать солдат, с которыми ты служишь, особенно во время испытаний. Солдат, которые годами вместе, которые знают друг друга в радости и в беде. Ты знаешь их сильные стороны и слабости. Ваша уверенность друг в друге сильнее, чем с новыми пополнениями. Это не значит, что можно принижать тех, кого не знаешь. Это просто факт, который знают все.

Я пожал руки всем троим и спросил Павеллека:

– Юшко, что ты здесь делаешь? Я думал, ты уже дома, как счастливый супруг!

Старый армейский «конь» мрачно ответил:

– Было бы прекрасно, но не судьба. Я доехал до Калача; оттуда надо было ехать домой на поезде. И тут началось: русские явно прорвались через румын. Ходу им до моста через Дон всего ничего. Идиоты, они действовали, как тыловики – один сказал «ой», и остальные сказали «ах!». Если бы там были регулярные части вроде нас… Все было бы по-другому. Герр обер-лейтенант, мы с нашими могли бы там закрепиться и организовать оборону!

Я хотел его успокоить:

– Ну, сомневаюсь, что мы справились бы лучше.

– Но меня блевать тянет от того, что вышло! Когда русские наконец появились на берегу Дона – лишь день спустя, – настал конец моему отпуску. Тогда я поспешил добраться обратно в свою роту.

– Господи, Юшко, и ты не подумал об аэропорте, ты, старый проныра?

– Нет, как-то не подумал.

Меня тронуло его невезение; но я был рад, что он снова со мной.

– А наш Фигаро, сколько ты уже на фронте?

– Уже три недели. Как герр обер-лейтенант знает, все теперь на фронте. Герр лейтенант Аугст использовал меня связным в группе управления, после того как убили обер-ефрейтора Вильмана.

– Неметц, кто еще здесь из нашей старой толпы?

– У нас еще 8 человек из нашей роты, с остальными из нашего батальона уже 24, остальные пришли из других частей. Это в основном штабные, артиллеристы, радисты, водители и так далее. Пехотный опыт у них маленький, но они служат, не ворча. У нас даже наблюдателями служат унтер-офицеры.

– Ну, чины уже не считаются. Теперь каждый будет исполнять свой долг за наш народ и за нашу родину.

Вошел лейтенант Аугст, за ним катилась невидимая волна ледяного холода. Он быстро закрыл открывшуюся дверь, подошел к огню погреть ладони.

– Чертов холод, даже через перчатки пробирает. Добрый день, герр обер-лейтенант! Рад вас видеть. Мы сможем использовать на фронте каждого. Сегодня утром снова началось слева от нас, у батальона Воты. На высоте 147,6 было горячо. Мы готовились к контратаке, но товарищи из батальона Воты смогли дать почувствовать свой напор. Русская артиллерия, а также их тяжелые минометы старательно перепахали всю высоту. Неприцельный минометный огонь падал на нас весь день. Хорошо, что по ночам тихо, но все равно приходится быть настороже.

Сложением Аугст был, как я, если не меньше. С черными волосами и темно-карими глазами, он сошел бы за южанина. Но хватало нескольких слов, чтобы его говор выдал в нем саксонца. Он хорошо поладил с силезцами и был умелым и надежным офицером.

– Герр Аугст, когда вы чуть позже пойдете на позиции, я хочу, чтобы вы кратко ввели меня в курс дела. Я хочу к утру быть полностью в курсе всех дел. Теперь, когда здесь появился я, хочу спросить вас, где вы собираетесь обосноваться?

– Думаю, на правом фланге кампфгруппы гауптмана Мато. Там собраны новые солдаты. Я хотел бы взять их под крыло, раз уж у них нет боевого опыта. Я поселюсь у фельдфебеля Купала.

– Не имею ничего против, вы лучше меня знаете, что нужно на передовой.

– Кстати, если вы не заметили: у нас есть прямая линия связи с гауптманом Краузе и оберстом Райнишем. Даже у самых передовых постов есть телефонная связь, чтобы поднять тревогу в случае чего. «Катушечники» теперь работают каждую ночь.

– Здорово, тогда я позвоню оберсту Райнишу и доложу о прибытии.

Я позвонил в штаб полка и доложил о прибытии в роту новому командиру и гауптману Краузе.

Потом я пошел с лейтенантом Аугстом к передовым постам. Заблудиться было невозможно. Сделав шаг вправо или влево от утоптанной тропинки, ты утопал в мягком снегу. Ночь была звездная, снег скрипел под сапогами, не было ни малейшего ветра. Можно было увидеть свой выдох от холода, он мгновенно замерзал. При выдохе сбоку от ноздрей нарастали красивые кристаллы. (Похоже, автор минимум несколько дней не брился. «Кристаллы» на лице оседают, только если там растут усы. – *Прим. пер.*) Весь пейзаж был залит белым светом, и стояла

мертвая тишина. Лишь в отдалении – от этого чертова города – были слышны звуки боя. Я молча трусил за Аугстом, став частью этой ночной сцены. Мы прибыли на первый наблюдательный пост, и дозорные шепотом отрапортовали. Все как обычно. В углу поста стоял полевой телефон. Имелась пулеметная площадка, сам пулемет был закутан в брезент, чтобы вступить в дело, когда будет нужно. На стороне, обращенной к противнику, снег был навален так высоко, что днем наблюдатель был закрыт и мог быстро добежать до поста из снеговой норы. Назвать снеговую нору жилищем было бы преувеличением. Лишь в темноте можно было разжечь огонь для обогрева, потому что днем дым выдавал расположение противнику. Следствием был прицельный минометный огонь.

Мы прибыли на второй пост. Он был самым передовым. Он стоял у самого подножия высоты 147,6. На посту тоже был телефон. Я узнал обоих дозорных: они были из других частей нашего старого батальона.

Аугст прошептал мне:

– Та высота – критическая точка сектора. За нее отвечают майор Вота и его люди.

Когда бы тут ни заварилась каша, мы поднимаемся по тревоге на случай, если нужна помощь; то же самое и с частью гауптмана Мато справа от нас. Там два подбитых танка – Т-34 и один наш, из 16-й танковой. Утром солдаты из батальона Воты смогли отбить атаку, что-то будет завтра?

Я посмотрел на высоту. В темноте было легко ошибиться, но до вершины было по меньшей мере 100–120 метров.

Нам надо было проверить еще три поста; мы не заходили в убежища, потому что людям был нужен отдых. При скудном пайке и этом адском холоде было безответственно их будить – особенно когда никто не знал, когда враг напомнит о себе. Лишь на последнем посту лейтенант Аугст вызвал фельдфебеля Купала. Как старый солдат моей бывшей 7-й роты, я хотел поздороваться с ним. Мы без слов пожали друг другу руки. Он похудел с лица, его слегка искривленный нос был таким же острым, как всегда.

– Купал, – прошептал я. – Лейтенант Аугст теперь останется с тобой и приглядит за твоим правым флангом. У тебя найдется для него место?

– Так точно, герр обер-лейтенант, для одного хватит.

– Если что-то случится, сразу же сообщи!

– Так точно, все ясно!

Я пожал обоим руки и сказал: «Берегите себя», и пошел обратно.

Теперь я полностью отвечал за сектор 150-м ширины. Что

принесет завтрашний день? Сколько мы сможем здесь держаться? На эти вопросы у меня не было ответа. Можно было только верить, надеяться и ждать.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 1 января 1943 г. 16-я ТД: беспокоящий артиллерийский и минометный огонь противника. Кроме этого, никаких происшествий.*

2 января 1943 г.

С первыми рассветными лучами на высоту 147,6 снова обрушился огонь. Я пытался связаться со вторым постом. Линия еще работала. Дозорные доложили об артиллерийском и минометном обстреле высоты, затем об огне наших пулеметов. Мои уши четко слышали звуки боя. В моем секторе было тихо, не считая рассеянного минометного огня или случайных рикошетов. Однако я приказал повысить степень готовности, на всякий случай. Ситуация может обостриться за считаные секунды.

Около полудня шум боя утих. Из запросов командования в мой сектор оказалось, что атака в секторе Воты снова была отбита. Потери были заполнены за счет расформированных частей снабжения и штабов. Нам тоже должны были прийти пополнения.

Ночь на 3 января мы тоже провели в боевой готовности. Сильная атака русских застала врасплох левый фланг группы Райниш – точно на стыке с левым соседом – и прорвала линию обороны. Противник захватил один блиндаж.

На этом жгучем холоде блиндаж (в котором было отопление) означал жизнь или смерть. Зимняя война велась с мрачной ожесточенностью, потому что кому понравится жить под открытым небом при температуре, которую можно сравнить с температурой холодильника в далеком доме?

Штаб XI АК: *суточная сводка от 2 января 1943 г. 16-я ТД: беспокоящий огонь легкой артиллерии и минометов. Кроме этого, никакой боевой активности.*

3 января 1943 г.

Наши товарищи не смогли ночью вернуть блиндаж, – не сомневаюсь, что следующей ночью попытка повторится. Мы больше не могли себе позволить дневных атак из-за недостатка тяжелого вооружения и боеприпасов. На наше состояние влиял и недостаток питания. Таким образом, нам приходилось рыть норы, позволять противнику приблизиться и держаться всеми средствами. Если мы теряли блиндаж, это не помогало – его нужно было отбить, и это приходилось делать ночной атакой врасплох.

Я не ошибся: в ночь на 4 января блиндаж стал целью наших товарищей слева и был отбит. Сколько беспокойства от этого

чертова блиндажа!

Штаб XI АК: *суточная сводка от 3 января 1943 г. 16-я ТД: беспокоящий огонь артиллерии и минометов.*

4 января 1943 г.

С 4 на 5 января снова была объявлена высшая степень готовности. Бой бушевал слева от нас, к северо-западу от высоты 147,6. «Иван» явно хотел отбить блиндаж.

Я пошел с Неметцем на передовой пост. Когда ракеты взметнулись в небо к западу от нас, на несколько секунд появился силуэт всей высоты. Нам приходилось быть начеку, потому что противник легко мог начать прорыв рядом с нами, решив, что нас отвлекут звуки боя. Ночью солдат в камуфляже трудно заметить, особенно когда ночную тишину прерывает треск пулеметов и ружейный огонь. Мы также редко использовали ракеты. Часовым было приказано экономить их.

Через некоторое время я вышел на проверку правого поста. Там я встретил лейтенанта Аугста, который разговаривал с гауптманом Мато, командиром нашего правого соседа. Так мы и познакомились. В этом секторе тоже было тихо. Тем не менее все – как и мы – были начеку, чтобы в случае тревоги немедленно развернуться.

На обратном пути на командный пункт еще была слышна перестрелка из винтовок и пулеметов, а также отрывистый лай разрывающихся гранат. Бой еще продолжался. Надеюсь, наши победят.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 4 января 1943 г.*

16-я ТД: тяжелый артиллерийский и минометный обстрел всего сектора дивизии в утренние часы. Батареей АИР обнаружены две новые батареи противника. Около 11.00 противник – впервые – поставил заградительный огонь на уровне балки и командного пункта дивизии. В 11.30 после мощной артиллерийской подготовки русские атаковали в нескольких местах на востоке сектора дивизии, сосредоточившись в основном на [высоту] 147,6. Им удалось прорваться в одном месте, к западу от [высоты] 147,6. Контрмеры в настоящее время принимаются. В 13.30 сильный артиллерийский огонь (дым) ведется по высотам 145,1 и 0,6.

Дополнение к суточной сводке *: контратака для ликвидации вражеского прорыва у [высоты] 147,6 остановлена сильным артиллерийским и минометным огнем противника. В настоящий момент прорванная позиция восстановлена. Дальнейшие контрмеры выполняются.*

5 января 1943 г.

5 января принесло плохие новости, что спорный блиндаж наконец потерян. Для нас это означало, что русские на северо-

западном склоне высоты 147,6 продвинулись чуть дальше. Повторные атаки на этот ориентир показали, что в ближайшем будущем мы будем следующими.

Мы получили обещанные пополнения из товарищей, которые служили в обозе, штабе и прочих частях обеспечения. Это была буквально малая лепта. Фельдфебели, вахмистры, унтер-офицеры, обер-ефрейторы и ефрейторы из всех частей – армия, у которой была теперь только одна цель: держаться до последнего!

Штаб XI АК: *суточная сводка от 4 января 1943 г. Рота пополнения из служб тыла 16-й дивизии: 1 офицер, 100 унтер-офицеров и рядовых сведены в три взвода, из которых два взвода отправлены на помощь в ликвидации прорыва на [высоту] 147,6, третий взвод размещен в распоряжении дивизии в балке 4 км к северо-западу от [высоты] 431.*

Как-то вдруг численный состав моей роты дошел до размера, который в мирное время никогда не планировался. С этими пополнениями пришло несколько проблем. Самой неотложной было быстро построить для них жилье. Оно было оборудовано за передовой, так чтобы его нельзя было обнаружить.

Время поджимало. Жилье для солдат нужно было построить, пока мы занимаем высоту 147,6. Потеряв высоту, даже во время дня, по стройке велся бы постоянный вражеский огонь. Мои товарищи знали это и работали круглосуточно без остановки. На передовой оборудовались новые позиции, однако они в основном сводились к снежным стенам, защищавшим лишь от наблюдения. Те, кто не работал, отсылались в землянки в балке. Поскольку земля промерзла и физическое состояние солдат было все хуже, строительство шло трудно. В ход пускалось все, что могло быть строительным материалом.

Отношение солдат было безукоризненным. Они понимали серьезность ситуации и работали с мрачными лицами и пустыми желудками. Чины не считались; работал каждый – злейшим врагом был холод.

Наблюдательные посты были усилены, и время отдыха часовых укорочено.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 5 января 1943 г. 16-я ТД: артиллерийский и минометный беспокоящий огонь в левом секторе дивизии. Контратака на высоту 147,6 очень рано утром не имела успеха, несмотря на подробную подготовку и повторные попытки. Позиция в районе прорыва восстановлена. В течение дня основная часть артиллерии дивизии работала по позиции в районе прорыва. Будет пущено в ход большее число штурмовых подразделений.*

6 января 1943 г.

6 января русские пытались взять высоту 147,6. Им удалось

сделать прорыв. Мы были в высочайшей степени готовности и были готовы контратаковать, но наш левый сосед, обер-лейтенант Корте, сам выровнял линию прорыва противника. Его убили в рукопашной схватке с русскими. Тем не менее высота осталась за нами. Еще раз все прошло как надо.

Мы неустанно оборудовали свои позиции. Мы мало что знали об общей ситуации в армии. Я был убежден, что нашим товарищам в Сталинграде и на других фронтах было не лучше – холод везде остается холодом.

Гауптман Краузе сказал мне, что Волга замерзла и русские теперь доставляют войска и припасы по льду. Как бы то ни было, мы были солдатами, которые исполняют приказ. Нужно было исполнять службу и быть верными клятве фюреру, народу и родине! Никто не спрашивал, правильно ли это. Мы верили, что защищаем наш народ от идеи большевизма, который грозит всему миру. Разве англичане с американцами уже раз не пожалели, что поддержали этих красных?

Я вспомнил высказывание Фридриха Великого: «Неважно, живу ли я, – важно, что я служу». И это было как раз то, что делали мы, солдаты 6-й армии, уроженцы с севера, юга, запада или востока нашей родины, или откуда мы родом, будь мы пруссаки, баварцы, швабы, саксонцы, южные немцы или австрийцы. Никто не спрашивал, когда их постигнет солдатская участь. Наша судьба была в руках Господа.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 6 января 1943 г.*

16-я ТД: наша атака ранним утром по возвращению высоты 147,6 не имела успеха из-за сильного артиллерийского, минометного и противотанкового огня. Старая линия фронта вокруг [высоты] 147,6, от отметки 150 метров восточнее до отметки 300 метров западнее, занята противником. Крепко удерживая внутренние кромки, в настоящее время прорыв доходит до 300 метров южнее [высоты] 147,6. Ночью, с использованием всех имеющихся сил, построена новая основная линия обороны.

К 12.30 противник – двумя взводами – атаковал взвод 1-го батальона 79-го полка, удерживающий старую линию обороны в 200 метрах к востоку от высоты 147,6. Атака отбита объединенным огнем пехоты и тяжелого вооружения, что вызвало потери у противника.

II батальон 276-го полка с элементами 13-й и 14-й рот расформирован и влит в I батальон.

9 января 1943 г.

10 января почти наступило. Приближалась полночь. Я пошел со связным Неметцем – как и каждую ночь – на обход своего сектора с левого фланга на правый. Второй дозорный, стоящий

прямо под высотой 147,6, доложил: «Герр обер-лейтенант, вас вызывают из штаба дивизии. Вас просят отсюда немедленно позвонить герру генералу!»

Я удивился. Чего от меня мог хотеть новый командир дивизии? До сих пор у меня не было случая лично встретиться с ним.

Несколько раз услышав: «Минуту, соединяю…» – я услышал голос:

– Ангерн слушает.

– Говорит обер-лейтенант Холль, командир 1-й роты 79-го панцергренадерского полка. Мне было велено позвонить герру генералу.

– Да, правильно. Мой дорогой Холль, счастлив сообщить вам о производстве в гауптманы. Вы повышены в чине приказом генерал-полковника Паулюса с 1 января. Мои поздравления, и желаю вам солдатского везения.

Несколько секунд я стоял, удивленный, пока не ответил: «Премного признателен, герр генерал!»

Я сплю?

Неметц спросил:

– Что случилось, герр обер-лейтенант?

– Ничего себе, Неметц, меня повысили до гауптмана, приказ уже вступил в силу!

– Невероятно, поздравляю! – Его осунувшееся лицо сияло.

Дозорный – один из немногих оставшихся верхнесилезцев – присоединился к поздравлениям. Мы пошли дальше. Я думал о неожиданном повышении, которое дошло до нас на передовой. Это, наверное, организовал мой старый командир полка, оберст Гроссе. Его адъютант, обер-лейтенант Кельц, а также мой командир сектора Краузе были оба повышены в чине до гауптмана с 1 декабря 1942 года. Я был последним из старых командиров рот полка. Указ фюрера гласил, что досрочная процедура повышения в чине имела место, только если соответствующий чин особенно долгое время не назначался. Наверное, в этом вся причина.

Неметц сделал так, что и остальные дозорные узнали об этом. Куда бы я ни пришел, мне приходилось пожимать руки.

При всей радости, тяжелые безжалостные факты возвращали меня к действительности. Кому здесь будет нужен этот чин? Теперь все зависело от человека и того, есть ли у него мужество.

В моем блиндаже Павеллек неожиданно спросил:

– Герр гауптман, а вы теперь будете носить две звездочки, чтобы каждый видел, что вы гауптман?

– Юшко, это неважно, займемся этим позже.

Позвонил оберст Райниш и поздравил; мой товарищ гауптман Краузе – тоже. Он также сообщил, что у него есть две звездочки и что связной Марек при удобном случае их занесет. Я поблагодарил его за этот жест.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 9 января 1943 г. 16-я ТД: с утра до текущего дня подозрительное движение противника к линии фронта и обратно сосредоточено в основном у [высоты] 145,1, слабее у [высот] 147,6 и 139,7. Противник усиливает фронтовые части. Невозможно определить, подготовка это или перегруппировка. Дивизия ожидает атаки противника.*

10 января 1943 г.

10 января русские начали в 10.00 огненную бурю, и мы опасались худшего. Неважно, куда бы ты ни вслушивался, звуки боя были слышны везде. Основная атака, как оказалось, была в нашем секторе. По интенсивности бомбардировки было ясно, что русские неимоверно усилены силами, приведенными с того берега Волги.

Первая атака противника была остановлена у самой передовой. Для обороны у нас были только пулеметы и винтовки. Несколько снарядов, посланных через наши головы нашей артиллерией, были хорошо нацелены и значительно нам помогли.

После небольшого отдыха «Иван» еще раз попытался достичь цели. Он снова был отбит.

Мои товарищи дрались с ожесточенностью, о которой раньше никто и подумать не мог. Какой выбор был у нас? Плен? У этих большевиков? Никогда!

Наши потери были высоки; в основном это были раненые. Когда становилось потише, тех, кто не мог идти сам, доставляли на тыловые позиции. Где находился наш полевой госпиталь – или то, что им служило, – я не знаю. У наших врачей дел, наверное, хватало. Хватало ли им лекарств?

Штаб XI АК: *суточная сводка в штаб группы Зейдлиц от 10 января 1943 г.*

16-я ТД: с 07.00 противник – после сильной артиллерийской подготовки – атаковал при поддержке 11 танков по 5-км полосе (восточнее ориентира 422 до высоты 139,7), сосредоточившись на обоих склонах высоты 145,1. Пехота противника встала перед нашей основной линией обороны под точным огнем артиллерии и понесла тяжелые потери. Образовался небольшой прорыв к югу от [высоты] 139,7 (4 укрепленных пункта). К вечеру 3 из них отбиты. Из танков противника, ездивших вдоль нашей линии обороны у [высоты] 145,1, четыре уничтожены, остальные повернули на север.

В 13.00 противник возобновил атаки на [высоты] 145,1 и 0,6 и

западный склон [высоты] 147,6. Штурм на [высоты] 145,1 и 0,6 был сосредоточенным огнем отбит перед основной линией. Потери противника были также очень высоки.

В 14.00 более слабые части противника прорвались через нашу линию у ориентира 422. Контрмеры принимаются.

Дополнение к суточной сводке: отряд противника, продвинувшийся на 500 метров к юго-востоку от ориентира 422, силами 50–60 человек был отброшен нашими танками, и положение восстановлено. После наступления темноты противник смог прорвать правое крыло III батальона 544-го полка. Прорыв был перекрыт с поддержкой бронетранспортеров и танков…

Чем меньше становился котел, тем труднее, наверное, становилось тыловым частям. Те из нас, кто дрался на передовой, почти ничего не знали об этом.

Нам повезло, что мы получили людей из тыловых эшелонов. Они заменили павших бойцов. Костяк составили немногие солдаты с боевым опытом. Они были постоянно действующим фактором и служили примером для новичков.

Естественно, солдатский язык был грубым, и каждый день была слышна сплошная ругань, но она была справедливой и ни в коем случае не вызывающей. Даже я, бывало, выражался с грубостью «ландзерского жаргона». Это был клапан безопасности, который был нужен, чтобы не сойти с ума. Это была бессильная ярость на обстоятельства, которыми мы сами не могли управлять.

Положение со снабжением становилось хуже день ото дня. Лишь боевые части получали 200 граммов хлеба, всем остальным доставалось по сто. (Согласно отчетности 6-й армии, реальный рацион каждого солдата на 9 января 1943 года состоял из 75 граммов хлеба, 24 граммов овощей, 200 граммов конины с костями, 12 граммов жира, 11 граммов сахара, 9 граммов алкогольных напитков и 1 сигареты. Однако солдаты обычно всего этого не получали: полевая кухня объединяла рационы, чтобы сварить горячую еду на всех, обычно суп. – *Прим. зарубежного издателя.*) Суп состоял только из талой воды и конины, пропущенной через мясорубку. Муки и других загустителей похлебки, кажется, больше не клали. Теперь я знал, что такое фатализм. Ты стараешься не думать, что принесет завтрашний или послезавтрашний день.

Мне повезло, что я не курил. Если удавалось достать несколько сигарет – что происходило все реже, – заядлые курильщики с религиозной истовостью присасывались к этим окуркам. Сигарета передавалась и докуривалась до самого конца, почти обжигая пальцы. Дым вдыхался и удерживался в легких как можно дольше. Большинство курильщиков делали это с закрытыми

глазами. Наконец, дым со вздохом выдыхался.

11 января 1943 г. Огонь и атаки противника продолжились и 11 января. Противник пробивался все ближе и ближе к линии обороны левого соседа. Он занял «лисьи норки», перебив хозяев. Та же тактика использовалась и 12 января. Ситуация становилась все более угрожающей.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 11 января 1943 г.*

16-я ТД: несмотря на высокие потери в предшествующий день, с 06.30 русские возобновили атаки вдоль всего фронта дивизии. У [высоты] 0,6 и юго-западнее [высоты] 139,7 атаки поддерживало около 10 танков. Вначале противник не смог прорвать главную линию обороны. Везде он был отброшен с высокими потерями. К полудню давление противника выросло, особенно перед западным склоном [высоты] 147,6 (граница между правой и центральной боевыми группами) перед ориентиром 422. Блиндаж 422, временно захваченный противником, отбит контратакой. При тяжелейшей артиллерийской и минометной подготовке противник смог прорваться в районе к западу от [высоты] 147,6 шириной прорыва 300 метров и глубиной 250 метров. Ликвидация прорыва производится танками и спешно собранными стрелками. В ходе контратаки северный рукав Каменной балки очищен от войск противника. Существующие прорывы ликвидированы.

В 13.50 противник произвел атаку силами не менее батальона с 5 танками против правого крыла группы Дёрнеман. Ширина и глубина прорыва уточняются. Меры противодействия принимаются.

12 января 1943 г.

В ночь на 13 января немногие оставшиеся солдаты с левого фланга и центра были выведены на линию железной дороги Спартаковка – Гумрак. Теперь у нас остается только высота 147,6. Нам повезло, что русские не заметили и нерешительно продвинулись следом.

Новую линию обороны, состоящую из блиндажей (построенных румынами в 1,5 км за старой линией), заняли наши товарищи слева.

Мы оставались на позициях и ждали новых атак на – для нас это так и было – роковую высоту 147,6.

Штаб XI АК: *суточная сводка в штаб группы Зейдлиц от 12 января 1943 г.*

16-я ТД: с утра дивизия находится под давлением мощных беспорядочных атак противника по всему фронту. До сих пор они отбиваются в ожесточенных боях с жестокими потерями противника. Центром атак являются высоты 145,1, 147,6 и южная часть [высоты] 0,6. Атаки поддержаны танками. Из трех

танков, пробившихся южнее [высоты] 0,6, два почти наверняка уничтожены.

Последняя мощная атака в 14.30 на северную часть [высот] 147,6, 145,1 и южную часть [высоты] 139,7 захлебнулась в оборонительном огне всех видов оружия. Наши потери высоки…

14 января 1943 г.

Противник теперь понял, что мы делаем. Он сосредоточил огонь на высоте 147,6, обстреливая наши позиции с почти западного направления. Эта тактика дорого нам обошлась, потому что левый фланг дивизии больше не опирался на старые позиции и его нужно было загнуть. Огонь был почти фланкирующим. Как мы могли продолжать сопротивление?

В дивизии быстро поняли ситуацию: мы получили приказ оттянуться на новую линию обороны. Было много ругани, что я полностью понимал. Весь труд последних дней ушел впустую. Мы знали, что мы для себя здесь построили. Но что ждало нас на новой позиции? Если бы только не этот ужасный холод.

Мы оттянулись в ночь на 15 января. Мы практически ничего не оставили – не считая пустых ящиков от снарядов. Сменяясь, мы несли два пулемета и два ящика патронов. Наша перегруженная измученная банда с трудом пробивала себе дорогу в снегу. Я приказал, чтобы отстающих не было. Люди должны были разбиться на пары и приглядывать друг за другом. Первые признаки обморожения – побелевшие нос и щеки – могли заметить у себя далеко не все. В этом случае кровь разгоняло лишь растирание снегом. Как ни странно, за предшествующие два месяца зимних боев на обморожение жаловалось сравнительно малое число солдат, но по мере того, как немецкие войска слабели от недостатка пищи и были выбиты на открытый воздух из окопов и блиндажей, дисциплина ослабла и число обморожений выросло. Обморожение можно предотвратить, вовремя заметив, но это зависело в основном от того, следили ли за этим командиры частей. (*Прим. зарубежного издателя.*)

Я закончил словами: «Товарищи, держитесь вместе. Идти недалеко. Отстающих придется бросить, они замерзнут насмерть».

Солдаты поняли. Я вздохнул с облегчением. Ответственность была высока: они все мне верили. Просто нужно не дать им упасть духом!

Когда такая жалкая толпа – выглядящая уже не как воинская часть – с неимоверными трудностями двинулась вперед, каждый метр был пыткой, а полтора километра – вечностью. Но мы их прошли!

Самые сильные были назначены в дозор. Неподалеку

собрались остатки моих старых солдат, и лейтенант Аугст снова стал ядром части.

От духа, вдохновлявшего нас в прошедшие недели, и воодушевления, с которым мы хотели завоевать этот город Сталина, ничего не осталось. Мы исполняли свои обязанности, как машины. Мы чувствовали смутный страх, потому что надвигалось нечто неизвестное и мы не могли его спокойно принять. Когда на нас нападали, мы стреляли и дрались в ответ, как смертельно раненное животное, загнанное в угол и защищающееся до конца, пуская в ход все силы.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 14 января 1943 г.*

16-я ТД: в 08.00 атака противника силами 50–60 человек с [высоты] 0,6 к югу все еще сдерживается огнем пехоты. Разведывательные части и штурмовые группы противника, выдвигающиеся к востоку от [высоты] 147,6, также отбиты. Утром наблюдались отдельные танки противника, движущиеся к востоку от [высоты] 0,6. В 12.30 особенно сильный артиллерийский огонь противника по всему сектору Райниш. С 13.45 сильная атака противника из района [высот] 141,0 и 0,6 в южном и юго-западном направлениях. Оборона производится.

Дополнение к суточной сводке: *к 14.00 русские возобновили атаку к западу от [высоты] 147,6 вокруг [высоты] 0,6 и к северу оттуда, а также в секторе Бидерман. Атака к западу от [высоты] 147,6 отбита после ожесточенной перестрелки и контратак. По предшествующим докладам, противник смог подойти к нашей линии обороны за счет того, что некоторые были одеты в германскую зимнюю униформу, и эти люди прикрывали остальных связками гранат. При этом серьезно ранен один командир роты.*

Атака противника, направленная на сектор Бидерман – при поддержке двух танков, – захлебнулась в нашем оборонительном огне.

В то время как перед наступлением темноты нам удалось остановить атаку противника, поддержанную 4 танками из района к юго-востоку от [высоты] 141,0 к югу, противник силами роты продвинулся к югу из района [высоты] 0,6.

Контратака, подготовленная в лунном свете с полугусеничной техникой и одним танком, а также стрелковой ротой, встретила значительное сопротивление противника. Бой в этом районе еще продолжается.

17 января 1943 г.

Вот что случилось 17 января: противник направил атаки во фланг нашего соседа. Блиндажи были потеряны, отбиты, снова потеряны и снова отбиты. Однако в конце концов противник воевал превосходящими силами. Тем не менее он не торопился и

действовал осторожно, поскольку знал, что мы почти добиты.
Я и мои товарищи не хотели с этим смиряться. Мы просто не могли поверить, что наша 6-я армия подошла к такому концу. Мы всегда исполняли свой долг, совершая невозможное, – и все же мы стояли на грани катастрофы.

Штаб XI АК: *суточная сводка от 17 января 1943 г. 16-я ТД: после обеда тихо. Позиция Городище занята способом укрепленных точек (* в отличие от Советской Армии, вермахт с самого начала легко отказывался от сплошной линии окопов, предпочитая вместо этого оборудовать укрепленные точки, способные в любой момент перейти к круговой обороне, – «шверпункты», все пространство между которыми простреливалось. – *Прим. пер.). Около трех рот…*

Глава 7 Котел разделен на Северный и Южный

21 января 1943 г.

Мы не получали горячей пищи три дня. Лишь двигаясь, когда бываешь снаружи, и набиваясь до предела в темноту нор, которые называются блиндажами, можно разогнать кровь по жилам. Потом, когда раздается сигнал тревоги, эти человеческие существа стряхивают изнеможение и защищаются из последних сил. Так продолжалось три дня.

Я отправил Павеллека с двумя солдатами; он должен был найти шписа и принести нам что-нибудь поесть. Рано утром он принес хлеба, едва 100 граммов на каждого, который мы жадно съели, как будто это был торт.

22 января 1943 г.

22 января пришел мой старый верный связной Марек, чтобы отвести меня на командный пункт гауптмана Краузе, командира моего сектора. Краузе, чей штаб состоял из горстки людей, жил в таких же жалких условиях, что и я. Наши лица выдавали напряжение, проистекающее из ответственности за наших товарищей. Краузе сообщил, что наступающей ночью вся дивизия отходит к северу мимо Городища на северо-западный обвод Сталинграда. Сопротивление западного и южного фронтов котла пало. Наши войска отходят в Сталинград. Котел разбит на северную и южную части. Моя рота составляет арьергард. Мы покинем линию фронта только после наступления темноты 23 января.

На карте Краузе показал мне позицию, которую мы займем. Она расположена в балке реки Орловка, ровно на том месте, где новая оборонительная линия, идущая с востока на запад, делала поворот на юг почти под прямым углом и шла дальше вдоль западной черты города.

Я узнал, что 10 января истек срок ультиматума о капитуляции нашей армии, потому что армия на него не ответила. Капитуляция и плен были для нас внове. Мы никогда и не помышляли об этом и тем более не обсуждали такую возможность.

Глава 8 Отходим на городскую черту

22 января 1943 г.

Марек получил задачу после нашего прихода на новую позицию немедленно установить с нами связь. Я шел обратно к своим товарищам, неся им множество проблем. Я практически не беспокоился о том немногом оружии и патронах, что у нас оставались. Оставался лишь вопрос – как мы чисто физически справимся с этим? Желудки у нас были пусты, а постоянный пробирающий до костей холод донимал даже при слабом ветре.

Уже стемнело, когда ко мне пришли командиры взводов лейтенант Аугст и фельдфебель Купал. Я рассказал им о нашем положении:

– Господа, положение дерьмовое! Сопротивление наших товарищей на южном и западном фронтах котла пало. Части в спешке и вразнобой оттянулись в город. Теперь в городе два котла – северный и южный. Сегодня ночью наша дивизия собирается отойти на север мимо Городища на западный край города. Мы должны составить арьергард и затем рано утром отойти в два приема на подготовленные для нас позиции. Гауптман Краузе показал мне на карте наше расположение. Смотрите на карту: вот здесь, где Мокрая Мечетка впадает в реку Орловка, линия фронта делает почти прямой угол с восток – запад на север – юг. Так что мы отойдем в восточном направлении на северо-западный край города. Есть у нас те, кто не может двигаться без чужой помощи? Нет! И слава богу! И отработайте со своими как следует: у нас не должно быть отставших. Солдаты группируются по парам, как в прошлый раз. Того, кто отстанет, мы нести не будем, и он замерзнет до смерти. Голова колонны пойдет со скоростью, которую смогут поддерживать все. Герр Аугст, вы остаетесь в хвосте, я буду в голове колонны, чтобы не плутать лишнего. Вопросы? Ах да, отход начнется в 06.00, так, чтобы к рассвету мы ушли достаточно далеко, чтобы противник нас не видел. До свидания, до завтра!

23 января 1943 г.

Ночь, наконец, прошла. В шесть часов мы выдвинулись. Это было зрелище, способное вызвать смех, не будь положение столь серьезным: слабо различимые фигуры, замотанные в остатки военной формы, которая давала в лучшем случае частичную защиту от холода. Оставался лишь один пулемет от бывшей роты тяжелого оружия моего старого батальона. Тренога была повреждена, ее пришлось оставить. Второй пулемет был разбит

осколком. Наш «арсенал» состоял из винтовок, нескольких пистолетов П-08 (официальное обозначение «парабеллума». В вермахте было принято обозначение вооружений по году разработки – например, пистолет «вальтер» образца 1938 г. назывался П-38. Пулемет обр. 1934 г. – МГ-34. – *Прим. пер.*) и скудного запаса патронов; кроме этого, у нас было 10–12 гранат – «яиц».

Медленно, так, чтобы все могли успеть, я с группой управления искал лучший маршрут. На этом ландшафте, покрытом густым снегом, можно было совершить серьезную ошибку. Мы не делали привала, пока я не решил, что противник нас уже не видит. Слава богу, пока все было тихо. Однако прошло еще какое-то время, пока не пришел лейтенант Аугст с отставшими.

Было довольно тяжело узнать своих товарищей. Нужно было подходить совсем близко и перекинуться парой слов, чтобы удостовериться, с кем ты разговариваешь. Шлемы и капюшоны были натянуты так низко, что были видны только глаза. Мало кто произнес хоть слово, пока эти храбрые исполнительные солдаты апатично лежали в снегу во время передышки. Я сказал им, что мы будем делать привалы не часто, но понемногу, чтобы пот не успевал замерзнуть. Так мы двигались все дальше на восток, в город – арьергард, который заслуживал какого угодно названия – только не этого. Тем не менее мы выполняли приказ.

Уже в сумерках мы дошли до холма. Из примерно восьми километров – если идти по прямой – до окраины города мы прошли четыре. Мы были полностью вымотаны.

На склоне холма было три старых землянки. Их могли занимать снабженцы или узел связи. Землянки были заметены снегом, а внутри все покрывал лед.

Я решил, что ночь мы проведем здесь. Некоторые наши товарищи просто валились с ног. На получасовые смены было назначено двое часовых. Они двигались от землянки к землянке. Аугст, Купал и я распределились по землянкам. Мы набились, как сардины в банку, и согревали друг друга тем скудным теплом тел, которое у нас оставалось. Через какое-то время началась метель, и я разрешил часовым перебраться под крышу.

Более чем кто-либо другой, я понимал, что наша судьба все еще в руках Господа. Я был готов принять ее со смирением.

24 января 1943 г.

Снаружи рассвело. Кто-то у входа отодвинул брезент, дававший слабую защиту от холода снаружи. Внутрь рухнул целый сугроб. Ночью нас изрядно засыпало снегом. Сегодня, 24 января, небо снова было чистым и безоблачным. Прокопав себе

выход, мы снова двинулись на восток. Глубокий снег сильно мешал движению. Не считая нас, вокруг не было ни души. Нам нужно было сегодня дойти до городского обвода.

Мы все пережили ночь, которой, казалось, не будет конца. Плотный снегопад не пустил холод в наши норы. Но сейчас – при ясной погоде – мы снова чувствовали его во всей его жестокости.

Мы не могли двигаться прямо, как бы нам хотелось. Множество ям, скрытых снегом, заставляло делать трудные обходные маневры. Если мои часы показывали правильное время, полдень уже миновал. На равнине, которая под снегом выглядела почти так, как мы и думали, мы снова встали отдохнуть. Солдаты рассредоточились, чтобы не образовывать группу.

Павеллек, у которого были орлиные глаза, вдруг указал в сторону города – на то, что никому не было видно, – и сказал: «Герр гауптман, смотрите! Там большая стая ворон, а там, где кормятся вороны, должно быть что-то съедобное». Он был прав! В трехстах-четырехстах метрах от нас – в низине – кормились вороны. Они взлетели, а потом уселись на какой-то темный предмет. Я ясно видел его в бинокль, но не мог понять, что это.

– Иди, Юшко, возьми Неметца. Давай проверим, верно ли ты решил.

Они побрели по снегу. Надежда найти что-то съедобное гнала их вперед. Они вернулись, когда не прошло и полчаса. Поход того стоил: они тащили лопнувший контейнер снабжения, в котором было тридцать буханок хлеба. Некоторые буханки были исклеваны воронами, но мы не привередничали: не будь ворон, Павеллек ничего бы не заметил.

Я подумал о других товарищах из кампфгруппы Краузе и о приказе по армии, гласившем, что контейнеры полагается сдавать. Я взял десять буханок и распределил их среди солдат. Диттнер и два солдата взяли остальное. Он найдет «командный пункт Краузе» и останется там с людьми, пока мы не окажемся на новой позиции. Марек приведет их с собой.

Хлеб промерз так, что даже самые нетерпеливые не могли его съесть. Мы засовывали ломти хлеба в карманы штанов, чтобы разморозить, смирившись с исходящим от них холодом. Последняя крошка хлеба была поделена штыком, когда раздался крик: «Русские впереди!»

Я посмотрел в бинокль, и мне показалось, что я сплю: в километре отсюда к нам двигалась живая черная стена. Я посмотрел еще раз, чтобы убедиться, что я не сошел с ума. Нет, все осталось, где было: двигаясь фронтом шириной добрых 100 метров – взявшись за руки, – в несколько рядов шли русские, один за другим, точно на нас. Они следовали за несколькими

фигурами, растянувшимися поперек всего строя. Эти люди отстояли друг от друга на 30–40 метров и держали автоматы под мышками. Всего там, кажется, было человек 400, но могло быть 600 или 800. Я ничего не понимал. Были это заключенные или освобожденные русские пленные? Кто бы они ни были, людская стена двигалась, и более того, они шли прямо на нас.

Мои солдаты укрылись в снегу и смотрели на это нереальное зрелище.

Что мне было делать? Наше вооружение состояло из одного пулемета, а все остальное было карабинами, несколькими автоматами и оставшимся ручным оружием, пригодным для рукопашной. Кроме того, было несколько пистолетов-08 и несколько гранат.

Представьте, если бы у нас был один из тех легендарных МГ-42, о которых я слышал столько захватывающего! Все было бы ясно – дать им подойти на 200 метров и скомандовать «Огонь!».

Однако я решил открыть огонь как можно раньше. Когда мы открыли огонь, до них оставалось еще около 800 метров. Мои 150 солдат стреляли вразнобой. Почти никто не мог передернуть затвора – все примерзло. Пулемет клинило снова и снова. Он был упрям как мул!

Побуждая моих товарищей, я сам схватил карабин – и тоже не смог управиться с затвором. Казалось, все против нас. Ну, наконец-то!

Наш пулемет выдал язык пламени. Бр-бр-бр-бр, всего 15–20 выстрелов, и он снова замолчал. Но очередь все же сработала – потому что живая стена вдруг перестала стоять и залегла. Нас разделяло около 600 метров.

Несколько редких выстрелов с нашей стороны обеспечило нам отсутствие дальнейших событий на несколько часов вперед. Я послал Неметца в тыл в качестве ищейки. Он должен был вынюхать ближайший штаб и доложить там. Ему всегда везло.

После довольно долгого времени рядом с русскими разрядился «Небельверфер» (шестиствольный реактивный миномет. – *Прим. пер.*). Залп был неприцельным и не вызвал потерь у противника. Но до наступления темноты русские не двигались.

Мои товарищи были полностью измотаны. Снова и снова я подходил к отдельным группам и напоминал солдатам, чтобы они замечали любые следы обморожения. Я свободно двигался тут и там, поскольку по какой-то причине с русской стороны не было сделано ни выстрела.

Несколько товарищей сбились вместе и хотели спать. Это было уже слишком. Я всеми силами пытался сопротивляться

натиску сна.

– Парни, продержитесь еще чуть-чуть, пока не стемнеет. Тогда мы двинемся на новые позиции. Там можно поспать.

Я пнул одного, который лег. Он упал и не двигался.

– Посмотрите, что случилось.

Он замерз насмерть. Товарищи посмотрели; несколько человек уже не понимали, что я сказал. На лицах других были видны белые пятна. Увидев это, они схватили по пригоршне снега и стали втирать в кожу.

Наконец стемнело. Я дал приказ отправляться. Упавшего тащили следом. Он мог только бормотать:

– Я так устал… Дайте поспать…

– Ради всего святого, ты замерзнешь, и мы не сможем тебя тащить. Соберись!

– Я устал, дайте поспать…

Мы шли дальше. Два сына нашей страны упали по дороге. Они выполнили свой долг до конца. Холод, наконец, забрал их жизни.

Думая об этих смертях, я понимал, что смерть от холода – милосердная смерть. Ты так невыразимо устал, что хочешь лечь и заснуть, утонуть в вечном сне, где все одинаково.

Мы брели из последних сил несколько сотен метров, пока не дошли до балки Орловка, где двинулись по дну. С огромным облегчением вышли мы на хорошо утоптанную дорогу. Она дала нам заключить, что днем по ней прошли, отступая, наши товарищи из других частей. Однако теперь на ней не было ни души.

Мы были измучены, но приходилось спешить к городу, пока мы не дойдем до места назначения у Мокрой Мечетки. Там была наша цель. Прошло добрых два часа, пока мы не добрались туда, хотя каждого подгоняла мысль, что вскоре мы вползем в блиндажи с теплыми печками.

И вот мы здесь. Мы уперлись в часового, который показал мне дорогу на командный пункт его командира роты. Я отдал указания лейтенанту Аугсту и фельдфебелю Купалу согреть людей в ближайших землянках перед тем, как делать что-либо еще.

Это можно было назвать чудом: мы маршировали целый день, ночь и еще день до поздней ночи, пройдя расстояние, которое в обычных условиях заняло бы один день. И все это без возможности согреться и практически без еды. При этом у нас было «всего» два умерших от холода.

Взяв группу управления, я пошел на указанный часовым командный пункт. Он находился на полпути вверх по восточному

склону балки. Хотя блиндаж был плохо протоплен, мы почувствовали, что неожиданно попали из Арктики в тропический климат.

Глава 9 Последние дни

24 января 1943 г.

У командира роты обер-лейтенанта Йенсена была такая же «дружная шайка», как и у меня. Он относился к 60-й моторизованной дивизии и ждал нас, чтобы перейти на другую позицию в городе. Он сказал, что в секторе пока не было контакта с противником, однако он ожидался на следующий день, 25 января.

Еще он рассказал мне и показал, что позиции раньше были летними квартирами частей снабжения и не могут выдержать тяжелого артобстрела. Поскольку все лето мы вели бои в восточном направлении, эти убежища были грамотно встроены в обратные скаты, но теперь, когда нам приходится обороняться на запад и север, они оказались на переднем скате – как на тарелке. Каждый вход открывался в сторону противника так, что, если он атаковал днем, мы сидели бы, как в мышеловках. Если днем топить печи, это выдаст наше расположение и приведет к уничтожению землянок.

Обер-лейтенант Йенсен также сообщил, что с соседом справа не было связи два дня, поскольку его солдаты отступили в город. В любом случае это была разношерстная толпа солдат, одетых в самые разные униформы.

Я попросил Йенсена подождать выдвигаться до утра, потому что нам всем отчаянно нужно было поспать. Он согласился. Вскоре после этого мы все заснули глубоким – почти мертвым – сном.

25 января 1943 г.

06.00 утра.

Обер-лейтенант Йенсен со своими людьми ушел с позиции. Снаружи было тихо. С Павеллеком, Аугстом и Купалом мы тщательно изучили сектор. На правом фланге мы нашли большую низину, в которой была выкопана большая землянка. Она не годилась для обороны: оттуда не было никакого обзора поля боя. Туда отнесли наших товарищей, непригодных для боя. О них заботились санитатс-унтер-офицер Пауль и два медика.

Другие сооружения находились непосредственно на линии обороны, некоторые на полпути вверх по склону, чуть выше дна долины, остальные ниже, у самого ручья.

Аугст и Купал получили по сектору. Аугст расположился справа от меня, а Купал – слева. Я решил, что мой командный пункт будет там, где линия обороны поворачивала на юг почти под прямым углом. Это была открытая позиция. Но оттуда я мог

видеть весь сектор, что было для нас очень важно. Большинство солдат в моей теперешней роте не имели боевого опыта и пришли в роту всего несколькими днями раньше. Мы все были в очень плохой физической форме. Те немногие солдаты, на кого я мог положиться, были 12–15 товарищей из старой части – силезцы и несколько судетских немцев. Я держал их в непосредственной близости в двух землянках справа и слева от командного пункта.

Если русские появятся в ближайшие несколько часов, мы не сможем позволить себе быть обнаруженными, а будем вести наблюдение из землянок. Но, когда стемнеет, нужно будет распределить часовых по всему сектору, чтобы не оставить незамеченным просачивание противника и объявить тревогу. Лишь тогда я пущу в ход свою «пожарную команду». Эти люди были в постоянной готовности, но освобождены от патрульной службы. У солдат справа от меня был наш единственный пулемет.

День был морозным и ясным. У солдат были мои указания построить блиндированную огневую позицию 80 см в ширину и метр в высоту, между дощатой стеной и местом для сна, расширяющуюся в сторону входа. Доски для обшивки брались с задних стен блиндажей. Мы врылись поглубже в склон. На засыпку стен пошла выкопанная почва – к счастью, песчаная. Первые слои были мерзлыми, но мы смогли пробиться глубже. Так мы создали боковой ход, который защитит нас от пулеметного и ружейного огня. Через небольшие амбразуры можно будет стрелять стоя. Нам приходилось беречь патроны, так что я отдал приказ стрелять только в крайнем случае.

Марек восстановил связь со штабом гауптмана Краузе. С ним пришли Неметц и те двое, которых я отправил с контейнером. Ко мне проложили телефонную линию от командира сектора.
Территория перед нами держалась под постоянным наблюдением. Два ручья, которые сливались прямо перед моей землянкой, – теперь, конечно, все замерзло – лежали метрах в пяти под нами. Мы могли стрелять с нашей позиции самое дальнее на 200 метров прямо на запад в сторону начала балки. На юго-запад, вдоль балки у Городища, я мог видеть на 150 метров, а дальше выступ склона перекрывал поле зрения. На юг, в Мокрой Мечетке, я видел что-то не дальше 200 метров. Весь день не было ни малейших следов противника.

26 января 1943 г.

Рано утром, еще до рассвета, мой шпис Бигге прислал нам пайки. Мы получали 100 граммов хлеба на голову, но только на солдат, официально приписанных к 1-й роте, которая все еще насчитывала 24 человека. Каждому из них выдали по две банки «шока-колы» (уникальный шоколад, появившийся в 1935 году, из

какао, кофе и экстракта орехов кола. Сильно тонизировал организм, а небольшое (0,2%) количество кофеина повышало реакцию и сосредоточенность. Упаковывался в небольшие круглые жестянки. – *Прим. зарубежного издателя*). Один 25-граммовый шарик шоколада нужно было делить на шестерых. Пять граммов жира, что получил каждый, шел на кухню, чтобы в жидком супе было хотя бы несколько жиринок. Это был очень жидкий суп – вода с вареным конским фаршем.

Откуда снабжались остальные – кто попал в роту в последние дни, – не могу сказать. Все, что я мог сделать, – это позвонить гауптману Краузе и попросить о них позаботиться. Понятия не имею, где находился Бигге и его полевая кухня. Также не знаю, где был командный пункт моего командира сектора. В снабжении мы полностью зависели от товарищей, прячущихся где-то в развалинах города у нас за спиной.

К полудню показались первые русские. На них была камуфляжная одежда, они стояли на виду, внимательно осматривая все вокруг. Они спустились по противоположному склону. Их было двенадцать. Мы сидели тихо. Павеллек, Неметц и я стояли за изгибом хода сообщения и смотрели, как они подходят. До них было еще около 150 метров.

– Юшко, ты берешь тех, что спереди. Неметц, твои справа; я возьму тех, что слева. Цельтесь точнее, в центр цели. Попасть нужно с первого выстрела! Потом берите тех, что сразу за ними. Потом остановитесь и ждите дальнейших указаний. Управляйте огнем как можно лучше.

Наши винтовки были в хорошем состоянии.

– Готовы?

– Готовы!

– Огонь!

Три винтовки разорвали тишину окопа. Три самых передовых солдата были убиты и упали в снег. Остальные немедленно залегли, но на восходящем склоне представляли хорошую мишень. Мы сразу перезарядили оружие.

– Следующие! Готовы? Огонь!

Снова короткий лай наших винтовок, и снова мы попали.

Остальные как можно быстрее отступили за холм. Мы снова были в контакте с противником. Противник теперь знал, что *Nemtse* держат здесь оборону. Он будет осторожнее; этот случай сказал ему, что мы настороже. Я доложил о происшествии по телефону.

Было важно, чтобы мы стреляли одиночными прицельными выстрелами, не выдавая своей позиции. Я был убежден, что противник не заставит нас долго ждать своего ответа. Через пару

мгновений мы отметили первые разрывы мин и снарядов. В основном артиллерийские снаряды падали в нескольких сотнях метров за нами, а мины, выпущенные из минометов, ложились ближе. «Иван» еще не засек нашу позицию. Это бы для нас плохо кончилось. В бинокль я внимательно осматривал местность. Глаза уставали от постоянного высматривания врага в этой мерцающей белизне. Несколько раз мне казалось, что я что-то вижу, но глаза меня обманывали. Через какое-то время я перевел взгляд на позиции, чтобы увидеть: не изменилось ли что-то. Глаз зацепился за что-то движущееся. Трудно было выделить это белое на окружающем снегу. Это что-то продвигалось к упавшим по несколько сантиметров за раз. Я опустил бинокль и попытался разглядеть это невооруженным глазом. Теперь я видел. Не отводя глаз от цели, я схватил карабин, поднял его и прицелился, затем засомневался и взглянул снова. Когда я выстрелю, я должен попасть с первого выстрела. Лишь лицо солдата, ползущего в снегу, было темнее снега. Он был легкой мишенью! Я вернулся на огневую позицию за изгибом хода, уже доказавшего свою полезность при первом контакте с противником. Казалось, прошла вечность, пока я не отважился на выстрел. Потом я осторожно потянул спуск, и пуля заставила темное пятно остановиться.

До наступления темноты со стороны противника ничего не было видно. Были выставлены наблюдатели, снова получив напоминание немедленно поднимать тревогу, если они заметят что-то подозрительное. Лейтенант Аугст доложил, что справа от него никем не занятая дыра.

Мы растопили плиту, чтобы ночью в блиндаже было хоть какое-то тепло. Командиры взводов получили приказ экономить дрова и жечь их только по необходимости.

Бигге снова прислал жидкий суп и 100 граммов хлеба на человека. Теперь «шока-колы» было только полторы банки. Связисты вышли на линию, порванную артиллерийским огнем.

Наверное, еще не наступила полночь. Снаружи падал снег. Часовой поднял тревогу: «Русские!» Крик подействовал на нас, как удар тока. Мы похватали винтовки и нахлобучили каски. Мгновенно мы выскочили наружу. У самой землянки слышалась стрельба. Рвались гранаты, жужжали рикошеты. Противник перебрался через ручей и штурмовал последний склон. Мои товарищи отчаянно защищались, даже слабые дрались снаружи.

– Герр гауптман, смотрите! Они и сзади!

Быстрый взгляд через плечо показал, что Павеллек не ошибся. Шестеро русских бежали вниз по склону за нашей позицией. Они еще думали, что их не заметили.

Последний пулемет с барабаном патронов внесли прямо в окоп, открыв огонь по приближающемуся врагу. Одним прыжком я оказался у стрелков, выхватил пулемет и крикнул: «Юшко, сюда!»

Он мгновенно понял и прибежал, чтобы уложить пулемет на плечо, крепко держа за сошки, и раздалась первая прицельная очередь. Рат-та-та-та-та, и снова – рат-та-та-та. Они лежали! Я видел, как один еще бежит, остальные лежат.

Теперь мы развернулись на 180° и прочесали склон. А ну, давай! «Иван» этого не ожидал. Те, кто еще мог бежать, исчезли так же неожиданно, как и появились.

Убедившись, что опасность миновала, я позволил всем часовым вернуться в землянки. У нас было восемь раненых и двое убитых. Раненых отнесли в медицинский блиндаж к унтер-офицеру Паулю. Убитых отнесли в пустой окоп.

Павеллек, Неметц и еще двое попробовали удостовериться, сколько нападавших лежит перед нами и за нами. У них еще была задача принести все оружие и патроны убитых вражеских солдат. Когда они вернулись, Павеллек доложил:

– У ручья лежат восемь русских. Мы принесли четыре автомата с патронами, четыре винтовки и шесть гранат. Что до еды, у них было несколько сухарей в сухарных сумках и немного *махорки* .

Вскоре вернулся Неметц:

– Над нами на склоне пятеро метрах в 20–30 отсюда. Мы принесли три автомата, две винтовки, патроны и четыре гранаты, а еще пару кусков черствого хлеба и немного табаку.

Оружие, патроны, хлеб и табак распределили по взводам. Я убедился, что каждый получил свою долю. Это был скорее символический жест, чем что-либо еще, – я не хотел, чтобы кто-то был обделен.

Как было указано, мои солдаты оставили убитых русских лежать, где лежали. Днем русские не смогут ничего сказать о том, где мы находимся.

Павеллек сказал, что один из врагов, лежавших у ручья, был тяжело ранен. Он по-русски молил нас помочь ему: «Товарищ, у тебя тоже есть мать, помоги!»

Павеллек скрипнул зубами:

– Эта поганая война! Как я ему помогу? Мы сами подыхаем, и я не знаю, что делать со своими ранеными!

Я хорошо понимал моего Юшко. Эти люди вышли с заданием вывести нас из боя. Хотели они того или нет – у них не было выбора, как и у нас и у любого солдата на свете. Бой человека против человека врукопашную обычно кончается смертью.

Поговорив с врагом, ты понимаешь, что гуманность к другому не умерла. Симпатия, жалость к этой жалкой твари. Он хотел помочь, но не мог – не дал долг по отношению к своим товарищам. Я попытался поставить себя на место противника. Не нужно было большого воображения, чтобы понять, что изгиб балки, где располагался мой командный пункт, – важная точка обороны. Противник верно рассудил, что центр сопротивления находится здесь. Семеро убитых за прошедшие дни показали, что мы не собираемся сдаваться без боя. Так что ночью двумя штурмовыми группами он попытался достичь того, что не смог сделать днем: первая группа – идущая с фронта – отвлекает нас, а вторая просачивается через незанятый сектор справа от нас. У них почти получилось, но Павеллек, этот славный малый, в последний момент заметил их.

Когда восстановилась связь со штабом гауптмана Краузе, я доложил о ночном штурме и нашей успешной обороне.

27 января 1943 г.

Остаток ночи прошел без происшествий. С первыми рассветными лучами часовые вернулись в свои норы. Печи остыли. Ничто не указывало на то, что в этих норах держат оборону германские солдаты: люди с тяжелым чувством неясности своего будущего и готовые защищаться до последнего. Мы постоянно сменяли друг друга на наблюдательном посту. Беспокойство, как бы нас не взяли врасплох, не давало мне спать. Я знал, что мои товарищи смотрят на меня, и не мог позволить себе проявить слабость. Чувство ответственности держало меня и давало силы не отчаяться. Большую часть времени я проводил с обоими наблюдателями, исследуя местность в бинокль. Я сосчитал мертвых нападавших. Их было пятнадцать. И еще пять лежало на склоне над нами, итого двадцать.

Артиллерия и минометы снова начали концерт. Вскоре телефонную линию снова перебило. Мы снова были предоставлены сами себе. Вскоре после полудня по нам стали стрелять противотанковые пушки с направления балки у Городища. Выстрелы были направлены вдоль позиций на дне долины. Мы лежали тихо, чтобы не выдать себя. Пуля, направленная в наш командный пункт, застряла в боковом ходе. От балки Городища показались солдаты. Они пытались спровоцировать нас на стрельбу. Но мы знали вчерашний приказ: стрелять только при крайней необходимости. Три пули из моей винтовки, не прошедшие мимо цели, заставили остальных повернуть и оставили русских гадать, откуда стреляли.

Мы были наготове, непрерывно осматривая местность. В течение дня обстрел вражеской артиллерии был тяжелым, но

неприцельным. Противник не знал, где мы прячемся. Я не верил, что наш блиндаж выдержит прямое попадание. Лучшую защиту от снарядов представляла часть блиндажа, вырытая для этого, с боковым ходом.

После наступления темноты дозорные вышли наружу. После долгого наблюдения из блиндажа мы почти ничего не видели. В печах срочно раздули огонь. При температуре снаружи между –30° и –40° норы за день выстывали быстро. А поскольку мы не могли выйти, мы все быстро замерзали. Но для нас они были жизненно необходимы, без них мы были беззащитны и были во власти погоды. Без своих нор мы не могли оказать и самого слабого сопротивления.

Сегодня у нас был траурный день. В полдень во время противотанкового обстрела в блиндаже справа от меня был смертельно ранен осколком обер-ефрейтор. Он раньше служил в 8-й роте моего старого полка. Павеллек пришел со мной сказать последнее «прощай» своему храброму товарищу. Он замерз, как доска. Мы оставили его лежать на ходе сообщения.

28 января 1943 г.

Я сказал солдатам, что приду к ним утром и проведу у них весь день. Потом мы пройдем по оставшимся землянкам, или, скорее, бункерам. Мы почти не разговаривали; все знали, как серьезно положение. Если только я мог заговорить пустые желудки моих истощенных товарищей. Они несли службу, не ропща.

Когда мы вернулись на командный пункт, нас уже ждали наши так называемые пайки. На этот раз они состояли из полутора буханок на 24 человека, половины банки «шока-колы» и теплой похлебки с несколькими кусочками конины. Откуда брались пайки для более ста других моих подчиненных, было для меня неизвестно. Снабженцам явно до сих пор не удалось утрясти состав частей. [Но] количество и качество не отличались от нашего.

В любом случае мы тщательно разделили жалкие крохи. Разносчики еды из взводов ушли. Я был готов проглотить первую ложку «похлебки», когда в моей землянке появился обер-ефрейтор. Я мгновенно увидел, что он из моего старого полка. Он выглядел хуже, чем почти все мои солдаты.

– Герр гауптман, я обер-ефрейтор Гюбнер, бывший ординарец обер-лейтенанта Бёге. Вы меня помните?

– Да, я тебя помню. Что ты здесь делаешь?

– Герр гауптман, я ничего не ел пять дней!

– Как это?

– Я был ранен и отправился в госпиталь в Сталинграде. Там

все переполнено. Мне сказали искать свою часть и доложиться там, потому что у них для меня пайка не было. Я пошел и стал искать здесь, но ни в одной части мне не дали поесть, везде все то же самое: «Прости, у нас самих ничего нет». Наконец, я нашел здесь вашу часть!

– И у нас тоже ничего нет, – сказал мне Павеллек.

– Вы не можете оставить меня голодать! – Это был крик человека, близкого к сумасшествию. Никогда не забуду этого измученного взгляда, заплаканного лица, этой безнадежности. Я не мог есть суп перед ним.

– Возьми мой суп, у нас больше ничего нет. Ты останешься с нами и войдешь в группу Диттнера.

Гюбнер хотел проглотить суп в один присест.

– Господи, парень, не так быстро! Не торопись, до завтрашнего вечера ничего не будет. – Павеллек предупредил товарища, чтобы тот ел медленно и осторожно.

В ночь на 28 января противник оставил нас в покое. Штаб сектора оставил все попытки восстановить телефонную линию. Ее слишком часто рвали снаряды, чтобы снова ее чинить.

Из-за этого ко мне пришел Марек и забрал суточную сводку. Теперь на нем была задача поддерживать связь гауптмана Краузе со мной. Неметц опять должен был отвечать за нашу связь со «штабом Краузе».

До того как вернуть в землянки внешних наблюдателей, я вошел в блиндаж справа от командного пункта. Там располагалась группа Диттнера с пятью солдатами старой роты и тремя из 8-й пулеметной роты с последним МГ-34, который можно было использовать только как ручной. Мы старались чинить и отлаживать все оставшееся оружие. Захваченное с мертвых русских оружие тоже было приведено в готовность.

Блиндаж был значительно ниже моего КП. В нем нельзя было стоять. Боковой ход был не столь высок, как мой. Поэтому мои товарищи прокопали за ним траншею 40–50 см глубиной и получили лучшую защиту от вражеского огня. Пулемет стоял так, чтобы сразу пустить его в дело.

Как и в прошлые дни, моим основным занятием было наблюдение. Наблюдатель группы не использовался. Время от времени меня сменял Диттнер.

Хюбнер обосновался у нас. Он снова был среди силезцев – почти дома.

В роте не хватало зимней обуви. По этой причине было необходимо, чтобы хотя бы часовые ночью имели теплую обувь. Поэтому я несколько дней носил ботинки на шнурках, хотя они были на несколько размеров больше. Ругаясь на качество моей

обуви, один солдат из взвода сказал мне: «Герр гауптман, у меня есть пластина войлока от коробки с оптикой. Коробку уже сожгли, но мы могли бы вырезать из фетра две стельки».

Я встал на пластину обеими ногами. Ее более чем хватало. Вскоре стельки оказались в ботинках и утеплили их.

Во время наблюдения я каждый раз считал мертвые тела. Я мог видеть, не изменилось ли там что-нибудь. Можно было не сомневаться, что у противника в запасе много хитростей.

Теперешний мой наблюдательный пункт давал более широкий обзор влево. Я слышал разрывы тяжелого оружия противника, как и в предыдущий день. Сегодня для разнообразия наши позиции прочесал пулеметный огонь. Как всегда, мы сидели тихо, ведя наблюдение, но с растущим вниманием. В этот день я дважды стрелял из винтовки. Число погибших медленно росло. Наши мертвые складывались в траншее, ведущей наружу, в самом дальнем углу, примыкающему к боковому ходу. Слабое тепло, идущее ночью от печей, туда не доходило. Там они и оставались, окоченевшие, неспособные разлагаться. Когда стемнело, я перебрался на командный пункт.

Снабжение день ото дня становилось хуже. Последний аэродром, Сталинградский, был потерян 23 января. Немногие контейнеры снабжения, которые ночью на город сбрасывали Люфтваффе, попадали к нам от случая к случаю, и их содержимого было куда меньше, чем нам было нужно для достаточного питания. Естественно, это жалкое положение дел не поднимало боевой дух. Чувство беспомощности вкупе с неопределенностью будущего порождало мрачную решимость. Мы хотели подороже продать свои жизни. Товарищи, забирающие пайки для взводов, мало что говорили, когда несли эти крохи обратно. В тот вечер мы получили полторы буханки хлеба, коробку «шока-колы» и жидкий суп. Это была вся еда для 23 взрослых мужчин!

Съев свою маленькую порцию, я пошел на обход, начав с левого поста. Там фельдфебель Купала доложил, что все в порядке. Потом я пошел к лейтенанту Аугсту на правый фланг. Он сказал, что у нескольких человек вши. Я не был удивлен, потому что мы уже долго не вылезали из формы. Скотина у нас на родине и то была чище.

На обратном пути я навестил раненых и тяжелобольных в блиндаже у медиков. Унтер-офицер Пауль и оба медика делали, что могли, но этого было слишком мало. Мне открылась картина сущей нищеты. Там лежало тридцать товарищей: некоторые раненые, некоторые больные. Воздух в помещении был наполнен тошнотворными запахами гноя, экскрементов и мочи. Я

попытался найти слова утешения. Оказалось, что это трудно. Снаружи я поглубже вдохнул свежий – если не ледяной – воздух. Если бы я мог помочь! Нам было куда легче: мы хотя бы могли двигаться и драться. Хотя мы точно так же голодали, этим беднягам не давали улучшенного питания. Кроме того, им приходилось бороться с болью, и с нею росли психические проблемы. Мы, бойцы, несущие службу, не имели много времени на размышления. Получив ранение, с ним получаешь много времени на раздумья.

Всю ночь на стороне противника царило оживление. Мы слышали его так же хорошо, словно все это происходило рядом. Сухой холодный воздух доносит звук особенно далеко. «Иван» больше не старался говорить вполголоса. Можно было услышать даже обрывки разговоров. Мы были на ногах и приготовились встретить свой конец.

29 января 1943 г.

Утром 29 января передо мной снова лег весь сектор, как будто ночью ничего не происходило. И все же я чувствовал, что конец близок. Думаю, мои товарищи думали то же самое, но мы об этом не разговаривали. У нас была задача, и мы ее выполняли.

Марек известил нас, что прошлой ночью севернее и южнее нас противник атаковал тяжелым оружием и танками. Наши потери там были очень высоки, но отчаянным усилием последние солдаты отбили атаку. Никто не говорил о капитуляции. Это было не наше дело. Там, наверху, должны были решать, раз уж у них была ответственность.

От слишком долгого смотрения в бинокль жгло глаза. Чтобы проверить себя, я сосчитал убитых солдат противника (в который по счету раз) вокруг меня и перед нами. Их было двадцать три. Единственного танка хватило бы, чтобы прекратить наше отчаянное сопротивление. Но у противника было время, и он посылал против нас пехоту. Они не полагались на удачу. В конечном счете, это ничего бы не изменило. Несколько еще дерущихся солдат на этой стадии битвы ничего уже не решали. Некогда гордая и победоносная армия продолжала держаться, хотя все чувствовали, что конец уже наступил.

Русские позволили себе проволочку; 29 января в секторе ничего не случилось. Мы также не знали, что происходит на других фронтах, особенно держится ли южный котел, в котором находился наш главнокомандующий Паулюс.

Пайки урезали еще раз. Целая буханка хлеба и три четверти банки «шока-колы» на 23 человека. Лишь теплая похлебка приходила в том же количестве, потому что снеговой воды было более чем достаточно, чтобы разбавить до нужного. Приходилось

долго искать в ней пятнышки жира и кусочки конины.
Проблем с моими людьми не было. Они несли службу не ворча, поскольку видели, что я сам слишком много делаю и успеваю везде. В эти последние дни «товарищество» не было просто словом – мы действительно так жили! (В немецком языке есть два слова со значением «товарищ». «Геноссе» было скорее партийным словом, а «камерад» имело хождение именно среди солдат и обозначало скорее военное братство и взаимовыручку. Его автор и употребляет на каждом шагу, сам будучи выходцем из солдатских низов. – *Прим. пер.*) Думаю, только тот, кто испытал то же или сходное положение, может по-настоящему знать значение слов «товарищ» и «товарищество». Каждый человек проявлял себя настоящего. Ничто другое не шло в счет: ни чин, ни заученные общие фразы, ни малейшее преимущество, но только безоговорочная ответственность человека по отношению к другому человеку.

30 января 1943 г.

Сегодня, 30 января, Третий рейх отметил десять лет существования. Тогда мне еще не было четырнадцати. Я участвовал с энтузиазмом и убежденной верностью. Я пошел добровольцем в пехоту, когда мне было восемнадцать. Я верил в будущее нашего народа и до сих пор твердо в него верю. Если наши действия и жертва были нужны, чтобы этот «красный потоп», известный как большевизм, не достиг нашего народа и Европы, тогда все было не напрасно. Надеюсь, наш народ переживет эту войну!
Противник взял оформление этого памятного дня на себя. Насколько было слышно с командного пункта, оформление было громким. У всех калибров была одна цель: северный котел. Нас не забыли. Их намерением явно было взять северный котел сегодня, 30 января. Я смогу узнать, есть ли в роте потери от этого «благословения огнем», лишь вечером – если мы доживем до него. Нам всем было ясно, что противник хочет разделаться с нами – мертвые, лежавшие перед нашей позицией и за ней, сказали ему все, что нужно. Но у нас еще хватало патронов, чтобы сыграть еще одну мелодию. Что касается меня, я был абсолютно уверен, что последнюю пулю оставлю для себя. Однако время для этого еще не наступило.

31 января 1943 г.

Оказалось, что противник вчера не достиг цели. Марек доложил, что потери были высоки, но где бы ни сражались немецкие солдаты, они защитили себя и отбросили нападавших. «Все уже отчаялись», – сказал он. Мы чувствовали себя так же.
У Марека еще были новости: нашего главнокомандующего

повысили до фельдмаршала. Геринг вчера выступал по радио перед народом и сравнил нашу битву в Сталинграде с Леонидом и битвой при Фермопилах. Я счел это бестактным – рейхсмаршал меня разочаровал. Мы бились столько, сколько могли, а высокие чины нас уже списали.

1 февраля 1943 г.

Ночь была сравнительно тихой. Как и все прошлые дни, я стоял на наблюдательном пункте и изучал местность так, как только мог. Казалось, мы здесь уже целую вечность. Родина, моя жена, родители и все прочие люди, близкие и дорогие мне, были так далеко и так близко. Мы выдержали за них неимоверное напряжение, и нашим единственным выбором было принять последнее путешествие в вечность. Если бы только не приходилось ждать так долго. В безнадежной ситуации нет ничего тяжелее ожидания. Откуда придет враг? С тыла? Со всех сторон? Возьмет ли он нас измором? Все эти мысли снова и снова приходили ко мне. Конечно, это было глупо. Солдат, отключи мозг, втяни пятки! Я сумел изгнать все глупые мысли. Так было легче выжить.

И снова стемнело, без происшествий в секторе. Я не знал, сколько еще смогут держаться мои товарищи. Как мне разрезать половину буханки хлеба на 23 порции? А как насчет ломтика «шока-колы»? Похлебка была уже просто теплым питьем. Господи, когда же настанет этому конец!

Пока я так сидел, как курица на яйцах, появился Марек.

– Герр гауптман, я должен немедленно доставить вас к гауптману Краузе. Эту позицию нужно оставить.

– Неметц, приготовься, пойдешь со мной. Юшко, за меня командовать ротой остается лейтенант Аугст. Пошли, Марек!

Марек пошел прямо вверх по склону мимо моего командного пункта. Я шел следом. Неметц замыкал цепочку. Наша дорога шла через несколько холмов и долин к развалинам на краю города. Я запомнил несколько сомнительных ориентиров, которые помогут не блуждать на обратном пути. Минут через пятнадцать мы дошли до командного пункт гауптмана Краузе. Его адъютант, лейтенант Герлах, был еще с ним. Мы пожали друг другу руки.

Краузе начал речь:

– Герр Холль, мы должны отойти на новую линию обороны. Наших соседних дивизий, 60-й моторизованной и 24-й танковой, больше нет. Нам придется иметь дело с фактом, что у 16-й танковой дивизии нет локтевой связи ни с кем ни справа, ни слева. Вы будете командовать оставшимися боеспособными людьми и проинструктируете их.

– Герр Краузе, а что с ранеными и больными?

Краузе взглянул на меня серьезными глазами и пожал плечами. Я был поражен:

– Вы хотите сказать, что мои товарищи, которые не могут двинуться с места, будут брошены?! Так не пойдет! Герр Краузе, пожалуйста, пошлите Марека обратно. Лейтенант Аугст может отойти с позиции со всеми солдатами. Я вернусь на передовую и останусь с ранеными. Они верили мне и исполняли долг до конца. А теперь, в последние часы жизни, мы оставим их с мыслью: «Нас бросили на произвол судьбы». Для меня это просто невозможно!

– Герр Холль, я вас понимаю. До свидания, и да пребудет с вами бог!

Мы пожали друг другу руки, и я вышел.

Лейтенант Герлах вышел следом за мной:

– Берт, можно с тобой поговорить?

– Конечно, Вальтер.

– Ты не думаешь, что мы можем пробиться на юго-запад?

– Ни в коем случае, Вальтер. Ты слышал мой разговор с Краузе. Я буду жалкой свиньей, если брошу своих раненых. До свидания, Вальтер!

Мне пришлось поспешить, потому что скоро рассветет, а я хотел быть на передовой. Неметц шел следом.

– Оставайся здесь, Неметц, и жди лейтенанта Аугста. Не придется ходить лишнего.

– Герр гауптман, я пойду с вами.

– Как хочешь.

На полпути обратно нам навстречу прошел лейтенант Аугст с ротой. Я быстро ввел его в курс дела. Потом он ушел, следуя за Мареком. Люди шли молча, гуськом. В хвосте шла моя группа управления и оставшиеся старики. Павеллек заметил, что я иду в сторону старых позиций.

– Герр гауптман, куда вы?

– На передовую, к раненым.

– Можно вас проводить?

– А я?

– И я тоже?

– Кто хочет идти со мной, пусть идет.

Когда мы дошли до блиндажа, полного раненых, я понял, что там было двенадцать человек, способных защитить себя, включая троих медиков. Флаг с красным крестом был установлен перед входом в блиндаж, чтобы противник знал, что внутри раненые и больные.

Моя старая позиция осталась всего в 100 метрах отсюда. Я

поставил часового предупредить, когда придут русские.

В госпитальном блиндаже все выглядело еще неутешительнее, чем когда я пришел сюда в прошлый раз. Число больных и раненых не изменилось. Их было 29. Они все утратили надежду и чувствовали себя отверженными. Не было слышно жалоб, только звуки боли, когда кто-то менял положение на досках. С моим появлением их глаза обратились на меня.

– Товарищи, рота оставила позиции и отошла на городскую черту. Мы вернулись к вам, потому что не можем вас бросить. Ничто не случится с вами, потому что мы еще можем драться. Мы надеемся на лучшее. Родина с печалью смотрит на Сталинград, сердца наших родных с нами. Благодарю вас от имени нашего народа. Мы исполнили свой долг!

Все молчали, и несколько человек тихо плакали. Я сидел в углу и ждал, что будет.

Павеллек дал мне две сухарные сумки и прибор для еды. Потом он достал из кармана кусок мяса.

– Что это?

– Вареная кошачья нога. Поймал кошку в нашем блиндаже. Не знаю, откуда она взялась. Чертовски тощая, но лучше, чем ничего.

Там было на один укус. Я откусил немного и передал дальше, чтобы товарищам тоже досталось.

В моей камуфляжной форме я ничем не отличался от своих товарищей. У меня оставалось две гранаты-яйца и П-08; у меня было две обоймы и пуля в стволе. Всего семнадцать выстрелов. Если русские несправедливо обойдутся с моими ранеными товарищами, тогда им дадут последний бой.

Тем временем в бункере появились оберцальмейстер (Кнопп) и гауптман Микаэлис. Микаэлис командовал в нашей старой дивизии артиллерийской батареей.

И так мы ждали своего последнего дня в Сталинграде!

Приложение Карьера Эдельберта Холля

Эдельберт Холль родился в Дуйсберге-Лааре, Рейнланд, 15 февраля 1919 года. Родители – Теодор и Эмма (урожденная Нусбаум) Холль. Получил домашнее образование с Пасхи 1925-го до Пасхи 1935 года, потом народная школа в Дуйсбург-Лааре с Пасхи 1933 г. до Пасхи 1936 г. Посещал коммерческое училище в Дуйсбурге, получил аттестат об окончании в апреле 1937 г. Начал ученичество в коммерческой фирме, но решил сменить карьеру на военную.

Послужной список:

3 ноября 1937 г. Принят на военную службу в 5-ю роту 24-го пехотного полка.

12 ноября 1937 г. Принес присягу.

1 октября 1939 г. Переведен в 6-ю роту 276-го пехотного полка.

5 февраля 1940 г. Направлен в пехотную школу Дёбериц.

5 мая 1940 г. переведен в 3-ю роту 173-го запасного батальона.

1 июля 1940 г. Присвоен офицерский чин. Переведен в 173-й запасный батальон.

29 августа 1940 г. Переведен адъютантом во 2-й батальон 276-го ПП.

5 сентября 1940 г. Временно принимает командование 7-й ротой 276-го ПП.

18 октября 1940 г. На курсах компанифюреров в 276-м ПП.

1 августа 1941 г. Компанифюрер 7-й роты 276-го ПП.

14 апреля 1942 г. Получил разрешение жениться на Ильзе Моуг.

20 июня 1942 г. Свадьба.

20 августа 1942 г. Переведен в 134-ю пехотную дивизию.

24 сентября 1942 г. Вернулся в 276-й ПП в качестве компанифюрера 7-й роты.

21 октября 1942 г. «По особому распоряжению» – штаб 276-го гренадерского полка.

1 января 1943 г. Командир 1-й роты 79-го панцергренадерского полка (16-я ТД).

23 января 1943 г. Объявлен пропавшим без вести в Сталинграде (V. L. 83.49).

Ранения:

9 августа 1941 г. Канев – легко ранен, остался в части.

6 октября 1941 г. Сомовка, река Орел – легко ранен, остался в части.

19 апреля 1942 г. Ныркoво, легко ранен в легкое, госпитализация.

27 сентября 1942 г. Сталинград, легко ранен в голову.

18 октября 1942 г. Сталинград, легко ранен, контузия, временная потеря слуха.

20 октября 1942 г. Сталинград, ранен шрапнелью в правую руку.

Награды:

20 сентября 1939 г. Железный крест второго класса.

24 августа 1941 г. Железный крест первого класса.

1 февраля 1942 г. Черный знак за ранение.

20 апреля 1942 г. Знак за ранение в серебре.

5 мая 1942 г. Два значка за подбитый танк (подбил два танка из противотанкового ружья под Каневом 9 августа 1941 г.).

8 июня 1942 г. Значок за пехотную атаку.

1 сентября 1942 г. Медаль за зимнюю кампанию на Восточном фронте.

21 октября 1942 г. Знак за ранение в золоте.

Продвижение по службе:

1 октября 1938 г. Ефрейтор (объявлено на ротной поверке 29.10.1938).

1 октября 1939 г. Унтер-офицер (одновременный контракт на 12 лет службы).

1 апреля 1940 г. Фельдфебель.

3 мая 1940 г. Выдвинут кандидатом в офицеры.

1 июля 1940 г. Лейтенант запаса.

1 октября 1941 г. Лейтенант (действительная служба).

1 июля 1942 г. Обер-лейтенант.

1 января 1943 г. Гауптман.